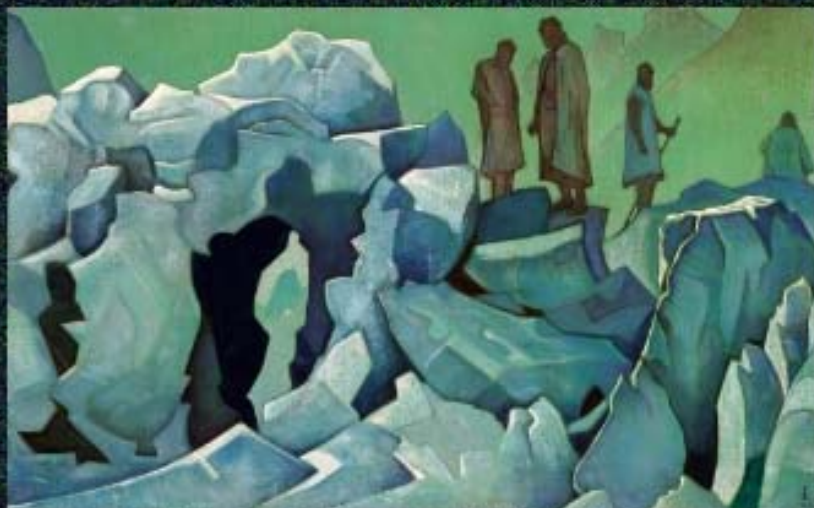

[Polaris]

А. АДАЛИС, И. СЕРГЕЕВ

АБДЖЕД,

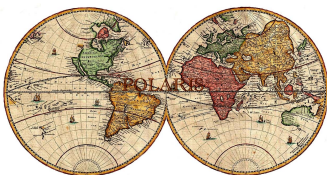

ХЕВЕЗ, ХЮТТИ...

Советская авантюрно-фантастическая
проза 1920-х гг.

Том IV

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

LXXIV

Salamandra P.V.V.

**А. Адалис,
И. Сергеев**

АБДЖЕД, ХЕВЕЗ, ХЮТТИ...

Советская авантюрно-фантастическая
проза 1920-х годов

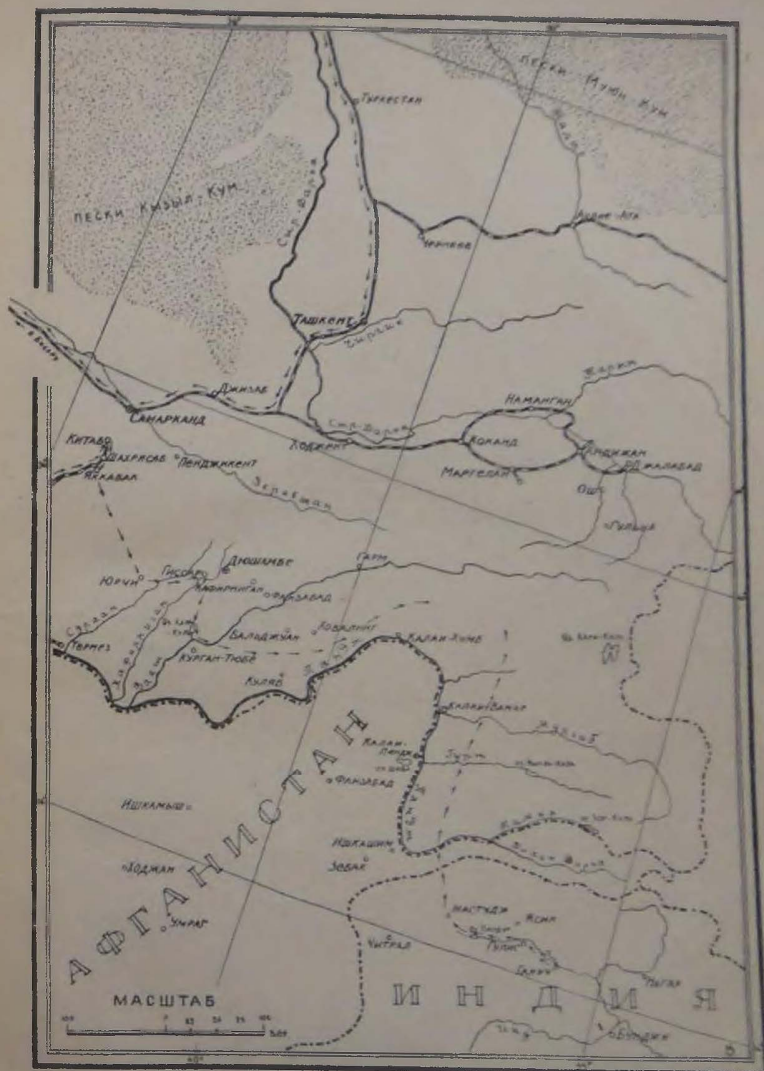
Том IV

Salamandra P.V.V.

Адалис А. Е., Сергеев И. В.

Абджед, хевез, хютти...: Роман приключений (Советская авантюрно-фантастическая проза 1920-х гг. Том IV). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2015. — 184 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. LXXIV).

Новый выпуск серии «Polaris» представляет весьма редкую и несправедливо забытую книгу — написанный на туркестанском материале авантюрно-фантастический роман поэтессы А. Адалис и ее мужа, писателя И. Сергеева «Абджед, хевез, хютти...» (1927). Этот роман можно читать как историю злосчастной экспедиции, открывшей в горах Памира загадочную потерянную цивилизацию. Но такое прочтение будет только поверхностным — перед читателем роман масок, и под маской традиционного «романа приключений» в нем скрывается изощренная литературная игра.

А. Адалис, И. Сергеев

**АБДЖЕД, ХЕВЕЗ,
ХЮТТИ...**

Роман приключений

АБДЖЕД, ХЕВЕЗ, ХЮТТИ...

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Глава первая

ЛЕГЕНДА

Верблюду поглядел искоса гордым, мохнатым глазом. Козодоевского снова рвало. За двенадцать дней перехода он не мог привыкнуть к килевой качке. Сережа, раскуривая зеленую махорку и вставившись невидящими глазами на знакомое зрелище, продолжал говорить терпеливо и зло:

— Да, зачем мечтать об Африке, когда собственная Африка под рукой? Ты мираж видел? — Видел. Тигра видел? Видел? Ты сейчас скажешь, что не видел тигра, но это ложь. Джелал свидетель. Джелал!

Черноглазый мальчик со скошенным подбородком и живыми бровями застенчиво улыбнулся.

Сережа настаивал:

— Надеюсь, ты не жалеешь, что мы использовали отпуск таким образом? Не жалеешь? Боря, а, Боря!

Козодоевский икнул и втянул в себя новый приступ рвоты. От природы он был обидчив, хрупок и привержен к литературе. Его дружба с Сережей измерялась беспричинной симпатией к последнему всех встречных и поперечных.

На сей раз Козодоевского проняло:

— Вы несправедливы. Если бы вас рвало, я бы вел себя иначе! Что касается верблюдов, они страшны, как химера. Я уже говорил вам, что верблюд — помесь облезшей проститутки с доисторическим чудовищем. Вы хотите признания, что я их боюсь? Да, боюсь! Нате, режьте меня!

— Не валяй дурака, Боренька! Никто, братишка, не виноват, что тебя кишка тонка. Поехал — терпи.

Сережа отошел в сторону и, заслонив глаза рукой, взгляделся в смутный, пересыпающийся воздух.

Двенадцать дней по бледной горячей земле, под низким солнцем! Серый Гиссарский хребет, верблюды, будто слепленные из древней земли — Шахриябз, Якка-баг, Хайдар, — глаза усталые от песчаных бризов; на остановках тро-

стниковые навесы караван-сараев, древний черномазый народ с дребезжащими дюторами, с розовой розой за ухом и вечной пиалой у рта... А дальше — смутная, как воздух, неизвестность и чертовщина, вроде той, что пишет Козодоевский, только лучше...

Сзади Сережи раздалась высокие гортанные крики погонщика. Джелал помог встать первому верблюду, закурчавшему, как лошадь селезенкой, остатком воды в бурдюке. За первым, кряхтя и подламываясь, вздернулись второй и третий. Под шеей у каждого болтался медный, позеленевший по краям колокол. В песчаной тишине прошел мягкий, нестройный звон — волнующий и усыпительный. Караван тронулся.

До ближайшего караван-сарая оставалось около четырех часов. Козодоевский, утомленный рвотой и мерным качанием верблюда, сидел с закрытыми глазами, мысленно перебирая слова новых стихов:

«Песок... прохлада... вечереть... Болезнь... восток. Тамерлан — померла... мазар — сказал... Гималаи»

— Гималаи-то продолжение Гиссарского хребта, а, Боря? — вдруг спросил Сергей.

— Что? — Козодоевский вздрогнул.

— Гималаи-то продолжение Гиссарского хребта, а?

— Отроги, голубчик, а не продолжение. А ты почему знаешь, что я подумал о Гималаях?

— Ничего я не знаю...

Они продолжали путь молча.

Жара в Туркестане спадает быстро и начисто: она точно отсыхает от ладоней, от висков, от подметок, от напряженного и отяжелевшего за день сердца. Серо-желтый закат подернут туманом.

Козодоевскому и Сереже после Москвы все было в диковину. Будь у них командировка — твердое и ударное обязательство — Средняя Азия пришлась бы им по росту: та же работа, та же советская земля. А большой отпуск вынуждает человека наслаждаться и напрягать свою любовь к жизни. Еще месяц тому назад Туркестан казался им чем-то вроде Кавказа, только запущенного и неиспользованного.

Десятки людей ежедневно уезжали в Туркестан и приезжали оттуда; говорили о городах, где по улицам так же гремят трамваи, издаются газеты, где будто бы такая же культура, только с пряным восточным запахом.

Три недели тому назад, в Ташкенте, друзья были не удовлетворены широкими аллеями улиц и черными шарами карагачей — непонятных и прекрасных деревьев; особенно пленяли их на каждом шагу чай-ханы, убранные темно-красными коврами и широкими паласами, с утра до ночи полные народом в пестрых халатах, тюбетейках и чалмах. Раскаленные докрасна базары с небрежными купцами и хитрыми покупателями напоминали кинематографический Восток. В старом городе обдавали теплом слепые лессовые стены, обрывы и лошади. Множество лошадей...

—Ташкент того-с, на вид колониальный город, — соглашались приятели, гуляя по шашлычной Урде между грудами лавчонок, фруктов и фонарей. И им казалось, что так было же во многом города Британской Индии.

В Самарканде отдых кончился. Потянуло вглубь страны. Они жили в самой гуще мусульманского населения, между гортанных песен, ишаков, неистовых собак и сверкающих голубых развалин. Каждый вечер хозяин чай-ханы играл на дюторе и пел на картавом языке о заманчивых городах.

12-го июня Козодоевский и Сережа снарядились в путь на восточную границу. От Самарканда до Бухары они добрались поездом; от Бухары на Карши, с пересадкой в Китаб. Из Китаба в Шахрисябз. Два дня искали путей пробираться дальше. На 3-й день, шляясь по базару, встретили торговый караван — наметили маршрут и тронулись. И когда отъехали от Шахрисябза несколько верст, они поняли, что культура кончается там, где замирают гудки паровозов; и сейчас можно было ожидать решительно всего: тигров, басмачей, землетрясений. Козодоевский ворчал: пользуясь справочниками и чужими рассказами, он сделал бы лучшую книгу о Туркестане, чем в качестве очевидца.

Всю свою жизнь он искал встреч с рассказчиками. Общественная работа кандидата партии утомила его больше, чем полагается.

В караван-сарай, после четырехчасового перехода, он заснул, как мертвый, обычным своим тяжелым, но долгим сном. Сережа пил зеленый чай, прочно расположившись на плоских, жидких подушках; Джелал сбивчиво перебирал струны дютора.

Русские в этих местах — редкость. Караваны с советскими работниками, отправляющимися в Дюшамбе, проходят выше по большой верблюжьей тропе, западнее Куль-Искандера. И разговор хозяина с путешественником заставил навострить уши всех собравшихся под низким закопченным потолком.

Подсело еще двое: один — молоденький с большими выпуклыми глазами, лет 20; другой — чернобородый в дорогом парчовом халате.

Старик-хозяин что-то коротко сказал чернобородому.

Чернобородый отполз и передал сказанное внимательно притихшим спутникам.

— А-а-а! — Закачались седые бороды и молодые безусые лица. Кто-то предложил пиалу с зеленым чаем.

Сережа знал: отказаться — обидеть. Взял в правую руку к груди, сказал «рахмат».

Раздался довольный смех.

— Ой, якши, русс, якши-ака!

Знакомство было завязано.

— А, сдалека едит? А?

Пораженный Сережа обернулся и поглядел на говорившего по-русски.

Чернобородый улыбнулся.

— Вы знаете русский язык?

— Да. Я жил Россия. Торговал. Магазин был в Китабе. Сейчас Дюшамбе ехал. А вы куда?

— Да тоже я Дюшамбе.

— Одна?

— С товарищем.

Чернобородый вопросительно поглядел вокруг.

— Он сейчас спит во дворе, — пояснил Сережа.

— А-а. Усталя. Жарко — ой-ой-ой. Жарко!

— Да.

— Ничего. Отдыхал будет — здоров будет. А зачем в Дюшамбе ехал? Плохо жарко. Яман-йол (плохая дорога).

— Ну, ерунда, хорошо. Два дня — и там будем. Посмотрим — и дальше.

— А куда?

— Пока не знаем.

— Нет. Дюшамбе — нехорошо. Жарко. Была в Искандер-Куль?

— Нет, не были. А что, интересно?

— Да, хорошо. Большой вода. Там ты пондравин.

— Что?!

— Пондравин.

Сережа растерянно поглядел на Джелала.

Джелал расхохотался.

— А еще — «я жил Россия»! Не знаешь говорить, русский слово не знаешь! Не пондравин, а мандравин.

Черная борода обиделась.

— Ну, мандравин. Так?

Сережа продолжал не понимать.

— Вот один хороший девочка, — объяснял Джелал. — Ты смотрел хороший девочка. Ты говорил: она мне мандравин.

— Не так, Джелал! Не «мандравин», а понравилась, — догадался Щеглов.

Чернобородый распахнул полы халата и расхохотался в свою очередь.

— Ай да мулла Джелал! «Не умеешь русски»! Сам не умеешь! Приди я тебе дать верблюда чистил. Хочешь?

Джелал в свою очередь обиженно замолчал.

Купец окончательно пришел в благодушное настроение; он подсел еще ближе к Сереже и заговорил почти заговорщицким тоном:

— А тебе я скажу, ака: иди Куль-Искандер. Хорошо смотреть. Большой вода, а кругом высокий гора. На один угол карагач стоит, на другой угол карагач стоит, на третий угол карагач стоит, на четвертый угол карагач стоит. Сам Искандер карагач растет. Сейчас растет. Дальше пойдешь — гора, гора, гора. Высоко — тяжело. Пойдешь дальше, шел

направо — там река идет. Пойдешь река — ничего не растет, пусто. Идешь, идешь — гора, на гора — черный яма... идешь яма — комната попал, большой ветер — ой-ой-ой — идешь, опять комната попал — темно — ночь, вода — чайник кипит. Бисмаллах! Идешь дальше — опять комната; большой змея лежал, глаза горел; этот змея убить нужно и левый глаз на рука взять. Идешь, глаз на рука горел. Светло — день. Опять комната, большой большой, а дверь нет. Ты стать на запад, на Магомет, громко сказать: «Бисмилла ир-рахман ир-рагим», и как сказал — сейчас глаз от змея катился, катился. Идешь, опять перед тобой глаз бежал: смотришь, комната и сто дверь. Не знаешь, куда попал нада. Смотришь: опять глаз бежал; твой одну дверь открывал, опять комната и сто каракурт¹. Раз кусил — сейчас умирать. Посмотрел — есть каракурт; смотрел опять — нет каракурт; зато есть девушка, много красивый девушка. Хотит тебе подойти, целовать хотит. А ты знал — целовать нельзя: раз целовал — сейчас умирать. Тогда ты брось глаз змий на пол и кричать:

Аузу́ билляг минáш-шайтан-уль раджим бисмилляги размани-рагим². Разбился глаз сто кусков: убил сто девушка — как умирал девушка — нет девушка, нет каракурт, лежит сто шугал³ — помирать, воняет. Теперь ты одна, темно, куда шел не знай. Стал — слушал: совсем тихо — ничего не слышать. Потом слушал, смотрел — вода бежал. Пошел рука на вода ложил... Кругом стена, нет дорога, нет вода, бежал вода в стена. Теперь ты встать и стучать стена один раза — один, один раза — два, один раза — три, и громко кричать одно слово, ах, какой слово — я сейчас забыть все слово, а так нада: «Абджед хевез хютти... келемен», — нет забыть, — вот в Китаб я есть это слово. Потом стена будет, дверь, потом идет на дверь старый женщин с белой борода; говорит женщин:

¹ Черный паук, укус которого считается смертельным.

² Прошу у бога защиты от сатаны, прогоняемого камнями, во имя бога милостивого, милосердного.

³ Шакал.

— Много ты шел, много умел, много делал. Вот ты взять ключ, эта ключ на комната лежат в комната сундук, в сундука опять сундук, опять сундук, опять сундук, очень много сундук, а в самый маленький сундук лежит «диргем»¹ — маленький «диргем». Ты взять этот «диргем» и пойти Искандер-Куль. И знать: все равно, что «диргем», что «тали» — это и есть «тали». Все, что хочешь, твое есть. Хочешь много-много денег — твое есть, хочешь много девушка — твое есть, хочешь много верблюдов — твое есть, что хотел — твое есть. Потому «тали» — Аллах дать. Великий слово «абджед хевез хютти»!

Чернобородый посмотрел пристально на свои пальцы, украшенные дорогими перстнями, и глубоко втянул дым из чилима².

Сережа тихо нагнулся к Джелалу:

— Что такое «тали», Джелал?

— Счастье, «тали» — счастье значит, ака.

Чилим забулькал; чернобородый выпустил густой клуб дыма.

— А потом, ака, пойти к Искандер-Куль. Думать, думать, что хотеть. Долго думать. Потому Аллах дать раз хотеть. Потом брось «диргем» Искандер-Куль. Кипит вода, кипит куль, карагач тебе петть. Птицы петть. Джуль-барс прийти, рука тебе целовать. Потом выйти из Искандер-Куль девушка — все, что ты хотеть — все сделать. Ой, хорошо Искандер-Куль! Тяжело «тали» бросать. Много люди умирать, лежит «тали», никто взял. Бисмилла ир-рахман ир-рагим!

Чилим погас. Крошечный, коренастый мальчуган с ужимками ленивого зверька снял резной деревянный чубук, полный горячего пепла и осторожно отнес его в угол, где шипели диковинные узкогорлые самовары. Часть слушателей разошлась. Сережа встал, потягиваясь и хрустя пальцами.

— Рахмат, ака! Очень хорошая легенда. Жаль, мой товарищ не слышал. Он это любит.

Чернобородый молчал, склонив голову на грудь.

¹ Маленькая серебряная монета.

² Подobie наргиле-кальяна.

Сережа обратился к Джелалу:

— Ты не верь, голубок, чепуха. А поискать чего-нибудь интересного и я не прочь, а, Джелал? Дюшамбе-то чепуха. Самарканд видели, Шахриябз видели. Что искать в Дюшамбе? Потом успеется, а, Джелал?

Джелал улыбнулся своей виноватой улыбкой.

— Дюшамбе плохо. Куль-Искандер плохо. Езжай Москов. Там русски папа, мама. Здесь басмач. Убить могут. Чего тебе надо?

Сережа похлопал Джелала по плечу.

— Брось, бала¹. В Москве работы много. Мне отдохнуть надо. Приеду Москов, снова работать буду. Айда спать.

Сережа вышел во двор караван-сарая. В дверях он остановился и весело постучал пальцем по лбу, поймав себя на том, что все чаще коверкает русский язык. Потом улыбка медленно сошла с его губ. Двор караван-сарая, огромный и мрачный, был полон верблюдов и до ужаса схожих с ними погонщиков. Погонщики спали скорчившись, почти сидя. Дикий и терпкий верблюжий запах, ставший уже таким знакомым, навис над караван-сараяем, как грозовая туча. Две желтые лампы низко горели в двух концах двора. Сережа вспомнил из легенды:

«Нет, девушка, нет каракурт, лежит сто шугал: помирать — воняет».

«Ерунда какая, — подумал он, и тут же поправился: — Легенда — ерунда, а Куль-Искандер существует. Есть тут места и почище Куль-Искандера. Например, Кара-Куль. Неисследованная земля — terra incognita, что ли, как это там говорится?.. Советская земля!»

К горлу бурно подступила радость.

— Выбрать по карте, где пожутче, а потом, глядишь, открытие... Искать, поднять на ноги учреждения, если что-нибудь важное...

Он стал осторожно пробираться между спящими в поисках Козодоевского. Козодоевский спал на спине, раскрыв рот и раскинув руки. На худом лице обострился и стал еще

¹ Мальчик.

горбатеи забавный немецкий нос. Кисея, защищающая от комаров, сползла под подбородок и скомкалась, как нагрудничек у младенца.

Сереже стало беспричинно жаль товарища. «А, впрочем, ведь и Борис рад отведать приключений, опасностей, воздуха неизвестных стран», — успокоил он себя, с наслаждением вытягиваясь рядом на жесткой и пыльной кошме. Сквозь сон томили приятные, но навязчивые мысли: завтра расквитаться с караваном, обмозговать, прикинуть, и в путь — далеко, далеко...

Глава вторая

РАЗГОВОРЫ

Джелал сидел около очага, сложенного из камней, и прислушивался к бульканью утренней шурпы¹. Русский ака уже сказал о своем намерении отколоться от каравана, и Джелалу было досадно.

«А еще обещал в Москву взять, — с горечью думал он, — учить, Комсомол показать. Москва — большой город. Далеко, интересно».

Джелала тоже тянуло вдаль, но на запад. Городской сирота, он не имел дома и служил переводчиком у купца, ехавшего с караваном. С Сережей и Козодоевским он встретился в Шахрисябзе на базаре. Он помог им примкнуть к каравану, рассказал множество самаркандских историй и научил Сережу играть на двухструнном дюторе. Теперь юноша твердо знал: отпустить их — значит самому остаться навсегда в своей жаркой стране. Уговорить остаться — невоз-

¹ Восточный суп.

можно. Джелал взял дютор и стал тихонько напевать, как всегда, когда размышлял о чем-нибудь трудном.

— Плохо мне жить в Самарканде, скучно мне жить
в Шахрисябзе.

Скучно мне жить в Китабе, плохо мне жить в Андижане.
Одинока луна на небе, и я одинок на земле...

Русский хороший товарищ, обещал меня взять в Россию,
А теперь он забыл об этом и сам уезжает в горы...

Одинока луна на небе, и я одинок на земле.

Для того, чтоб за ним поехать в очень хороший город,

Я должен за ним поехать в очень опасные горы,

Одинока луна на небе, и я одинок на земле...

Как я за ним поеду? Есть у меня хозяин...

Джелал осторожно отложил дютор в сторону: решение пришло само собой. По старой привычке хитрить, он решил ничего не сообщать пока русским и стал снова с улыбкой глядеть в кипящую шурпу, пока ее не сняли с очага.

Во дворе два рослых таджика поливали пыльную стоптанную землю. В углу под навесом трубил, вытянув шею, тощий маленький ишак.

Расстроенный Козодоевский умывался из кувшина. Он подозвал Джелала:

— Что, Джелал, плохо ехать на Кара-Куль?² Сережа хочет — меня зовет.

Джелал помедлил:

— Я не был Кара-Куль. Не знаю.

— А что вчера купец говорил, когда я спал?

— Черный купец Искандер-Куль говорил. Купец не говорил Кара-Куль.

— Ах, так! Искандер-Куль, а не Кара-Куль?

Борис закусил губу.

Утром, чем свет, друг рассказал ему о своих планах и коротко повторил легенду черного купца. Со дна пухлого саквояжа была извлечена карта-сорокаверстка. Уже во время утреннего разговора Козодоевскому показалось странным,

² Черное озеро.

что купец запомнил самое интересное: какое-то заклинание на счастье. Борис, притворявшийся сам перед собой марксистом, скрывал свой интерес ко всяким заговорам, заклинаниям, легендам, всему, что он объединял под научным названием фольклора¹ и собирал, как якобы литературный материал. В глубине души он почти верил им, но слово «мистик» в устах Сережи казалось ему обидным. Сережа фольклора не собирал, и тем более многозначительным представился Козодоевскому тот факт, что беседа с чернобородым была передана скомкано и даже извращенно.

«Надо последить за Сережей, попытать», — подумал Козодоевский, и с этого момента будущее путешествие приобрело для него долго недостававшую прелесть авантюры.

Джелал продолжал вопросительно смотреть в лицо «руссу».

«Может быть, и он причастен», — промелькнуло в белокурой голове. Козодоевский сделал вид, будто припоминает:

— А-а, подожди, подожди, Джелал! Это не тот ли купец, что торгует какой-то особенной бирюзой?

Джелал заинтересовался.

— Бирюза — первый камень, ака. Замечательный камень. А почему ты про это знал?

— Мне один мулла говорил.

— Что говорил?

— Что купец с черной бородой около Дюшамбе бирюзой торгует.

— А может, этот не эта купец.

— Может быть. А он высокий?

— Высокий.

— Борода черная?

— Черная.

— Халат золотом шитый? — жарил Борис со слов Сергея.

— Ай, халат, очень хороший халат!

¹ Народное творчество.

— Ну, наверно, тот самый.

— А ты, ака, купил хотеть бирюза?

— Подожди, Джелал, я сейчас.

Он бегом пересек двор. Дверь чай-ханы загораживала широкоплечая фигура Сережи.

— Куда ты девался, Борис, шурпа стынет?

Козодоевский провел рукой по лбу, потом придумал:

— Ты слышал, у чернобородого твоего какие-то особенные английские консервы. Нам бы нужно в дорогу.

— Эх ты, вспомнил! Чернобородый уже уехал. А ты откуда знаешь?

— А давно уехал?

— Минут 15-20. А ты откуда знаешь про консервы?

Козодоевский метнулся.

— Подожди, я сейчас. Тошнит...

Дороги была пуста. Низкие дувалы, освещенные ярким утренним солнцем, слепили глаза. Шагах в двухстах, где дорога заворачивала и сливалась с желтой стеной, брел одинокий халат.

— Эй, ака, ака!— заорал Козодоевский.

Халат обернулся.

— Где дорога в Дюшамбе?

Старик неопределенно показал влево. Козодоевский приметил вдали пыль и колеблющихся верблюдов. Через десять минут призового бега верблюды стали яснеть. Кто-то из погонщиков заметил бегущего и караван задержался

Борис сразу узнал по описанию чернобородого купца.

— Я к тебе, ака, на минутку.

— Ну-ну, зачем служить могу?

Купец был в серой бурке. В руках у него светились янтарные четки.

— Ты, ака, говорил вчера моему товарищу легенду про Куль-Искандер. Мы хотим пойти туда.

Чернобородый молча перебирал сияющие зерна.

Козодоевский продолжал добиваться:

— Ты уж извини, ака, что я задержал тебя. Очень интересно было бы поговорить. Я, как услышу, так сейчас за-

писываю. Да жаль вот, что товарищ перепутал легенду. Слова «тали» позабыл. Если ты можешь, скажи мне.

Чернобородого такая просьба удивила.

— Я могу, русс, только не помню. Не могу сказать.

— Ну то, что помнишь, скажи.

Купец перебросил желтые четки из правой руки в левую и почесал переносицу.

— Абджед хевез... хютти... Нет, не помнит, русс, не могу сказать.

Лихорадочно записывающая рука остановилась.

— Ну, может быть, вспомнишь? Вспомни, ака.

Купцу не понравилась Борисова настойчивость.

— Нет, русс, не помнить, не сказал. Досвидана.

Козодоевский побрел обратно, кусая губы и чертыхаясь. В караван-сарай было пусто. Сережу и Джелала Борис нашёл тихо разговаривающими под навесом. Джелал замолчал и опустил влажные от слез глаза.

— Куда тебя черт носил, Боря?

Голос Сергея чуть-чуть охрип, как всегда в минуты волнения.

Козодоевский бросил быстрый взгляд на острый ургутский нож Джелала, валявшийся на паласе.

— Вы это о чем спорите?

— Мы не спорим. Расставаться грустно.

Он снова обратился к Джелалу.

— Спасибо за нож, бала. Спасибо, урток¹. Твой привет в Ховалинг передам.

Джелал прикусил мимолетную улыбку, — это не укрылось от Козодоевского. Раздражение нарастало вместе с жарой. Он решил дать ему излиться.

— В какой Ховалинг? К черту Ховалинг! Кстати, Сергей, могу я узнать, куда я еду?

— Сначала на Кара-Куль через Каратаг, Гисар, Ходжаимат и Дагана. А с Кара-Куля на Ховалинг и дальше.

— То есть, как дальше?

¹ Товарищ.

— То есть как «то есть как дальше?» Дальше и вся недолга.

Козодоевский перестал владеть собой.

— Прошу вас оставить этот идиотский тон! Что я вам, мальчик, что ли? Распоряжаться собой я позволю. Дудки! Я еду на Искандер-Куль!

У Сережи медленно покраснели уши.

— Не хами, Борька! Что за чушь ты порешь? — Он старался говорить сдержанно. — А впрочем, если хочешь... будь по твоему. — Ты на север, я на юг, в Москве встретимся. Смотри только, чтоб тебя басмач не заел.

— Какой к черту басмач! Никого я не боюсь!

— Ну, как знаешь. Только на твоём месте я бы не дурил. Никуда ты один не поедешь.

Козодоевский вдруг больно ощутил справедливость Сережиных слов и, едва увидев проблеск улыбки на лице приятеля, постарался улыбнуться сам. Улыбка вышла внезапно — милой, и оба рассмеялись.

Джелал только и ожидал этого момента, чтобы рассмеяться самому. Он любил, чтобы кругом было «хорошо-весело».

За зеленым чаем снова развернули карту. Борис чувствовал себя героем, решив сопровождать Сергея за приключениями. Но его подозрения оформились и окрепли.

До Каратага они решили продолжать путь с тем же караваном. Там Джелал пообещал их свести с новым караваном, идущим на Кара-Куль.

Вышли поздно, часа за два до полудня. В полдень воздуха не стало. Дышали солнцем, горячим и лиловым. Козодоевский рассматривал на свету свои похудевшие пальцы и откровенно думал: «не люблю природы». Сережа несколько раз обращался к нему с незначащими веселыми вопросами и получал серьезные ответы, о которых думать было жарко и не надобно.

Под Каратагом пришло освобождение в образе кривого, синего и тощего, как огородное пугало, арыка¹, над которым

¹ Узкая оросительная канава.

такими же чучелами свисали худосочные туты¹ и, постукивая серебряными костяшками, торчали обглоданные тополя. Такую природу Козодоевский признавал. Томик Бодлера лежал в его саквояже между четырьмя запасными кубиками бульона «Магги» и запасной же егеровской фуфайкой.

Базарный день был на излете, когда сделки заключены, но деньги еще не уплачены, и купцы с покупателями тесно благодушествуют в прохладных, развесистых чай-ханах.

С трудом пробравшись между овальными задами афганских лошадей, Сергей и Борис, предводительствуемые Джелалом, нашли рослого, рыжего афганца с громадной нижней губой и широким шрамом от левого уха до носа. На рыжей копне небрежно сидела грязная чалма. Зеленоватый с ярко-желтыми разводами халат довершал наряд владельца каравана.

Прежде чем согласиться на просьбу взять с собой русских путешественников, он долго и бездумно молчал, подбирая зачем-то с колена Сережи приставшие соломинки.

— Верблуд... — сказал он, сощелкивая когтями последнюю соломинку, и снова замолчал.

— Что он хочет этим сказать? — заволновался Борис.

Сережа поднял брови:

— Ничего.

Наконец афганец заговорил членораздельно. Первый его вопрос был о худобе и бледности Козодоевского, второй, еще более смутительный — о деньгах. От 420 рублей оставалось 250. В Средней Азии денег либо нужно вдоволь, либо не нужно совсем. Мизерность суммы сбивала с толку и мешала найти правильную линию кочевого быта. На сей раз пришлось туго. Афганец был неумолим.

— 60 рублей.

Джелал отмахивался и ахал.

Наконец помирились на 30 рублях.

Джелал радостно сообщил об этом и перевел слова афганца:

¹ Шелковичное дерево.

— Она говорит — 30 рублей. Эта, ака, очень правильный денги. Очен дешева. Потом на Кара-Куль савсем па-лохо будит. Каждый санг¹ — чирвон стоит. Очинь недеши-ва.

Джелал обдал русских преданным взглядом, хотел до-бавить что-то, но промолчал. Как существо из «Тысяча и одна ночь», он стоял, обрывая лепестки розы, и потягивал носом. Было ясно, что долгожданная и томившая с утра ми-нута прощания наступила.

— Ничего, здоров будешь — умен будешь. Встретимся еще, в Москву вместе поедем. — Сережа тяжело потрепал Джелала по лопатке.

Тот продолжал молчать. Сережа вздохнул.

— Хорошо мы с тобой время провели. Честное слово. Эх, кабы ты мог с нами поехать!

Козодоевский насторожился: ему показалось, что Дже-лал быстро слизнул с губ ту же плутоватую улыбку, что да-веча в караван-сарает.

«Узнать бы только, что за комедию они ломают меня ради», — раздражительно подумал он.

Джелал снова улыбнулся, тычинку розы он выбросил в сухой арык.

Когда простились окончательно, пришлось расплачи-ваться со старым караваном. Насчитывая отдыхи, остано-вки, привалы, воду и прогорклый сушеный урюк², хозяин накинул лишних десять рублей сверх двадцати.

— Задача! — с кажущимся спокойствием говорил Борис. — Было 250; одному каравану — 30, другому тоже 30. По-теряешь обязательно 40 р., подаришь 300. Сколько останет-ся?

Сергей задачи не решил. Медленно поводя плечами, он в десятый раз увязал багаж свой и приятеля, потом перело-жл из баула в карман черный потертый браунинг.

На другой день на рассвете каравай двинулся к югу.

¹ 8 верст — местная мера длины.

² Абрикосы.

Глава третья

АНГЛИЧАНИН

Арт Броунинг вернулся в Индию 18 мая. По всем видимостям, он сразу же вступил в исполнение обязанностей лейтенанта индийского авиационного флота и возобновил старые знакомства. Вечером 30-го, когда Арт кружил по губернаторскому саду в сопровождении белокурой Энни Беккет, «личное дело» за № 5—478-а было окончательно комментировано и снабжено резолюцией: «дополнить сведения». По странному стечению обстоятельств, Арт Броунинг беседовал с Энни о русских большевиках, и если раньше за ним утвердилась репутация беспокойного малого, то теперь он попал в разряд опасных чудаков. Но лейтенант воображал себя горячо и сентиментально любимым. Поэтому он был почти искренен в своих определениях и утаивал только то, что обязан был утаить. К чести Арта, как светского собеседника, надо однако добавить, что в его описаниях больше места занимали ледяные пейзажи Мурманского побережья, чем история интервенции 1919 — 20 годов.

— Невообразимо, — заключила Энни, — а потом?

— Потом? — снова Англия, банкеты, военное министерство, авиация.

Лейтенант вздохнул. Это была последняя встреча с Энни перед отъездом на Афганскую границу. Любой из полковых товарищей Арта, получив назначение в такую дыру, как Гакуч, пустил бы в ход все связи, чтобы увильнуть, но Броунинг интересовался самыми непредвиденными для колониального офицера вещами: восточными наречиями, траволечением, кустарным производством, боем баранов и разоблачениями индусских игогов. Помимо всего этого, он отличался легкомыслием в отношениях с туземцами: был ласков со своими слугами, а с чужими мягок.

Ко дню прибытия Броунинга на место назначения дело за № 5—478-а, рожденное в Архангельске при штабе анг-

лийской армии и выросшее в политическом отделе Скотланд-Ярда, уже акклиматизировалось на индусской территории. Чуткость преследуемой дичи вырабатывалась у Броунинга туго; Индия располагала его к старым спокойным занятиям: коллекционерству, спорту и прогулкам. Ему не приходилось так болезненно привыкать к ядовитой экзотической земле, как это принято на колониальной службе: здесь прошло его детство и ранняя юность. Безнадежно лиловый на солнце и изрытый зноем Гакуч не пугал лейтенанта. Наоборот, Арту Броунингу пришлось еще спастись от самоубийства и выхаживать младшего субалтерн-офицера Джона Уикли. По английским законам субалтерн-офицеру полагалась кара за малодушный поступок, и первой инстанцией был лейтенант; но лейтенант сам нарушил закон, сохранив тайну подчиненного. С этого времени Уикли стал исполнять обязанности пилота-механика при лейтенанте несколько усердней. Уикли был всего на два года моложе своего начальника. Франтоватый малый, с красивыми карими глазами и ямочкой на подбородке, механик с ужасом отсчитывал потерянные в глуши месяцы, как девушка, стремящаяся замуж. Сын бедного манчестерского портного, получивший образование на военных авиационных курсах, он отправился в Индию волонтером — выдвинуться и разбогатеть. Джон Уикли не был трусом для горожанина, но Азия подавляла его. Первый человек, принесший ему облегчение в этой убийственной стране, лейтенант Броунинг, завоевал воображение своего подчиненного. Самолюбие субалтерна было удовлетворено первый раз в жизни.

Жизнь в Гакуче текла медленно, как мед, но несколько отличалась от него вкусовыми свойствами. Утро проходило дисциплинированно и скучно. В остальное время занимались разговорами об Англии и культурной жизни, вистом или шахматами. Прошедший день походил на завтрашний, как близнец на близнеца. Ночи же были тревожны: по крайней мере, дважды в неделю приходилось летать, сломя голову, на низкорослых горных лошадках к западной границе, где бунтовали афганские князьки, из которых никакие доллары и подтяжки от Маквеля не могли выбить

азиатчины. Нередко лазарет в Гакуче, рассчитанный на десяток кроватей, был переполнен жертвами чернильных ночей и предательских выстрелов: афганцы хорошо знали свои горы.

В полуверсте от казарм и офицерских квартир, за высокими стенами из гофрированного железа, находился аэродром и ангары с аэропланами, составлявшими секрет будущих войн. Там шла работа по сборке и испытанию авиационных частей, присылаемых из мастерских, местонахождение которых было покрыто официальным мраком; по ночам над аэродромом стояли молочные столбы прожекторов. Гигантский шум пропеллеров пугал афганских пограничников.

Но что помогало Броунингу собираться с мыслями и с волей — это ночные полеты. Резкий холод бодрил его. Так шло до времени, когда на имя лейтенанта пришла посылка в 24 грамма весом. Так легко и скромно было гладкое кольцо, подаренное Артом Энни Беккет! Письма при посылке не полагалось, ни крошки письма. И Гакуч сразу сменил для Броунинга свой тощий образ на замогильный и величественно-ужасный. Несчастье породило лейтенанта с отчаявшимися коллегами, но утешение последних — карты и крепкие напитки — оказалось слабым для него. К тому же наступили жары; у полковых лошадей трескались уши. Воздух иссяк.

Приезд приятного штатского джентльмена не мог не стать крупным событием для Гакуча. Джентльмена звали Инносент Смайлерс. Он отрекомендовался ученым геологом и ежедневно подтверждал это звание фундаментальными разговорами о местности. Сблизившись с Броунингом на первом же вечере в офицерском клубе, он стал просиживать часами в одичалом со времени посылки, но все же комфортабельном бунгало¹ лейтенанта. Арт невзлюбил профессора за бесстрастные белесые глаза и извилистые губы, углами книзу; но разговоры о Средней Азии, такой

¹ Летнее помещение.

близкой и так нелепо мало исследованной, приятно тревожили лейтенанта.

Однажды воскресным вечером разговор шел горячей обыкновенного. Инносент Смайлерс нервно сосал нижнюю губу и постукивал по столу ключом от своего бунгало:

— Лакомейшие кусочки Средней Азии пока еще принадлежат русским, — сказал он. — Какое большое упущение для культурного мира!

Он долго ждал ответа. Потом продолжал:

— Впрочем, мы несправедливы к Советской России. Делать опыты хорошо. Очень хорошо. Почему бы русским не делать социальных опытов... Вы не слушаете меня, лейтенант?

Броунинг сидел, поставив локти на поручни соломенного кресла и крепко скрестив пальцы под подбородком. Почти сонный, он навязчиво смотрел на руку профессора, гулявшую по светлому кругу на скатерти.

Арт вздрогнул и улыбнулся:

— Простите, меня за последнее время отвлекают тяжелые мысли. Вы говорите, что ваши раскопки на Гиндукуше длились почти весь июль?

Соломенное кресло профессора заскрипело.

— 29-го я выбрался оттуда! Проклятое место! Вот где настоящие дикари.

Ключ перестал выстукивать фокстрот. Рука Смайлерса принялась за бумажные шарики. Это была узкая рука с длинными ногтями, одновременно чересчур холеная и недостаточно опрятная. «Сколько времени понадобится коротко стриженным ногтям, чтоб отрасти до светской нормы?» — эта мысль больше не покидала Арта, вместе с ответной мыслью — «не менее десяти дней». Арт прошелся по комнате и остановился в дверях бунгало. Ночь освежила его.

Когда геолог попрощался, Броунинг спустился к озеру. Он был оживлен и почти весел. Загадка ногтей геолога заставила его подтянуться. Навязчивый образ Энни потускнел. Когда Сатта, старый индус из Раджпутаны, принес в бунгало поднос с первым кофе, первое, что бросилось ему

в глаза — склоненный над столом профиль саиба¹ с твердо сжатыми губами и энергично выдавшимся круглым подбородком. Четвертушка бумаги, лежавшая перед лейтенантом, была получена им на заре и заключала в себе приглашение явиться в штаб к начальнику авиационного парка к 11-ти часам утра.

Волнение Арта оказалось преждевременным: точно такие же извещения были получены всеми его товарищами, столь же неожиданно и секретно.

К назначенному часу офицеры собрались в штабе, где получили приказ приготовиться к маневрам, назначенным на полночь. Из Калькутты ждали членов правительства. День прошел в ангарах. Напевая сквозь зубы «Мэри Левлинг» и перебрасываясь редкими замечаниями с Джоном Уикли, Броунинг напряженно продолжал ночные мысли. Привычное нытье Джонни проходило мимо сознания и не раздражало. К вечеру настроение совсем прояснилось. Около 6-ти, когда усталые летчики собирались отдохнуть, был созван весь летний состав, а начальник авиационного парка — командующий маневрами — раздал инструкции и сообщил план ночных полетов.

Через пять часов прибыли сдержанно-веселые автомобили. Правительство осталось довольно парадом на аэродроме, и оживленные офицеры смешались с гостями около большой ярко освещенной палатки.

Броунинг не терпел церемоний. Он уже собирался пройти в ангар для последних приготовлений, когда ему пришлось вздрогнуть и на секунду потерять присутствие духа. Давно забытое, круглое кошачье лицо с рыжими усами и узким лбом холодно улыбалось навстречу. «Мерлушковая шапка с наушниками шла ему больше», — подумал Арт и пришел в себя.

— Вы ли это, дорогой товарищ Броунинг?

Скрипучий голос по-старому растягивал слова.

— Здравствуйте, мистер Бришер!

¹ Господин.

Они молча стояли друг против друга. Бришер продолжал первым, подчеркивая фразы: — Как ваше здоровье? Мое пошатнулось от перемены климата. Россия делает людей неустойчивыми.

— Кажется, я чувствую себя превосходно, — сказал Арт и добавил, улыбаясь неожиданному воспоминанию о вопросах и ответах школьного учебника: — но моя машина заждалась меня.

Верная машина, действительно, ждала Арта нетерпеливей, чем когда-либо. На этот раз только в кабине пилота он мог почувствовать себя устойчиво и прочно, как на твердой земле. Когда тридцать аэропланов новейшей конструкции, построенные в 5 шеренг, уже были готовы к отлету, кошащее лицо проплыло еще раз в облаке сигарного дыма и смешалось с толпой.

Справа от эскадрильи вспыхнули два огня — зеленый и желтый. Моторы первой шеренги торжественно загудели. Луч прожекторов дал линию полета, и первая шеренга взвилась.

*

Вторая снималась через пять минут. Артом уже овладевало любимое, щекочущее ноздри ощущение, которое он называл предчувствием свободы; вдруг к нему подошел адъютант командующего маневрами в сопровождении профессора геологии Инносента Смайлерса.

— Профессору дано разрешение лететь с вами, лейтенант, — сказал первый и отошел, поглядев прищуренным взглядом на ноги Арта. Арт машинально снял перчатку и провел рукой по мгновенно вспотевшему лбу.

«Игра сделана!» — подумал он и, тяжело усевшись на свое место пилота, пригласил Смайлерса в двухместную каюту для наблюдателей. Джон Уикли занял место по левую руку лейтенанта и по старой привычке попробовал крепость тяжей.

На сигнальной вышке вспыхнули красный и красный. Арт нервно включил мотор. Он чувствовал, что вот-вот сейчас, вслед за молочным лучом прожектора откроется свободный путь с единственным сторожем, охраняющим выход. Лейтенант повернул голову и увидел в слюдяном иллюминаторе сутуловатые плечи профессора и его голову, похожую на морду легавой. Вторично прожектор перешагнул небо, оставляя за собой след потухших звезд. Вторая шеренга, мягко прокатившись несколько сажений, отделилась от земли. В мерцающем холодном небе, около янтарных пятен и туманностей четко светились красные сигнальные звезды первых аэропланов.

По инструкции, прочитанной Артом за час до отлета, маневры должны были производиться следующим образом: вторая колонна эскадрильи шла из Гакуча над шоссе в Гупис, где должна была соединиться с 4-й и вместе продолжать путь до Мастуджа. Военные аэропланы новейшей системы имели на борту 12 пулеметов и несли 6 бомб: 4 — по $\frac{1}{4}$ тонны, начиненные веществом огромной взрывчатой силы; 2 — по $\frac{1}{2}$ тонны — льюизитные, — «королем газов». Две первых бомбы Арт должен был сбросить за перевалом Таль, севернее Бандал-Гуджара. Длительность полета была рассчитана на 7 часов, маневры оканчивались на заре. Запасов бензина и масла хватало на двое суток.

Арт Броунинг соображал четко и трезво — одно из двух: либо воображение его и нервы категорически расстроены разрывом с Энни, либо положение действительно серьезно. Последнее казалось более вероятным. Участие Смайлерса в ночном полете не могло иметь места, будь он простым смертным профессором, ибо разрешение на участие в маневрах было исключительным случаем в практике военного министерства.

Арт стиснул губы еще крепче.

6000 метров! С альтиметра взгляд Броунинга перешел на Джонни. Девические глаза механика выражали напряженную тоску. Сегодня он снова трусил.

«Что я буду делать, если...» — Арт не докончил мысли и нащупал холодную ручку своего стейера. Весь ужас соз-

давшегося положения впервые представился ему с достаточной ясностью. Он решил идти напролом.

— Джонни, примите машину. — Арт переключил рули управления на левую сторону.

— Есть. Курс?

— NNW.

— Есть.

Аэроплан летел, мягко вздрагивая. Лейтенант надавил ручку двери с слюдяным иллюминатором, ведущей в каюту.

Смайлерс стоял, прильнув к окну и держась за металлические поручни.

— Мистер Смайлерс!

Глушители действовали превосходно. Геолог быстро обернулся, изобразив на лице обязательную улыбку. Его бесцветные глаза приобрели выражение неопределенной настороженности. Голос Броунинга звучал чисто и просто.

— Почему вам вздумалось лететь со мной? Раскопки в воздухе?

Смайлерс слегка пожал плечами:

— Вы недовольны?

— Нет, что вы? Меня удивляет только, как вам разрешили это удовольствие?

Смайлерс понял выражение лица лейтенанта. Пятилетняя работа по побочной специальности научила геолога менять курс решительно и смело. Он быстро опустил руку в карман рыжего пальто.

— Вы угадали, — хрипло отчеканил он.

Секунда запоздания оказалась роковой для владельца стейера № 31585. Кольт сыщика устоялся в переносицу лейтенанта.

— Сильное ощущение, — говорил Смайлерс, наслаждаясь чувством безопасности. — Поднимите руки, тем более, что по возможности я не стану вас убивать. Вы способны на нечто более интересное для нас, чем смерть. Нам нужны признания и разоблачения. Я не предполагал однако, что дело пойдет таким кинематографическим темпом.

— То есть как кинематографическим темпом? — Артом овладевало спокойное бешенство.

Смайлерс продолжал:

— Да так, за вами следовало еще последить. Кроме того, вы совершили новое преступление, бросив управление аппаратом во время ответственных маневров. Руки выше!

Сухой, короткий звук выстрела заставил Арта вытянуться и судорожно глотнуть воздух; но он так и не почувствовал знакомого горячего удара. Секунда прошла резким толчком крови в висках, еще около секунды, — и револьвер Смайлерса покатился по полу каюты. Сам геолог медленно осел, как стеарин на горящей свече. Лежа на полу в неестественной и жуткой позе, он дернулся раза два и затих.

По телу Арта медленно разлилось радостное тепло. Еще ничего не понимая, он машинально повернулся к кабине и увидел пробитый иллюминатор.

— Джонни!

Арт бросился в кабину.

— Да, сэр.

Правая рука механика, белая от напряжения, цепко впивалась в руль высоты. Нижняя губа на бледном, как смерть, лице растерянно отвисла.

Броунинг быстро принял управление.

— Бензин?

— Хорошо.

— Масло?

— Хорошо, сэр. Он мертв?

— Я думаю, что да. Спасибо, Джонни. Какая скверная история.

— Он был шпион?

Арт нервно улыбнулся углом рта.

— Да, шпион. Спасибо, Джонни.

Щеки Уикли порозовели. Он почти успокоился. Старая мысль о повышениях и наградах приобретала вес и форму.

«Что я буду делать с ним?» — снова мучительно подумал Арт, бросая искоса взгляд на повеселевшее лицо.

План собственных маневров ждал немедленного разрешения. Очевидно, приходилось свернуть в сторону и на свободе обдумать дальнейшее. Арт отдал приказание — потушить сигнальные огни.

Красные звезды на хвосте и голубые на крыльях — погасли.

Внизу слева проплыл Гузик. Зеленая ракета на мгновение осветила блестящие силуэты других аэропланов и пропала.

Броунинг снова вышел в каюту.

В карманах трупа, лихорадочно вывернутых Броунингом, оказались бумажник и пара аккуратно вскрытых писем на имя профессора геологии Инносента Дж. Смайлерса. В бумажнике находились документы полковника генерального штаба Иакова О'Греннеля, фотографическая карточка которого изображала знакомое сухое лицо геолога с пустым взглядом и длинными извилистыми губами. В этом же приятно хрустящем бумажнике ждал срочной отправки доклад на желтоватой военной бумаге. Пробегая его, Арт буква за буквой вспоминал свои последние дни в Гакуче. Предыдущие уже стали, вероятно, известными тайной полиции.

«Кроме того, — читал он, — мною выяснено с несомненной очевидностью, что лейтенант пробыв в России не менее полутора лет, что блестяще подтверждается докладной запиской № 853. Пребывание же его в Архангельске длилось не более 5 недель».

В мозгу Арта пробежали — ледовитые ночи, бледное северное сияние, дикий Петербург 1918 г., брошенные корпуса Путиловского завода, замкнутое на запоры английское посольство, нищая, оборванная Москва. Он ярко припомнил Кремль, ошетилившийся штыками, как дикобраз, вшивые переполненные теплушки, лавины мешочников, забытые тифозные станции, искромсанные полустанки и дальше, в прошлое — хлебная, дородная Украина, австрийская граница, обмен пленными, долгий путь пешком к освобождению, туда, где братание, где разрывы границ и начало революции...

На третьей странице Арт читал:

«В посылке из Калькутты ничего не оказалось, кроме маленького золотого кольца. Кольцо и бумага тщательно осмотрены. Проверка дала тождественные результаты между удельным весом и поверхностью».

«Ловко», — подумал Арт. Но через несколько строк высоко поднял брови. Заключительные слова письма привели его в искреннее недоумение:

«...каждый день. Мой искренний и почтительный совет не медлить со снятием с должности и арестом лейтенанта Броунинга, который официально провести, как перевод на другое место службы. Сношения лейтенанта Броунинга с Советской Россией не подлежат более для меня никакому сомнению. Все материалы по данному пункту высылаю одновременно через 8.11. Z. 4 P. 19. 6. 1. K.».

«Игра, действительно, сделана», — подумал Арт и выключил свет в каюте. В абсолютной темноте заглушенное жужжание пропеллеров стало явственнее и ближе.

Глава четвертая

ПЕРЕЛЕТ

Джонни мучительно вытянул шею в разогревшемся кожаном воротнике. Тахометр показывал 2.400 оборотов.

— Вы устали, Джонни?

— Да, сэр.

Они летели над долиной реки Оби-Даркот. Справа синел колоссальный хребет Гиндукуша. Броунинг взглянул на часы — около трех. Надо было окончательно вырабатывать план действий. На юг — дорога закрыта: там арест, допросы, убитый геолог. Только к северу, только на север. Маски со сжатым воздухом лежат наготове. Взять крепкую высоту и поставить рекорд. Через Гиндукуш еще ни один

аппарат не осмеливался перелететь: 6.000 метров не шутка! Уикли теперь тоже не место в Гакуче. За убийство полковника — расстрел. Правда, он, Броунинг, может взять на себя, но...

Броунинг не думал возвращаться обратно. Преступление вышибло родную землю из-под его ног; что касается механика, он был смирным и тихим английским гражданином. Несмотря на происхождение из рабочей среды, Джонни остался политически недоразвитым, и жизнь изгнанника была худшим, что он мог вообразить.

Джонни отдыхал, откинувшись на кожаную спинку и не спуская глаз с измерительных приборов. Арт заговорил, глубоко подчеркивая слова:

— Выслушайте, Уикли, все, что я вам скажу, и будьте, по возможности, спокойны. Дело непоправимое. Понимаете, Уикли?

Джонни тревожно пошевелился.

— Джонни, — Арт заговорил четко и резко, радуясь, что не должен смотреть на собеседника, — профессор Смайлерс был полковником армии его величества, понимаете? Вы убили полковника Иакова О’Греннеля. Нам с вами, Джонни, в сущности, один выбор — расстрел или бегство. А насчет бегства, Джонни... это очень трудно. 100 против 10, что нам не удастся поставить рекорда.

Джонни тяжело дышал.

— Единственное спасение — русские колонии, — продолжал Арт. — Если аппарат не подведет, мы доберемся до Дюшамбе. Там сейчас спокойно и твердая власть. Хорошая власть, честное слово, Джонни!

Арт внезапно оборвал свою речь. Его оглушила мгновенная мысль, что Джонни может не согласиться. Никак не согласиться. И даже начать борьбу за обладание аппаратом! В конце концов, для механика не все потеряно. Вернуться, объясниться, выдать! Лейтенант машинально снял руку с руля и второй раз за эту ночь она тайно скользнула по ледяной ручке стейера, но Джонни заговорил, наконец:

— Полковник следил за вами, потому что вам не доверяют в армии?

«Умный малый», — пронеслось в мозгу Арта.

Джонни продолжал глухо и обиженно: — Я не должен предавать вас, потому что вы недавно спасли мне жизнь. Но ведь я сам хотел покончить с собой, так что ваше благодеяние выходит — ну, — как это сказать? — выходит из обычного понятия о спасении человека.

Арт улыбнулся:

— Это правда.

— Но, чтобы вернуться обратно к правосудию, я должен убить вас, потому что мы будем бороться за машину... или вы убьете меня.

— Да. Но это было бы ужасно.

— Да.

Они замолчали на секунду.

Арт продолжал первый:

— Мы приближаемся к Гиндукушу. Жуткая шутка — перелетать границу на такой высоте.

— Мы наверное задохнемся.

— Нет, я уже думал об этом. У нас есть маски. Маски от удушливых газов. Они с сжатым воздухом. Наденьте маску и примите на минуту управление, чтобы я мог надеть свою.

Джонни повиновался.

Его парализовала быстрота, с какой требовалось принимать решения и исполнять их. Он уже перешагнул этот решительный момент в своей жизни.

Почти рассвело. На огромной глубине сворачивалась черно-голубая карта предгорий Гиндукуша. Ветер переменял направление и дул в лоб машины. Казалось, она со скрежетом терлась о ледяные глыбы воздуха. Арт нажал руль высоты.

Выше было спокойнее. Он прикрепил маску и проверил манометр. Давление полное. Перед отлетом аппараты проверялись; в план маневров включалась работа масок на обратном пути через Палесарский и Киниджутский хребты.

Было еще рано направлять аппарат к северу. Опасность разбиться об обманчивые вершины гор, затянутые облаками и снегом, стала близкой. Броунинг осторожно повернул аппарат влево. На никелированных и медных частях

блеснули красные солнечные огни. Земля лежала в смутном тумане с черными прорывами плоскогорий.

«Пора», — подумал Арт. — Джонни, проверьте моторы.

— Хорошо. Моторы в исправности. В правом стынет масло, увеличьте обороты. — Арт услышал в наушниках глухой голос.

Броунинг вглядывался в приближавшиеся горы. Севернее перевала Хут он повернул машину. Низко под аэропланом проплыли розовые ледяные поля с синими глубокими тенями. Солнце светило в спину и освещало путь. Первый перевал был пройден.

— Теперь на север! Выдержим! Выдержим, Джонни? спросил он почти весело.

— О, да! Маска в исправности, а машина на славу. До сих пор ни одного перебоя. Я думаю, мы выберемся.

— Да, Джонни, я почти уверен в этом. — Арт успокоился с того момента, как было принято двойное решение. Руки твердо держали управление. Аппарат нервно вздрагивал, будто катясь по неровному снежному полю. Шум моторов исчез. Впереди вырастали огромные хребты и ледники Гиндукуша.

Выше!

Аэроплан качнуло. Броунинг, учитывая, что сопротивление воздуха на такой высоте незначительно, полагал перелететь Афганский перешеек на полчаса раньше. Лишь бы только не сдала машина! Воздушных ям здесь, несомненно, нет, но можно опасаться сильных течений над ущельями.

Выше!

Аппарат прорезал смутную тучу и вынырнул из нее мокрый и сверкающий. Капельки росы на корпусе и крыльях блестели, как розовые бриллианты.

Вот уже совсем близко. Арт решительно нажал руль высоты и взглянул вниз, где крошечными пятнышками чернели строения английских пограничных кордонов.

Броунинг никогда не думал, что рекорд будет поставлен так просто. Он быстро взглянул на Джонни, согнувшегося над измерительными приборами. Все стало таким обыденным, будто они совершали очередной полет. Он мельком

бросил взгляд на доску. Полчаса назад в Гакуче окончились генеральные маневры.

— Вторая шеренга прибыла с некоторой потерей, — улыбнулся Арт, — а у нас пока что спокойно, и путь до Дюшамбе открыт.

«Рубикон пройден, — думал он. — За горами свобода. Без геологов, полковников штаба, без шпионажа и вскрытия посылок. Так просто!» — Через капельку времени они будут в Дюшамбе. Несомненно, он быстро объяснит причину своего неожиданного прибытия.

Английский летчик — редкий гость в такой глуши. И, кроме того, за него поручатся немногочисленные знакомые в Москве и Ленинграде. «Гиндукуш пройден, — продолжал радоваться Арт, — делать много проще, чем думать». — Еще немного, еще меньше часа, — и он в дружественной стране.

Стало совсем светло. Внизу лежал Афганистан — гористый и суровый; в прорывах облаков над ущельями серебрились узкие полоски горных потоков, скованных головокружительными обрывами. На севере голубели вечные снега отрогов Памира, а дальше, за дымкой бледного воздуха раскинулась огромная чудесная страна, — там будет финиш и долгий отдых.

«Может быть, через несколько дней я, вернее — мы будем в Москве! В Москве, в столице “варваров”!». Арт еще раз улыбнулся, вспомнив вечерние беседы в офицерском бунгало с мнимым геологом. Все случившееся за последние дни и сегодняшняя дикая ночь казались ему мучительным сном и в то же время отчаянной реальностью, — и эту реальность утверждал труп геолога, застывший в одинокой каюте.

Глава пятая

УКРАИНА

— Гей!

Звонкий девичий крик расшибся о хрустальный воздух.

Никто не отвечал.

Марина вошла обратно во двор, полный лицемерным хохотом гусей. Она весело поглядела на золотистую соломенную крышу, где созревали арбузы и дыни. Высоко за крышей струились серебряные веретена тополей.

— Эй, Марина!

Другой девичий голос, менее звонкий, но полный и металлический, упал на середину двора. Через минуту запыхавшаяся Галя уже грызла подсолнухи, вытащенные из объемистого кармана подруги. Девушки, казалось, забыли, что минуту назад кликали друг друга настойчиво, как на пожар. Лениво, вразвалку, они прошли на теневую сторону двора и уселись на еще горячей завалинке. Наконец, Галя нехотя заговорила:

— Знаешь, поп заболел, говорят, не выживет. Старый больно. Лихорадка.

Марина молча пожала плечами. — Лихорадка? Да, как ей не быть у попа? Ночи теперь холодные, а он на воду ходит, травы собирает. Каждый месяц тащится куда-то верхом, видно, далеко. А, ведь, правда, дряхлый — семьдесят с гаком.

Потом сказала вслух:

— Скучно.

Девушки, как по команде, вздохнули, позванивая рядами пестрых бус.

— Ай!

Из вымершей собачьей будки выскочил и хрипло зализался большой рыжий пес. Галя с любопытством вытяну-

ла шею в сторону ворот и оправила свою клетчатую плах-ту.

— Смотри, чужой парубок у двора; ой, еще один!

Действительно, двое парней: один — покрупней, впе-реди, другой — сзади, вошли и несмело остановились око-ло тонкого вишневого деревца. Первый стал, смеясь, уго-варивать заходившегося пса. С небольшим баулом в руке, простоволосый и обтрепанный, он сильно смахивал если не на вора, то, во всяком случае, на бродягу. Но голос у не-го был мягкий и приятный. Гале показалось, что она уло-вила сквозь оглушительный лай несколько понятных слов: это не был, впрочем, украинский язык.

— По-русски говорит, — как-то сразу догадалась она и отозвала собаку.

— Стусан, бисова глотка, Стусан!

Пес подкатился к клетчатому подолу и забил пыльным хвостом.. Парни подошли к завалинке. Не зная, на каком языке заговорить, девушки сели тесней и строго устави-лись на пришельцев. Неожиданно тот, что шел сзади, крях-тя, повалился на скамью рядом с ними. Простоволосый вперил в хозяек такой дико-удивленный взгляд, что они не могли не прыснуть.

— Ой! Якi ж він очі вылупив?

Марина строго подтолкнула Галю.

Красивый, широко улыбаясь, заговорил на чистейшем украинском наречии:

— Ничего не понимаю. Честное слово, ничего не пони-маю. Да вы — хохлушки, что ли?

— Хохлушки, а як же?

— Красавицы вы мои!

Он чуть не прыгал от радости. Второй путник успел кое-как оправиться и также вступил в разговор.

— Простите, что я так, — он изъяснялся по-русски. — Мы, видите, нечаянно забрели.

Галя поняла.

— Да вы откуда будете?

— Собственно говоря, из Москвы.

Простоволосый не унимался.

— Голубушки вы мои! Да я сам пять лет на Украине жил, в Киеве... моя мать хохлушка.

Внезапно его голос осекся. Зеленовато-серая бледность покрыла лицо.

— Да ты садись! Есть хочешь, небось?

Марина метнулась в хату и вернулась с огромной крынкой молока. Гости жадно отпили по несколько глотков. Девушки нерешительно переглянулись.

— А то пойдем в холодок. Бабка к попу пошла. Отца до ночи не дождемся.

В хате было прохладно и полутемно.

Здесь юноши постепенно пришли в себя и рассказали о своих приключениях. Трое суток нестерпимой жары и режущего холода, сумасшедшее удивление при виде украинской деревеньки, оказавшейся одной из баснословных азиатских колоний.

Девушки рассмеялись и объяснили, как могли, чудесное недоразумение. Много десятков лет тому назад, когда царский произвол на Украине стал нестерпим, сотни семейств переселились с насиженных мест в далекий Туркестан. Они вывезли с родины старинный уклад, национальные костюмы, старозаветные обряды и обычаи. Козодоевский вспомнил, что где-то в низовьях Аму-Дарьи притаились такие же немецкие колонии, возрождающие времена старой Германии.

Наговорившись вдоволь, Марина и Галя принесли воды в глиняной миске и вышитый ручник. На столе уже стыли остатки настоящего малороссийского борща. Три гоголевских вареника сиротливо лежали в сметане.

— Ну, хлопцы, годи балакати, лягайте спаты.

Галя зевнула, прикрыв рот широкой загорелой рукой. Здесь, по старинке, после обеда все село сладко и жирно засыпало. Путешественники с радостью подчинились старому обычаю. Через минуту они спали, как убитые, в клуне, похожей на индейский вигвам.

Деревенька, в которую попали путешественники, давно потеряла счет годам, и только старый поп занимался летоисчислением, необходимым для совершения немногочис-

ленных треб. Вместе с прадедовскими чубуками и прабабушкиными плахтами на горячую землю средней Азии переселилась добрая старая любовь к сплетне. Веселые кумушки ждали работы, и, едва выпавшись, Галина пошла по селу с полными горстями новостей.

Когда Козодоевский и Сережа проснулись, хворостяная клуня казалась осажденной шепотом, шорохом и любопытными карими глазами. Где-то справа то и дело вспыхивал и с шипением погасал придушенный девичий смех. Козодоевский вскочил на ноги и подтянул сползавшие от худобы бахромчатые брюки. Толпа осаждающих с визгом бросилась врассыпную.

— Ото ж бисовы диты, — с улыбкою прислушался к босому топоту охотлаченный Сережа и приподнялся, ударившись макушкой о деревянную баклагу. Трехдневную усталость как рукой сняло. Едва приятели, по обыкновению, начали спорить, как дверь клуни с писком отворилась и под притолокой показалась голова с обвисшими запорожскими усами и черешневой люлькой во рту. Огромный опереточный хохол молча протиснулся в клуню, не торопясь вытряс погасший чубук, заткнул люльку за голенище и остановился, широко расставив ноги. Наконец он густо откашлялся:

— Здорово, добродию!

Сережа и Козодоевский с улыбкой переглянулись.

— Здравствуйте!

— Эге ж.

И хозяину (вид у хохла был хозяйским) и гостям было о чем порасспросить друг друга, но разговор не вязался. «Ну и старинка! — думал Сережа. — Рассказать — не поверят». Запорожец вывел их на воздух. Скоро все очутились около все той же хаты, где остались три гоголевских вареника и борщ на донышке горшка. Теперь двор был битком набит народом, собравшимся на явно коллективный ужин. За ужином щирые украинцы перебрасывались веселыми замечаниями; виновников сборища они, как могло показаться, вежливо чуждались. Наскоро поужинав между огромным хозяином и крошечной старушонкой, путешественники тщет-

но пытались завязать разговор через стол: сотрапезники улыбались, но на вопросы отвечали неясными междометиями. Наконец, хозяин встал и тяжело перекрестился, остальные последовали его примеру. Рука Козодоевского невольно поднялась, но, почувствовав на себе удивленный взгляд Сережи, направилась к висевшей на ниточке пуговице толстовки. В бабьих рядах слышался неодобрительный шепот. Добродушный хозяин, казалось, ничего не заметил:

— Ну, зараз ходим до головы.

Он легонько облапил податливых гостей и уволок их на поклон к местному старосте.

Хата головы отличалась от всех прочих расписанными ставнями и крашеным крыльцом. Около крыльца валялось бревно, на котором кейфовали рассудительные хохлы с дымящимися люльками. Сам голова, толстенный седоусый старик, сидел на ступеньках. С первого же взгляда, брошенного путешественниками на необъятные синие шаровары, старик смутно напомнил кого-то хорошо знакомого с детства. Скоро Сереже стало ясно, что этот кто-то — Тарас Бульба. Юноши решительно чувствовали себя перенесенными в старую Малороссию и подчиненными ее законам. После первых приветствий Тарас Бульба прищурил левый глаз. Хохлы приготовились.

— На який ляд, люди добри, прийшли ви з Москви? Урядников да приставов ми не маєм, оброков не даємо и нікому не кланяємось.

Сережа добродушно усмехнулся:

— Тепер приставов и урядников більше нет, а ми честные люди — комуністи.

«Тарас Бульба» открыл прищуренный левый глаз:

— Комуністи? А шо це за птыця?

Сережа стал в тупик. Вдруг с бревна слышался лениво-неприязненный голос:

— А це, Горобец, такі люди, шо в бога не вірують, и, по-вечеряв, не хрестяться.

Тарас Бульба, он же Горобец, улыбнулся:

— Це их діло. А мабуть жиди?

Чуткое ухо Козодоевского уловило неприязненный шепот.

— Мы не жида, мы русские! — отрывисто буркнул он и покосился: на негодующего Сережу.

В голове Сережи сонно шевельнулась мысль об агитации, советизации и прочих обязанностях, но, не успев оформиться, растаяла. Знакомство с местной властью казалось истощенным.

Вдруг с бревна вскочил тощий, желтый парнюга с заячьей губой. Заикаясь и брызгая слюной, он начал нечто вроде обвинительной речи. Общий смысл ее сводился к тому, что, ежели новоприбывшие православные христиане, они должны исполнить какой-то старый обычай. Очевидно, выступление местного неврастеника содержало в себе нечто юмористическое, потому что публика грохнула сытым смехом. Наконец, Тарас Бульба вытер рукавом свитки вспотевшую макушку и приступил к соломоновым обязанностям. Сережа шепотом переводил Борису с украинского на русский.

Голова начал торжественно:

— Дорогие гости, украинский народ добрый. Кушать да пить — сделайте милость, а хотите дальше идти — идите. Только вот, — помычав, он указал на неврастеника, — Грицько, вот, книжник у нас и говорит он — обычай такой есть. Не наш, а татарский обычай, чтоб им пусто было: ежели в селе, скажем, девушка есть, вроде как бы и не девушка, а жених-то ее, Грицько, скажем, ее в жены не хочет брать, потому что она и с другими жила, то, ежели, скажем, приходит в село чужой да православный, то должен на ней жениться. Только, может, вы уже женаты?

Грицько снова вскочил, взбешенный до конца:

— Какое там женаты, женатые люди не шлятся!

К Козодоевскому неожиданно вернулось присутствие духа:

— Мы коммунисты. Вы Шевченку, люди добрые, знаете? Поэта Шевченку?

— Шевченку? А як же.

Вече заинтересованно подняло коллективную чубатую голову.

Козодоевский с мучительной натугой принялся за культ-работу на селе; он путано объяснил, что Шевченко мечтал о коммунизме, что коммунизм настал, и Украина получила вольную волю. — Так вот, люди добрые, нет больше ни царя, ни урядников, — повторял он, — Украину не притесняют, языка не отнимают, и каждый народ живет по-своему. — В конце концов, глаза бородачей заблестели. Тарас Бульба выпрямился во весь свой гигантский рост и крикнул так, что из-под крыши вылетела стая голубей.

— Бреешь, хлопец!

— Честное слово.

— Брешет! — взвизгнул Грицько. — Чтоб я на том свете горячей кочергой подавился, чтоб...

Тарас Бульба торжественно поднял руку:

— Перекрестись, чоловиче, коли правда!

Борис, опешив, закусил губу. «Демагогия» — промелькнуло во взбаламученном мозгу, и он твердо осенил себя широким дьячковским крестом.

Голова Горобец потерял достоинство и радостно завыл, подбросив выше тополя смушковую шапку. Гости почувствовали себя в кольце объятий и поцелуев. Козодоевский опьянел от успеха. Вместе с горланящей толпой он покатился куда-то, где со сказочной быстротой появилась добрая старая горилка. Молодежи, однако, не было видно, исчез и Грицько.

К восходу луны запорожское веселье перелилось через край. Первый спирт так ударил в голову виновникам торжества, что бытовые картинки, выхваченные из классического издания Гоголя, проплывали перед ними, как во сне. Борис горланил переводные Шевченковские стихи, лежа головой на толстых коленях Тараса Бульбы, которого принимал за бабу. Сережа бессмысленно выкорчевывал из пятки старую занозу саксаула.

Мгновенно он протрезвился. Перед ним стояла Галя, заплаканная и бледная:

— Утекай! — взволнованно шептала она. — Утекай, бо вам хлопцы с Грицком шею наkostenять хотят. Могут и до смерти убить... — Она всхлипнула и неожиданно поцеловала Сережу в губы.

Дальнейшее пошло кинематографическим темпом. Едва оба товарища выбежали со двора на пустошь, они услышали недалекое гиканье и хор резких голосов. Не надеясь на помощь пьяных хозяев, Сережа схватился привычным жестом за левый карман. Револьвера не было. Вероятно, его успели украсть. Теперь оставалось одно: прятаться по пустопорожним клунам или в скирдах сухого сена. Поцелуй Галочки дернул было Сережу остаться на месте и показать себя, но Козодоевский был невменяем. На все уговоры он отвечал лаконическим отчаянием:

«Ночь и собаки».

Гиканье уже приблизилось и конспиративно затихло, когда друзья пустились, наконец, наугад. Вдруг из-под ног шарахнулась и залилась хриплым воем шальная собака. Козодоевский услышал, как треснули брюки Сергея. Тотчас же псу ответили десятки еще более залиvistых и внезапно присмирели под чьим-то ласковым свистом.

Щеку Козодоевского защекотало теплое дыханье, и он с изумлением узнал запыхавшийся голос Галочки.

— Ой, боже ж мій, а я к вам побігла...

Но было уже поздно. Друзья упали, опрокинутые налетевшей тяжестью. Авангард, в лице двух деревенских апащей, успел подкрасться с восточной тактикой.

Тремя движениями хрустнувших плеч Сережа сбросил с себя чье-то злорадно ворчащее тело. Оглушенный ударом в висок, он снова зашатался, но почувствовал себя окончательно освободившимся. Борис пустил в ход камни, припасенные для собак. Авангард завыл, и Сережа ринулся вперед, увлекая за собой по ухабам ежеминутно падавшего приятеля. Погоня возобновилась. Она настигла бы беглецов, если бы Сергей не ударился головой о какое-то препятствие и не полетел вместе с Козодоевским в полную тьму. Топот ног пронесся мимо.

Полная тьма оказалась закрытым помещением, а препятствие — дверью. Первым движением ошеломленного Сергея было припереть дверь спиной. Впереди блеснул огонек, и старческий голос спросил:

— А кто там?

Когда огонек приблизился, непрошенные гости увидели перед собой древнего старика с еще более древним светильником и посохом. Тряся головой, он туго выслушал объяснения и позвал в комнату. Около стола, покрытого свежей скатертью, старик предложил сесть и, вдоволь накашлявшись, заговорил на странном русско-славянском языке. Говорил он долго и прервал свою речь только для того, чтобы подать гостям воды смыть кровь.

Встряска, бегство, погоня — окончательно протрезвили приятелей. Рассказ попа (старик оказался попом) сильно заинтересовал их. Узнав, что брат предводителя Грицька с пятеркой местных головорезов ушел к басмачам грабить афганские караваны, Сергей стал острить над романтичностью дикой колонии, но поп затряс головой сильнее обыкновенного. По его словам, путешественникам угрожала большая опасность. Завтра половина деревни перейдет на сторону Грицька.

— Тем паче, — прибавил поп печально, — что паршивые отроки воспользуются долгожданным случаем, дабы унижить голову Горобца, власть имеющего.

— Вот так революция, — улыбнулся Сережа, — чур-чур меня!

— Чур-чура, — подхватил Борис и шутя произнес заклинание: — абджед хевез хютти-ке...

Вдруг поп преобразился:

— Келемен сефез керешет сеххез зезэгэ. — Он звучно прошамкал этот набор слов и затрясся на сей раз от головы до ног. — Ой, сыны, откуда вы это узнали? — шепотом повторил он. — Ой, сыны, это ключ для книги Джафр-и-Джами! — Поп лихорадочно вытащил из кипы грязных рукописей осьмушку желтой бумаги и тихо прочел:

«Знай, что Джафр — наука тайная. Она не дается никому, кроме пророков и святых, которым известны тайны

бога. Знающий эту науку удовлетворен всем, что есть в мире, и больше ни в чем не нуждается. И небо и земля будут в его власти...»

Козодоевский слушал, раскрыв рот. Неожиданно решившись, он рассказал попу о встрече с купцом в караван-сарае. Поп задумался, потом ответил:

— Много неизвестного в стране сей. К югу и к востоку от деревни нашей, в горах, в месте тайном и неприступном, живут люди. Есть у них огромные богатства, потому что они знают тайну нахождения кладов.

Вдруг Борис, внимательно слушавший, подскочил от удивления, так поразила его внезапная перемена в лице попа. Желтый старческий лоб избороздился бурными морщинами, зубы застучали, и побелевшие глаза приняли выражение холодного бешенства. Поп выскочил на середину комнаты и стал бить себя кулаками в грудь:

— Парубки! — кричал он. — Парубки! Почто принесли вы в горницу мою ветер мусульманский? В юности моей возжаждал я чужого Аллаха, но Христос, бог наш единый, спас меня. В темные ночи переписываю я мусульманские книги, дабы похитить для христиан мудрость язычников. А вы пришли — будто юность моя вернулась! — Он ослабел и заплакал. Немного успокоившись, поп взял посох и древний светильник. — Теперь вам идти, хлопцы, бо утром прибьют вас наши разбойники. Ой, господи, господи, грехи наши! Я вам спокойный путь покажу, прямой путь.

Они пошли за хозяином куда-то налево, потом вниз по лестнице. Наконец, остановились на каменном полу. С помощью гостей поп отворил тяжелую холодную дверь. В лицо пахло сыростью и лягушками.

— Здесь. Вверх по земляным ступенькам и на воздух. — Старик порылся в черном углу. Он вытащил холщевой мешок с сухарями, потом постучал посохом по каменной стене. — Вам на дорогу, хлопцы.

Откуда-то из романтического тайника поп добыл черный прадедовский кошелек, испытующе оглядел гостей и остановил взгляд на Борисе:

— На!

Поп высыпал на ладонь Козодоевского содержимое кошелька.

— Спасибо!

— С богом, с богом, сынки, прощайте. — Он передал Сергею светильник и ворчливо попросил покрепче захлопнуть за собой дверь.

Сорок земляных ступенек вывели путников в узкий слипшийся коридор, с потолка которого беспрестанно сыпалась земля. Они пошли по высохшему ложу подземного ручья, круто поднимавшемуся в гору, и скоро очутились под рассветлым небом. Покинутая Украина лежала глубоко у подножия плоскогорья.

Глава шестая

ПЕЧАЛЬНЫЙ ФИНИШ

На Афганской границе военный аэроплан RW 12 ранили в левое крыло. Он начал понемногу вихляться, изворачиваться и вспоминать о смертельном законе тяготения, призывавшем его к земле. Опытные друзья не давали ему снизиться вплоть до воображаемой точки в горах, показавшейся сверху удобной площадкой для спуска. Руки Броунинга онемели от усилий на руле высоты. Глаза Уикли следили, не отрываясь, за падающей стрелкой альтиметра. Раненая машина грохотала и кренилась. Девяносто против десяти без остатка съедали надежду на благополучный перелет. Экс-лейтенант с негодованием отбросил возможность спастись в одиночку с помощью парашюта. Ветер завывал, как контрабас в похоронном марше, а земля отказывалась принять летчиков, оцетинившись острыми снеговыми хребтами.

Мысль Броунинга работала, как хронометр. Единственное спасение — снизить аппарат и грохнуться там, где сила

падения может быть ослаблена снежной периной. «Нужно сбросить бомбы», — подумал Арт. Раз... Еще раз!.. Где-то глубоко раздались глухие черные взрывы. Аппарат рванулся вперед. Когда двойной маневр бомбометания был повторен, машина несколько выровнялась, но тотчас же начала крениться снова. Уикли сидел бледный, как полотно, порываясь встать. Арт сделал крутой вираж, и аппарат порывистыми кругами пошел вниз. В двухстах метрах от земли мотор отказался работать. Аппарат камнем упал в глубокий снег. Пропеллеры взрыли белую нетронутую пелену и замерли.

*

Первым чувством Уикли после головокружительного мрака было желание заплакать. Заметив, что ресницы от слез обледееневают, он поневоле успокоился. Категорическая тишина связывала малейшую попытку мыслить. Солнце и сверкающий снег ослепляли до потери сознания. Совершенно машинально Уикли подполз к чернеющим останкам RW 12 и сел рядом в рыхлый снег. Смотреть на темные очертания частей аппарата доставляло глазам наслаждение невыразимого отдыха. Через несколько минут Джонни овладело чувство отчаянной сердечной тоски. Голова наливалась свинцом; в глазах нестерпимо вращались цветные диски. Уже теряя сознание, он разорвал на шее резиновое кольцо маски, и горный воздух хлынул в измученные легкие. Причиной удущья был испорченный при катастрофе кислородный баллон. Вместе с воздухом к Уикли вернулась способность соображать. Он бросился к аппарату и, цепляясь за исковерканные тяги, пробрался к кабине пилота, наполовину зарывшейся в снег; сквозь разбитые стекла темнела фигура Арта, прижатая в угол кабины сломанным рулем высоты. Джонни очистил окно кабины осколком пропеллера и, перегнувшись внутрь, стянул с лица лейтенанта маску. Арт был смертельно бледен. Закушен-

ные белые губы и глубокие тени под глазами вырвали у Уикли горестное восклицание. Ни на что не надеясь, он стал растирать спиртом лицо и руки лейтенанта. Несколько капель, влитые в уголок рта, произвели неожиданно сильное действие. Арт глухо кашлянул. Вскоре он сидел, моргая, и с любопытством щурил глаза.

— Мы, кажется, совершенно живы?

— О, да, сэр!

Все вошло в свою колею. С пробуждением Броунинга Уикли окончательно пришел в себя. Первым открытием его была боль от порезов, вторым — новый, более слабый, приступ удушья.

— Воздух в горах не слишком редок для дыхания? — вежливо осведомился он.

Броунинг выругался:

— Конечно, редок, черт возьми.

Головокружение становилось сильнее. Кровь в ушах стучала так упруго, что Уикли со вздохом вспомнил английские церковные колокола. Лейтенант с трудом выполз из кабинки и осмотрел окрестность. Они находились на небольшом леднике, шагах в тридцати от пропасти и в пятидесяти от отвесного выступа горы. Их удача была чудом, и не меньшим чудом должно было быть окончательное спасение. Он ползком вернулся к Уикли и достал карту. Измерительные приборы разбились при падении. Приблизительные выкладки не дали ничего определенного. Во всяком случае беглецы были в России.

Это, к несчастью, не улучшало их теперешнего положения. Вдобавок, у обоих летчиков начали нестерпимо болеть глаза; даже сквозь опущенные веки ослепительно мерцало ярко-оранжевое солнце. Уикли осенила внезапная догадка:

— Вы когда-нибудь видели солнечное затмение, лейтенант?

— Да, конечно, и, вероятно больше не увижу! Но на кой черт...

— Копченые стекла.

Это, действительно, было выходом. Последним усилием раскрыв глаза, Арт нашел брошенные маски. Уикли вымочил в бензине и зажег подкладку своего шлема. Скоро стеклянные глаза масок почернели от дыма. Следующим в очереди бедствием был нестерпимый холод.

— У вас еще осталось несколько крошек энергии, Джонни?

— Нет, ничего нет.

Арт собрал деревянные части аппарата и развел костер. Мысль о котелке и провизии удесятирила голод. Они выпили половину спирта, оставшегося во фляжках. Вместе с теплом по жилам разлилась жажда жизни, но здравого смысла спирт заглушить не мог, и сознание безнадежности оставалось по-прежнему ясным.

*

Время шло к ночи. Солнце уже лежало на западе, красное и прозрачное, как детский воздушный шар. От скорчившихся обломков машины легли густые фиолетовые тени. В абсолютной тишине потрескивали печальные останки RW 12.

— Джонни!

Уикли молчал, закусив губу.

— Джонни, вы слышите? Если ночью у нас не будет огня, нам конец.

Уикли понял.

— Зажечь аэроплан?

— Да. Деревянную обшивку, бензин и масло. Постепенно.

На сей раз вспышка надежды пришлась на долю Джонни. Он хлопнул себя рукой по лбу:

— Если тут в окрестностях есть хоть одна собака, Броунинг, нас заметят, нас должны заметить! Не может быть, чтобы нас не заметили! Огонь покажет себя.

Оба робко улыбнулись.

- Только...
- Что только?
- Там профессор...
- Броунинг поднял брови.
- Тем лучше. У него будут классические похороны.

Глава седьмая

О СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЯХ

Вместо того, чтобы отдыхать на крошечном паласе, брошенном на берег реки, и потягивать сладкий табак из новенького чилима, владелец всех этих богатств взволнованно ходил взад и вперед от куста до куста арчи. Галочка, скромно отвернувшись, чтобы не видеть купанья «женихов», готовила к ужину худого козленка. Сережа уже полуодетый лежал на животе и с сожалением разглядывал тощие, сиреневые ляжки приятеля. Привязанный к дереву пятнадцатирублевый ишак трубил, вытянув голову. Ночной отдых был обеспечен.

Галочка нагнала путешественников в первый же день их бегства из украинской деревеньки. Жизнь манила ее, получужая семья не связывала, а издевательства односельчан и страх Грицьковой мести казались страшнее неведомых опасностей. Родители Галочки давно померли, и она жила чуть ли не батрачкой в семье дальнего родича. Тяжелая жизнь научила ее решительным поступкам, а труд — смелым мыслям. Приход чужих послужил толчком к бегству в широкий мир, существование которого она подозревала с детства. В трагикомическую экспедицию Галочка вносила свежесть и здравый смысл.

В нынешний вечер Козодоевским овладела новая тревога. Это был страх землетрясений. За все путешествие по неустойчивой стране молодым людям не довелось испы-

тать ни одного подземного толчка, но именно это обстоятельство казалось удручающим. «Тем хуже, — вызывал Борис, — чем дольше их нет, тем скорей они будут». Он верил вдобавок в существование «сейсмографического» сердца, чувствующего, как животные и птицы, вулканическую работу земли. К вящему удовольствию Сережи, он предсказывал землетрясение ежедневно, а сегодня категорически требовал перенесения ночевки подальше от подножия горы. Над одной из вершин ему примерещился тонкий дымок, быстро пропавший. Ни Сергей, ни Галочка не могли уловить и тени дыма. «Пуганая ворона куста боится», — резюмировал Сергей и, честно допросив самого себя, подтвердил «самовнушение».

Двумя часами позже, когда палас, чилим и жиденькие подушки были перенесены в импровизированную палатку, Козодоевский бросил:

— Можете спать, я буду сторожить вулкан.

С детским упрямством Сергей стоял на своем:

— В Туркестане вулканов нет.

Борисом овладело бешенство:

— Неуч! — прокрипел он.

Ответом послужил раздавшийся через несколько минут храп. Галочка с опозданием заметила сквозь сон: «Ото, дурень». Козодоевский сел по-мусульмански у входа в палатку. Он снял с шеи и раскрыл полотняную ладанку. При звездном свете блеснуло пять оставшихся от пути поповских монет: два старинных польских золотых, один надкусанный полуимпериял и пара золотых туманов. Передав по смутной симпатии деньги именно Борису, поп оказал ему большую услугу. В качестве кассира экспедиции Борис чувствовал себя самостоятельнее и свободнее, чем раньше. «От Таш-Кургана поверну обратно на Ош и Скобелев», — подумал он и приподнял голову. Крик животного ужаса сорвался с его губ. Небо над горой розовело заревом. На линии снегов пылали пятна раскаленной лавы.

Не успел Борис крикнуть вторично, как под землей пронесся звенящий гул. Язык пламени вскочил на вершине вулкана и растаял в воздухе.

— Сергей! Галина!

Если бы не тайное, но живительное чувство злорадства, Козодоевский упал бы в обморок. Он схватился за сердце и пустился наутек в противоположную сторону. Звук первого вулканического взрыва, точь-в-точь такой, каким он его представлял себе, не замедлил последовать. Следующие слились в сознании в адский вой.

Когда разбуженные воплем Козодоевского Сергей и Галя выбежали из палатки, облака над горами светились, как розовые бумажные фонари. Пока Галя лихорадочно собирала платье и остатки ужина, Сергей отвязал жалобно вопившего ишака. Бориса они нагнали в полуверсте от покинутого места стоянки. Он стоял у заворота реки, преграждавшей ему путь, и дышал, как рыба, выброшенная на берег.

— Лава двинулась, — прошептал он пересохшими губами.

Действительно, вулканические взрывы затихли. Их сменил непрекращающийся грохот, не слишком громкий, но зловещий.

— А землетрясение? — спросил уверовавший Сережа, — а пепельный дождь?

Козодоевский напоминал испуганного антрепренера:

— Будет, все будет! Как не быть?

Галочка охнула и стиснула руку Сереже. Козодоевский уговаривал отдохнуть несколько минут.

— Это, очевидно, обычный перерыв в начале извержения. Иногда так бывает, вроде вступления к опере.

На сей раз торопил Сережа, испугавшийся за Галину. Они перешли вброд быструю речушку, то и дело сваливавшую их с ног и пройдя шагов тридцать по колючей, косматой равнине, оглянулись на горы. Огонь неся по склону в туче дыма и пара. С новым взрывом к небу взлетели пестрые искры, похожие на фейерверк. Козодоевский застонал:

— Вулканические бомбы!

Одна из них описала в воздухе огромную дугу, и разлетевшись, озарила местность зеленым светом. Сережа подпрыгнул от изумления:

— Ракета!

— Дурак! — прошипел Козодоевский и едва успел отскочить. Зеленая искра упала на землю в нескольких шагах от него.

Зажигая спички дрожащими от страха и любопытства руками, Галина обшарила кусты. Она передала Борису странный обгоревший предмет цилиндрической формы. Это был картонный цилиндр, отсыревший, но еще горячий. Сергей зажег новую спичку и стал было рассматривать находку, но Борис внезапно зажал ее в руке. Лицо его, освещенное снизу, выражало дикое удивление.

— Ни черта не понимаю... Ливерпуль...

— Что? — спросил ошеломленный Сережа.

— Ливерпуль... Город... в... Англии...

— Что?!

— Английская сигнальная ракета.

Слова Бориса покрыл оглушительный грохот. Когда он затих, ночь окончательно успокоилась. В наступившей тишине они слышали тонкое зудение москитов.

*

Возвращение в лагерь прошло без обычных споров и попреков. Такого «приключения» не бывало еще за все время путешествия. Уже подходя к месту старой ночевки, Сергей вспомнил о несостоявшемся извержении вулкана. Но Козодоевский, против обыкновения, не огрызнулся. Он молча пробирался сквозь хрустящие кустарники. Сильно и неожиданно похолодевший воздух заставлял путников ежиться и нервничать.

— А все твое хвастовство, — продолжал наставительно донимать Сережа. — Ведь сознайся, брат, мы нечаянно перешли границу или что-нибудь в этом роде! Еще когда мы покупали контрабандные спички, надо было это чувствовать! И напрасно ты, брат, втирал очки, что выучился говорить по-таджикски.

Ответ Бориса дышал неожиданным смирением:

— Это, может быть, не английская граница, это английские разведчики.

Сереза хотел было огрызнуться, подстрекаемый ворчанием озябшей Галины, но неожиданное зрелище отняло у него язык. Светало. Они находились шагах в двухстах от покинутой ночевки. На месте уютной поляны, где еще недавно была раскинута палатка, покоились огромные глыбы горного снега.

Лавина!

Подгоняемые любопытством и тревогой об оставленных вещах, молодые люди бросились бежать, как по команде. Когда, запыхавшиеся и ошалелые, они остановились, наконец, у самой черты снежного кургана, ночь уже значительно посветлела. Снежный обвал простирался до самого подножья гор. От стоянки не оставалось и следа.

Дрожа от холода, бездомные путешественники сетовали о погибших обновках, когда Галина заметила в снегу какой-то черный обломок. Он оказался небольшим исковерканным пулеметом незнакомой системы. Около пулемета валялись изогнутые проволоки, части какого-то мотора и металлический ящичек. В нем находились никелированные флаконы с латинскими надписями, вата, свертки бинтов и марля.

— Походная аптечка!

Долго думать не приходилось. Сергей стал яростно разгребать снег. Белые комья вылетали из-под его рук, освобождая из снежного пленения диковинный предмет. Через несколько минут ожесточенной работы блеснул гофрированный серый металл и стекло голубого иллюминатора.

— Электрическая лампочка!

Галина и Козодоевский, пугаясь в обломках, карабкались вслед за Серезей. Стынущими от снега руками, они пытались освободить аппарат, ибо теперь стало очевидным, что тут произошла авария с английским самолетом. Вдруг Борис вскрикнул: он нарезался рукой на разбитое окно каюты. За сумасшедшей работой крик Козодоевского не был услышан. Борис нажал плечом, — остатки стекла треснули, и он очутился в полутемной каюте.

— Сергей! Сергей!

На полу каюты лежал труп человека средних лет в сером костюме и высоких желтых сапогах. Около трупа белели какие-то бумаги.

Не успел подоспевший Сергей сообразить, что бы все это значило, как его заставил вздрогнуть второй крик. На сей раз кричала Галочка. Пробираясь за Сережей, она провалилась в рыхлый снег и в отчаянной попытке выкарабкаться ухватила за что-то упругое и скользкое. После безуспешных усилий вытащить наружу тяжелый предмет, она освободила его от снега. Это была нога в щегольском коричневом ботинке и высоких крагах. Когда Сергей и Борис прибежали на вопль, они застали Галочку отчаянно уцепившейся за таинственный ботинок. Через пару минут показалась голова в изорванном респираторе. Товарищи стащили труп со снежной горы и стянули маску. Перед ними лежал молодой английский летчик. Несколько ссадин на подбородке и на руках не давали еще, однако, повода считать его мертвым. С лихорадочной поспешностью друзья развели костер. Первое тело было также вытащено из каюты и положено рядом. Козодоевский, приплясывая от холода, распоряжался:

— Растереть лицо и руки снегом! В аптечке должен быть спирт.

Сергей и Галина яростно старались оживить бездыханные тела. Вдруг Галина ахнула:

— Сережа, а Сережа! Мой-то зовсім як покойник, и дырка в голове...

Сергей наклонился. Тонкие, извилистые губы трупа были плотно сжаты. В уголке глаза чернело отверстие от револьверной пули.

— Тут уж дело конченное. Поглядим-ка, может быть, этот выживет.

Они растегнули высокий воротник и куртку. Борис подбежал с раскрытым флаконом:

— Нашатырный! — коротко буркнул он.

Спирт подействовал. Англичанин чихнул и открыл глаза.

— Уэр эм ай? — задал он слабым голосом традиционный вопрос, радостно напомнивший Козодоевскому о множестве прочитанных романов.

— Он спрашивает, «где я?» — торжественно перевел Борис.

Сергей сочувственно усмехнулся:

— Это не мешало бы и нам знать.

— Во всяком случае скажем, что у нас, — заволновался Козодоевский и без запинки ответил: — в России.

По лицу англичанина пробежала слабая улыбка. К общему удивлению, он заговорил на ломаном русском языке. Борис по инерции продолжая объяснять:

— Он рад. Он доволен. Он счастлив.

Внезапно голос англичанина изменился. Глаза потухли:

— Уикли? — резко спросил он.

— Что?!

— Мой товарищ Уикли?

Спасители переглянулись. Наконец, Сережа указал на труп.

— Он мертв.

Англичанин с трудом повернул голову и выругался со стоном облегчения:

— Годдам, это не Уикли!

Найти человеческое тело, погребенное, может быть, под десятками тысяч тонн снега, могла помочь только счастливая случайность. Она, впрочем, не заставила себя ждать.

Под сравнительно неглубоким снежным покровом, рядом с новеньким термосом и отлетевшим аэропланым колесом, лежал юноша в военной форме. Его левая щека была залита кровью, а руки судорожно сжаты.

Когда наконец удалось привести Уикли в сознание, его первым словом был бессмысленно счастливый смех, скоро перешедший в слезы. Теперь все было в порядке. Борис неожиданно перецеловался с потерпевшими крушение.

Мучительно поразмыслив, Сергей, по старой следовательской привычке, скрестил руки на груди. Свой вопрос он задал прямо с ударением и расстановкой:

- Вы не шпионы?
- Я работал в Петроград и Архангельск, товарищ.
- Сергей начинал понимать:
- У кого?
- А вы кто?
- Коммунист.
- С вами.

У Сергея быстро и четко забилося сердце. Он впился глазами в лицо офицера:

- Ваша кличка?
- Револьвер.
- Броунинг?!
- Да.

Сергей вспомнил комнату с разбитым окном в Коминтерне. Он хотел пожать руку Арту, потом раздумал и бросился к нему на шею.

Глава восьмая

КОНЕЦ И НАЧАЛО

Уикли, обмотанный марлей, и пятнисто-рыжий от иода Борис полулежали около ярко горевшего костра. Борис, запинаясь на трудных местах, рассказывал Уикли о Москве, о России, о путешествии на восток. Джонни поддакивал и улыбался. После катастрофы и неожиданного спасения все представлялось ему в розовом свете. Чины, ордена остались далеко позади, тем более, что здесь, как говорит новый товарищ, чуть не на земле валяются богатства! Нужно только вовремя нагнуться. К тому же на родине он не мог получить большого чина, так как не имел ни связей, ни знатных родственников, ни состояния. В груди у него поднималось новое чувство освобождения. «Все к лучшему». Так и проще и легче.

Наконец, пришли с охоты Сережа и Арт. Сережа тащил убитую козулю, Арт чему-то весело смеялся. Козуля перешла к Галочке.

К тому времени, когда жаркое было готово, все уже разместились у огня тесной дружеской компанией. Лейтенант, выпустив изо рта густой клуб доброго английского дыма, начал свою повесть, специально отложенную до ужина.

(В сентябре 1914 года он был послан английским военным министерством во Фландрию, где ему пришлось служить в разведочной бригаде. В мае следующего года счастье изменило ему: аппарат, подбитый из германского зенитного орудия, был вынужден снизиться за линией неприятельских окопов. По счастливой или несчастной случайности, Арта направили не на привилегированные «квартиры для военнопленных», а в концентрационный лагерь близ города Марбурга. Там жили на пленном пайке русские, татары, французы, кавказцы. Восемь месяцев Арт провозился на вражеских полях с всесильной картошкой. Близкое знакомство с немецким крестьянством, постоянное пребывание в интернациональной толпе открыло ему глаза на смысл войны. В одну из темных ночей, под покровом вьюги, француз Форбуа, русский Манцев и англичанин Броунинг выбрались из лагеря, оставив за собой разрезанную колючую проволоку. Лютая зима 1916 года была свидетельницей их отчаянных усилий спастись от жандармов и облав. В начале 17-го они перешли австрийскую границу. Арт начал учиться у Манцева русскому языку. В августе беглецы подобрались к Карпатам и, наконец, вздохнули свободно, смешавшись с безликой толпой беженцев. Только тогда Арт узнал, что Россия без царя, что там революция. Война разлагалась. На фронтах падала дисциплина. В ноябре трое беглецов выехали из Австрии с бесконтрольной партией пленных, и Россия поглотила их. Тут тоже металась война, но другая — близкая и понятная — война против войны: народ старался побороть угнетателей. Запад, восток, юг вспыхивали восстаниями. В Киеве Форбуа заболел тифом и умер. Манцев и Арт уехали в Харьков. Здесь англичанин связался с компартией. Весной он добрался до

Москвы, где проработал несколько месяцев. Именно в Москве, на работе, с ним и повстречался несколько раз Сережа Щеглов. Позднее Арт был командирован на северный фронт. В Архангельске русскую революцию укрощали англичане. В одном из боев Броунинг попал в плен к «своим», успев предварительно уничтожить компрометирующие бумаги. Он с трудом уверил английское командование, что специально пробирался через всю Россию в Архангельск в армию его величества. После неудавшейся капиталистам оккупации Арт вернулся в Англию и, по-старому, попал на авиационное дело. В конце концов, военное министерство послало его в Индию, где Арт тайно мечтал повести советскую агитацию.

Остальное — жизнь в Индии и бегство — было уже известно слушателям по отрывочным признаниям).

Сережа ласково посматривал из-под сдвинутых бровей на нового товарища. Когда тот кончил, Сергей только поближе придвинулся к нему и тихо положил руку на широкое спортсменское плечо. Теперь очередь рассказывать была за русскими.

Сергей не был мастер литературно повествовать. Он уступил эту честь тонко улыбавшемуся Борису и только время от времени вставлял: «не пересаливай, черт» или «и вовсе не так страшно было». Борис рассказывал картинно и увлекательно, настолько картинно, что англичанину пришла мысль «погулять еще до Москвы по этой майнридовщине», а Сережа и Галочка почувствовали прилив новых сил. Что касается автора рассказа, он еще с утра воспрянул духом при мысли, что находится отныне в обществе сильных и вооруженных людей. Воспоминание о таинственных намеках купца и попа пробудило у него охоту к странствиям. Когда, откашлявшись после своего блестящего выступления, он выдул залпом фляжку воды и вытер пот со лба, у всех пятерых оформилось одинаковое решение: «Вперед во что бы то ни стало!» Лейтенант аккуратно выколотил свою трубку, потом встал, прошелся и вернулся к Борису:

— Я хотел бы, чтобы вы точно поняли и перевели мои слова. Я слишком сбивчиво говорю, чтобы выразить такую мысль.

Борис перевел его вступление и продолжал переводить дальше:

— Когда я был молод и глуповат, я все-таки интересовался судьбами человечества; только я был глуповат, как уже предупредил вас. Не зная простых и здоровых путей, я связался с членом какой-то, чуть ли не масонской, логи. Этот парень рассказывал мне...

Лейтенант едва не свалился наземь от русского натиска. Борис, продолжавший сидеть у костра, схватил его за пол френча.

— Он рассказывал вам, что в Азии неподалеку от Гималаев живут эти самые... как их... великие посвященные?

Англичанин наклонил голову.

— Yes.

Борис обвел всех торжествующим взглядом. Теперь, если не лейтенант, то Уикли, наверно, помогут ему в розысках таинственного.

Действительно, Джонни слушал плохо понятный разговор с какой-то жадной радостью. Разочарованный Артом в церковной религии, он с удовольствием нашел бы ей замену, а романы Марии Корелли крепко засели в его памяти рядом с географией и самоучителем «Как разбогатеть честному человеку».

Сережей катастрофически овладела знакомая скука и чувство какого-то сострадательного злорадства.

«Поеду с вами, сукины дети! Покажу вам, что все это чепуха», — подумал он. Сейчас он не спорил и только сонно слушал заковыристые рассуждения.

Перебинтованный и быстро обмякший Уикли, примостившись у огня, сладко посапывал открытым ртом. Броунинг, обняв руками колени, раскачивался и слушал шумливую болтовню Бориса. Пламя костра почти не колебалось. Стояла изумительно тихая ночь. Большой мусульманский полумесяц низко проплывал над горизонтом. Галочка ожесточенно зевнула.

Скоро, однако, напряженно-уютная атмосфера вечера была нарушена. Шелковый восточный воздух словно разорвался пополам резким свистом. Послышался собачий вопль, и в заколдованный круг у костра ворвался неистовый, лохматый, рыжий пес.

Сергей собрался было броситься с ним в рукопашную, но был пригвожден к земле восторженным визгом Галины.

— Стусан!!

Буря удивления и смеха заглушила даже конский топот, сначала отдаленный, потом четкий. Тем временем оборванный, как пугало, всадник, наскучив махать грязной тюбетейкой, швырнул ее прямо в середину гогочущего общества. Когда Броунинг первый поднял глаза, молодой, испеченный на солнце узбек успел уже спрыгнуть с лошади и стоял, ухмыляясь, шагах в пяти от огня. Очередь удивляться была за лейтенантом, заподозрившим разбойничье нападение. Едва он вытащил свой верный стейер, как Сергей и Борис бросились к разбойнику на шею:

— Джелал!!!

Разбойник с тихим смешком и застенчивыми ужимками занял место у костра.

Джонни, разбуженный криками, воплями и визгом, вскочил на ноги. Вид растерянного, забинтованного, облитого иодом Уикли был настолько комичен, что все расхохотались; Джонни, уразумев, что прибытие неизвестного не предвещает никакой опасности, протянул руку узбеку и произнес:

— А... здоровьс... русс...

Хохот повторился. Джелал вошел в компанию по-хорошему, — вместе со смехом. Всем казалось, что они только несколько часов назад расстались с этим смуглым застенчивым юношей.

Когда веселье несколько улеглось, Джелала усадили ужинать. Через несколько минут от ноги козули осталась кость, перешедшая в ведение Стусана.

После ужина Джелал подвергся перекрестному допросу: откуда, куда, зачем? Понемногу выяснилось, что, рас-

ставшись с русскими товарищами, он узнал конечную остановку их каравана и решил во что бы то ни стало догнать их. В Кафирнигане он удрал от хозяина, а в кишлаке Дагана, севернее Кара-Куль, он напал на след путешественников. С этих пор он следовал за ними в двух-трех днях пути, справляясь в каждом населенном пункте о проходивших русских. Вскоре след снова был потерян, и вряд ли Джелал нашел бы его снова, если бы не встретился с погонщиком того каравана, откуда Сережа и Борис сбежали из-за безденежья. Тут юноше пришлось немало кружить по кишлакам и колониям, прежде чем он попал в хохлацкий «кишлак». Здесь он узнал, что с путешественниками убежала девушка. Джелал пробовал разузнать у Ганны¹, куда делась ее родственница, но Ганна только руками развела: «Вот, — сказала она, — пес за ней подышает». Тут юноша смекнул, что собака найдет хозяйку. Джелал обменял у какого-то сумасшедшего рябого Грицьки халат и чалму на коня и тронулся в путь. Долгая остановка путешественников в Будурте, где они покупали обновки, позволила Джелалу нагнать их.

— Теперь мы настоящая экспедиция, — сказал Козодоевский.

Только к самому рассвету друзья пожелали друг другу доброй ночи. Брунинг спросил в последний раз:

— Значит, в путь?

— В путь! — ответили друзья согласным хором. Стусан утвердительно залаял и улегся поуютней на подоле Галочкиной плахты.

В неуклюжей могиле, шагах в пятидесяти от ночевки, лежал достопочтенный профессор геологии Инносент Дж. Смайлерс, он же полковник генерального штаба Иаков О'Треннель. Борис, засыпая рядом с Уикли, с оторопью вспомнил об этой могиле.

¹ В книжном тексте очевидная опечатка — «Галины». Имя восстановлено по журнальной публикации фрагмента романа (*Прим. изд.*).

... КЕЛЕМЕН СЕФЕЗ КЕРЕШЕТ...

**КОНЕЦ
ПРЕДИСЛОВИЙ**

Глава девятая

НЕФРИТОВАЯ ФИГУРА

Итак, их стало девятéro. Глядя со стороны, можно было принять экспедицию за шуточный маскарад или за труппу киноактеров, разыгрывающих авантюрный роман. Но режиссер отсутствовал.

Впереди на добром коне гарцевала пестрая Галина, за ней мелко трусил ишак Томми, везя на себе поправляющего от ожогов Уикли; справа и слева Уикли поддерживали Козодоевский и Джелал. Шествие замыкали два новых друга — Броунинг и Сережа Щеглов. Роль Стусана была крайне неопределенна: иногда он обгонял экспедицию на добрых полверсты и там дожидался приятелей, болтая шершавым языком, иногда отставал, забравшись в густые тростники, и вынюхивал одному ему известные травы, спасавшие от тоски по родине.

Путешественники шли по неизвестной горной местности; со дня ухода с последнего привала, разгромленного лавиной, им не попадалось ни одно селение. Компас, извлеченный Артом из останков английского аэроплана, указывал прямой путь на восток. Они шли уже четвертый день размеренным и бодрым шагом, останавливаясь на ночевку только поздним вечером, почти ночью, и снимаясь с нее после полудня. По приблизительным подсчетам Броунинга, они находились в сорока километрах к югу от Сереза, под 88-й параллелью, в одном-двух переходах от караванной тропы, ведущей к озеру Яшиль-Куль. Дорога, по которой они продвигались, в сущности не была дорогой: лишь кое-где сохранялись следы короткого человеческого пребывания и белели кости павших животных. По этим печальным останкам можно было судить, что несколько лет тому назад здесь пролежала верблюжья тропинка.

Четыре дня, проведенные экспедицией в пути, заставили всех успокоиться и забыть тревожнения последних

дней. Даже Козодоевский унялся и не надоедал всем вечным страхом землетрясений; в его развенчанном сейсмографическом сердце поселилось новое чувство — неугасимая тоска по новенькому серому костюму и желтым щегольским сапогам профессора Смайлерса. Он не мог себе простить колебаний и сомнений, не позволивших ему в свое время снять костюм с мертвого предателя. Он с явным неудовольствием поглядел на узорчатую бахрому своих шаровар и с остервенением сплюнул под наплывом воспоминаний: его собственные штаны, купленные на поповские монеты, были погребены под злополучной лавиной. Сзади раздавался бодрый голос Сережи и смех Броунинга. Броунинг прекрасно переносил длинные переходы; катастрофа почти не отозвалась на нем.

Планы на будущее все еще не были окончательно выяснены. По ночам, когда с гор дул ледяной ветер, и в небе щетинились колкие бело-зеленые звезды, путешественникам становилось достаточно неуютно. Последней мыслью каждого перед глубоким сном было: «назад в Москву»! Сережу мучило всякое напоминание о кончающемся отпуске. Он искал в памяти мотивировку этого длинного путешествия и не находил ее. Даже с точки зрения Борисовой литературной композиции все было сумбурно, надуманно и бесцельно. Но утреннее солнце рассеивало дурное настроение. Как бы то ни было — в Москву или в горы — нужно было выйти на караванную тропу. Собственно говоря, Памир велик, и где скрывается самое чудесное, — будь это клад, великие чародеи или естественные богатства, — путешественники не знали.

К концу четвертого дня они достигли караванного пути.

Путь этот сильно отличается от обычных дорог и напоминает узкую велосипедную тропинку. Он кажется узкой лентой, продетой сквозь кустарники и пески; в кустарниках он оставляет глубокий протоптанный след, на песке рассыпает кости павших верблюдов; теряется он только в быстрых горных речушках, чтобы снова возникнуть на другом берегу или стереться на каменистых горных склонах.

Направо голубели новые горы; по форме и выражению они сильно отличались от всех виденных раньше: те, что поближе, бросались в глаза резкостью и энергией очертаний; те, что подальше, таяли легкой извилистой линией. Вечные снега казались мертвыми и матовыми, как крахмал. С гор тянуло холодным ветром; две-три вершины уже скрылись за косматыми звероподобными облаками.

— Здесь страшно, — в первый раз за время путешествия голос Галочки осекся.

Почти машинально путешественники прошли еще несколько сот шагов к востоку. Вдруг Джелал наклонился над какой-то темной кучей. После ряда горестных междометий экспедиция услышала мало ободряющее заявление:

— Опоздал, товарищи! Верблюд вчера был, туда пошел, — он указал пальцем в сторону гор.

Темная кучка оказалась вчерашним верблюжьим пометом.

Ждать следующего каравана пришлось бы не менее трех недель. Из всех предложений наименее безумным оставался совет Броунинга — не думать ни о каких делах до завтрашнего утра. В глубине души лейтенант радовался опозданию: идти вперед, в горные дебри, ни на день не теряя из виду караванного пути, казалось ему наиболее интересным и наименее опасным. Без особого труда он убедил Серрежу логическим доказательством, что почти безразличен пункт встречи с караваном, если эта встреча все равно не может произойти раньше положенного времени. Разговор с остальными членами экспедиции друзья отложили до солнца и принялись устраивать привал в более или менее защищенном от стихийных неприятностей месте.

Ночь прошла тревожно; в промежутках беспокойного храпа путешественники со стоном просыпались от шума далеких обвалов. Несколько раз продрогший Сергей ощущал легкие колебания почвы; он с трудом свернул в козью ножку отсыревший табак и закурил от почти погасшего костра. Удивляясь самому себе, он принялся думать о том, что находится на еще неоформившейся, полной скрытых сил земле. Когда-то в Москве он слышал теорию происхожде-

ния жизни из Средней Азии... К северу — таинственный Урянхай, к югу — неприступные Гималаи, разбросанные неведомо где военные посты, запертые на год горными снегами, — все это вдруг взволновало Сергея до глубины души. Он подумал о бреднях Козодоевского, невольно сравнил их со своей горячей и тяжелой тревогой и иронически усмехнулся. Одна из идей Бориса однако заинтересовала его в эту ночь. «Странно, — думал Сергей, облизывая пересохшие губы, — странно, что человечество, ушедшее отсюда, достигло такой высокой культуры, а здесь пусто и голо. Неужели уж так трудно победить горы и землю?» Ни в какие тайные общества он не верил, зная им цену. Единственное, что могло попасться в этом суровом краю, это — остатки какой-нибудь древней культуры.

Воздух уже начал синеть, когда Сережа принял твердое намерение заснуть. В это время проснулся и приподнялся на локте Арт Броунинг.

— Товарищ Седжи!

— Что, товарищ Арт?

— Вы не спите? Почему вы не спите?

Сережа придвинулся к Броунингу, они заговорили шепотом. Щеглов, несколько смущаясь, начал рассказывать Арту о подземных толчках, о странной и непонятной страхе, о тех мыслях, что пришли ему в голову нынешней ночью.

Он старался иронизировать.

— Мировые загадки? А? Как вы думаете?

Тон Броунинга заставил Сережу отнестись к собственным мыслям более серьезно.

— Здесь нет ничего смешного, Седжи. Вы говорите: «Нет дыму, значит — нет огня». Откуда же все эти разговоры, мысли? Несомненно, что-то есть. Здесь, Седжи, мы — близко от тех мест, откуда вытекает тайна. Конечно, так называемых великих посвященных нет, и напрасно в Европе о них говорят. Но, Седжи, — Арт еще более понизил голос, — может быть, какие-то особенные люди существуют? Почему бы не жить здесь, в горах, людям, обладающим большими познаниями, чем мы? Конечно, это обыкновенные

люди, а не бессмертные. Они, может быть, уже выросли из наших экономических условий. Ведь и мы научились сводить молнии на землю и посылать молнии в небо.

Сережа почувствовал внезапное раздражение. Слова Броунинга показались ему дикими и бессмысленными.

— Вы определенно чепуху порете, Арт! За каким чертом эти люди будут жить в горах? Вы заразились мистицизмом у Козодоевского.

Борис не спал с начала разговора. Он лежал, затаив дыхание, внимательно прислушиваясь к каждому слову.

Сережа продолжал:

— Значит, по вашему, если у нас будет больше знаний, мы будем сами как эти великие посвященные?

— К этому идет, Седжи. Может быть, это знание поможет хотя бы остановить войны.

— Химера, утопия! — Сережа беспомощно волновался, глубоко ощущая свою внутреннюю правоту. — Я уверен, что на этих идиотских горах ни одна собака жить не согласится.

Восток порозовел, и из-за синих вершин брызнули красные утренние лучи. Сережа зевнул в последний раз — спать ему больше не хотелось. Закутавшись в прожженные остатки рыжего пальто, служившего ему одеялом, он вышел из палатки. Еще никогда раньше восход солнца не был так великолепен. Комически чудовищные фигуры гор, казалось, радостно кривлялись; солнечные лучи проходили сквозь прорехи в облаках, как узкие прожекторы. Когда цвет горных лесов перешел из фиолетового в ярко-зеленый, настало настоящее утро. Прямо против привала, шагах в пятидесяти, сверкала тонкая, как лезвие ножа, горная речушка. Сережа сбросил плед и весело побежал к воде. Через несколько минут он уже освежил лицо, напился и, насивистывая одну из бесчисленных песенок Арта Броунинга, пошел побродить в горы. Здесь утренний ветер успел смести с лица земли следы «космического» ночного настроения. Над влажными кустами диковинных трав кружились осы и какие-то толстые пестрые бабочки. Пахло шалфеем, как в Белоруссии, и ванилью, как в Крыму. Отвесные стены чешуйчато-

го строения поросли оливковыми лишаями. Сережа подошел к одной из таких стен, чтобы оторвать листик хрупкой горной породы, похожей на жженую бумагу. У самого от веса он поскользнулся, выругался и посмотрел себе под ноги: в серо-зеленой траве блестела серо-зеленая с золотом ящерица. Сережа с опаской прикоснулся к ней; потом поднимал, удивляясь неподвижности и ледяному холоду скользкого тельца. Постепенно до Сережиного сознания дошло, что у ящерицы крошечные человеческие ноги в золотых сандалиях и хорошенькая, как у парикмахерских манекенов, головка в зеленой чалме; прекрасные руки были монашески сложены на груди, прозрачный халат кончался на подоле золотой вышивкой. Ящерица изображала красивого мусульманина, сделанного из светлого нефрита и приправленного, вероятно, яшмой. Другими словами, это была драгоценная и художественная статуэтка. Едва Сережа уяснил себе все это, как над его ухом раздался восторженный крик. Борис, вышедший на прогулку по следам товарища, глядел через его плечо округлившимися глазами.

Глава десятая

НАПАДЕНИЕ

Шумное обсуждение находки заняло все утро. Менее всех принял участие в общем гаме Сережа. Совершенно подавленный открывшимися перспективами, он был глубоко уверен, что любой московский профессор-востоковед только посмеялся бы над безумно жестикулировавшим Борисом и торжественно смущенным Броунингом. Хмуря брови, Сергей мучительно перебирал забытые термины из истории искусств, но ничего, кроме персидской миниатюры, не нашел, а нефритовый мусульманин очень мало походил

на персидскую миниатюру. Столь же неуместно было напоминание Броунинга о том, что из подобного материала делаются иногда микроскопические китайские идола. Козодоевский ораторствовал об античном искусстве, Александре Македонском и мистическом ордене тамплиеров. Предположения, одно другого нелепее, сыпались, как из рога изобилия. Джелал и Галочка с восторгом разглядывали статуэтку, которую Борис не выпускал из рук. Броунинг отозвал Сергея в сторону.

— Послушайте, Седжи, вы помните ночной разговор? Вы, кажется, говорили о том, что здесь живет некультурный народ, и плакались на это. Вы видели этого нефритового человека? Пари на мою голову, что европейским мастерам и не снилась такая работа. Здесь культура выше европейской — вы сегодня убедились в этом!

Броунинг продолжал другим, менее торжественным тоном:

— Мне пришла в голову интересная мысль. В моем бумажнике, вернее, в бумажнике покойного геолога, хранится большая сумма денег. Нам во что бы то ни стало надо добраться до населенного пункта и достать все необходимое для маленькой, но хорошей экспедиции. Афганские купцы знают цену английским фунтам. А так мы ходим напрасно и ничего не видим. Мерзнуть по ночам мне, признаться, надоело. Я думаю, вы согласитесь.

Щеглов молчал. Его рассеивали самые разнообразные мысли: он опоздает в Москву, с экспедицией он проваландается очень долго, да и пользы от этой экспедиции, как с козла молока. Для науки они вряд ли найдут что-нибудь новое, а если и найдут, то не догадаются использовать. Заниматься приключенческой жизнью пристало во время отпуска, а сейчас не мешало бы и назад. Перед его глазами промелькнули знакомые лица товарищей по ячейке.

Вдруг раздался крик Козодоевского. Сережа и Арт быстро обернулись. Борис стоял с выпученными глазами и бессмысленно повторял какое-то мусульманское слово. Как-то боком он подошел к Броунингу и спросил по-английски:

— Вы знаете персидский, или арабский, или турецкий? Вы умеете читать?

— Да. На родине, в Индии, я занимался этим. А в чем дело?

Дрожащими руками Борис протянул лейтенанту статуэтку.

— Посмотрите на этот зеленый халат. Его подол расшит узором, но этот узор составляют арабские слова.

Броунинг внимательно взгляделся и увидел тонкий золотой орнамент, образовавший буквы:

اَبْجَدْ هُوَ زَحَطْلَى كَلَمَنْ سَعْفَصْ قَرُشَتْ فُحْزُضْظَاغْ

— Аб-джед хе-вез хютти...

— Келемен сефез керешет... — захлебываясь подхватил Козодоевский. — Знаю, знаю!

Сережа вспомнил вдруг старого попа в забытой украинской деревушке.

Англичанин продолжал удивленно и методично:

— Келемен сефез... Вы совершенно правы. Тут так написано. Но что это значит?

— Черт возьми, что это значит?! — заревел Борис. — Я ни черта не понимаю! Эта фраза просто преследует меня. Она несомненно имеет глубокий и, по-моему, — он опасливо посмотрел на Сережу, — мистический смысл.

Броунинг отдал Борису нефритового человечка и многозначительно улыбнулся. Сережу тоже начала подзадоривать расшифровка этой таинственной надписи. Статуэтка придала его мыслям желательное для Броунинга направление. Он повернулся к Арту и пожал ему руку.

— Я согласен.

Остальные члены экспедиции, Борис в особенности, предложение Броунинга приняли с восторгом. Было немедленно решено идти на север, к Серезу, где пересекались караванные пути, и там пристроиться к каравану, идущему

на юго-восток, к центру Памира. Приходилось спешить, чтобы не опоздать пройти с караваном главные летние перевалы. Эти перевалы в обычное время считаются непроходимыми и освобождаются от снега только на две-три недели в году. Двух недель, конечно, недостаточно для какого-нибудь исследования, но наши путешественники и не мечтали об организованной экспедиции. Тем более необходимо было спешить: малейшая задержка пахла угрозой застрять на Памире до следующего лета, вернее, до нового таяния снегов. Однако, желание проникнуть туда превозмогло все страхи и победило все логические доводы. Плотно поужинав подстреленным горным бараном, путешественники без долгих слов уснули, чтобы на следующее утро тронуться в путь, на север.

Утром экспедиция отправилась по верблюжьей тропе. Щеглов раздражался: два шага вперед, один назад — было не в его духе. Идя вразвалку и грызя стебелек травы, он с горьковатой симпатией следил за Джелалом и Галиной. Этих беспокойных молодых существ начинала связывать полудикая дружба, оказавшаяся сильнее дорожной тревоги и древней расовой вражды. Молодые люди забегали далеко вперед, карабкались по скалам, собирали охапки травы, гнались за Стусаном и втрое удлиняли себе и без того трудную дорогу. Во время полуденного перевала они ушли на охоту за козами, довольно затруднительную в такой час. Не говоря уже о несбывшемся обеде, они не явились даже ко времени выхода в дальнейший путь. Броунинг и Сергей заволновались было, но Козодоевский острил над всей этой историей так желчно, что они успокоились. Козодоевский ревновал, — это было ясно, — и ревновать, по-видимому, стоило. Конечно, экзотическая парочка решила временно не докучать остальным своим шумным и хлопотливым флиртом. Потерять из виду прямую дорогу к Серезу Джелал и Галина, прекрасно ориентировавшиеся во всяких горных тупиках, не могли и в конечном пункте должны были, по общему мнению, благополучно присоединиться к экспедиции.

Что касается пропастей и обвалов, то, отправляясь на охоту, Галина категорически обещала не заходить дальше ближайшего невысокого хребта. Положившись на все эти логические доказательства, путешественники спокойно продолжали путь. Несколько раз они пробовали покричать в соседних горах, но слова возвращались эхом, как бумеранг к ногам охотника. Часов в семь пополудни, когда турецканское небо становится оранжево-песчаным и бездомными людьми овладевают первые приступы животной пещали, Сергей снова заволновался. Он только что собрался поделиться своими неясными чувствами с Броунингом, когда последний радостно вскрикнул, указывая вправо: «Вот они!». Действительно, с горы спускалась ловкая узкая фигура в красном халате. У Козодоевского екнуло сердце — педантичный и наблюдательный, он сразу узнал, что то не был Джелалов халат, ярко-зеленый пояс которого казался бы издали желтым на малиновом фоне. Узкая фигура перепрыгнула с верхнего выступа скалы на нижний, наклонилась и дико закричала; продолжая кричать, черномазый малый, с иступленно-растянутым в огромное овальное «о» ртом, сбежал еще ниже.

Тотчас же на всех ближайших выступах вспыхнули такие же узкие и яркие фигуры; с обезьяньей ловкостью они спускались вниз и, склоняясь над верблюжьей тропой, принимались кричать на один и тот же грозный заунывный лад. В руках у некоторых из них блистали короткие ургутские ножи, а трое или четверо были вооружены винтовками. Слово «басмачи» вошло в сознание Сережи вместе с ярким револьверным выстрелом. Это стрелял Арт, подбежавший к еще сравнительно беспомощному после воздушной аварии Уикли. Басмачи не отвечали. При каждом выстреле они прятались за скалами и снова выглядывали, как бы в надежде, что у осажденных не хватит патронов.

В Бориса вселилась романтическая храбрость отчаяния; отчетливо учтя, что силы экспедиции слишком малы, он выпустил один за другим шесть зарядов своего смехотворного бульдога. Когда разряженная игрушка стала столь же бесполезной для военных действий, как старая сандалия,

он влез на вихлявшийся круп лошади, за спиной Уикли. Уикли, поджидая удобной минуты, держал в дрожащей вытянутой руке еще неиспользованный стейер. Козодоевский вцепился в лопатку летчика:

— Спасайтесь! Вам не отбиться. Подвиньтесь, пожалуйста!

Усевшись верхом поудобнее, Борис повторил на сей раз по возможности более властным тоном:

— Спасайтесь, я вам говорю. Спасайтесь сию минуту! Вперед!

Джонни вспомнил о своем неоплатном долге лейтенанту, но тут же сообразил, что сейчас является только ненужной помехой. Последние сомнения всадников рассеял Сергей, стоявший уже немного впереди Броунинга; он крикнул слегка охрипшим голосом:

— Борька, лети за помощью в Серез, скотинка! Не сходя с места!

Уикли понял интонацию, название кишлака и тронул поводья. Лошадь помчалась на север. Для басмачей это было сигналом. Презрительно оставив Броунинга и Щеглова без присмотра, они ринулись вдогонку всадникам. Арт и Сергей, дав пару выстрелов в тыл басмачам, пустились следом, в единственной надежде отвлечь внимание погони от беглецов. Восточные разбойники способны догнать пешком быстрейшую дичь, но эти, видимо, не хотели даром терять энергию и пустили в ход ременную стреногу — метательный прибор, состоящий из тонкого длинного ремня с грузом на обоих концах. Стренога со свистом развернулась в воздухе и прочно обвилась вокруг ног коня. Всадники перекувырнулись и зарылись в землю. Когда басмачи, хохоча и улюлюкая, перевели их на старое место, лейтенант и Сергей, не желавшие терять из виду товарищей и наивно спрятавшиеся в ближайших скалах, вышли из-под прикрывающего. Самый внушительный из басмачей — дюжий мужчина в чалме оскалил длинные желтые зубы и произнес со свирепой доброжелательностью:

— Салём алейкум.

Потом он сделал небрежный знак своим. Через пару минут руки путешественников были связаны неизвестно откуда взявшимися веревками.

Глава одиннадцатая

ПЛЕН

Нельзя сказать, чтобы козья прогулка привела экспедицию в благодушное настроение. Сережа и Броунинг ожесточенно чертыхались. Охромевший Козодоевский искоса оглядывал басмачей, стараясь усмотреть их намерения. Уикли, безучастный ко всему, шел вперед за мелькающей красной фигурой; он перестал удивляться чему бы то ни было с тех пор, как попал за границу. Дюжие басмачи шли скопом, удивительно легко карабкаясь по еле заметным выступам в скалах и помогая взбираться пленникам: у последних все еще были связаны руки. Дорога становилась трудней. Броунинг и Сережа перестали браниться, изредка перебрасываясь отрывистыми фразами; Борис пыхтел и отдувался; Уикли казалось, что пути нет конца. У заворота одной из скал идущий впереди остановился. Идущий в хвосте что-то крикнул, и над головами путешественников свистнула веревка. Сережа вздрогнул, — по рассказам о зверствах басмачей он знал, что церемониться не будут: сперва дочиста ограбят, а потом скинут со скалы — и поминай, как звали. Англичане, обменявшись тоскливыми взглядами, придвинулись поближе друг к другу.

«Где Джелал? — вдруг вспомнил Сережа, не терявший еще нелепой надежды на освобождение. — Может быть, он поможет», — но здравый смысл опроверг надежду. Юноша поднял глаза и увидел приближающийся к нему красный халат с веревкой в руке. Козодоевский истерически заплакал; басмачи удивленно переглянулись и весело залопота-

ли. Не успел Сережа оглянуться, как был туго перетянут тонкой веревкой поперек живота. На оставшийся конец навязали Броунинга, Козодоевского и Уикли и потащили вперед за заворот скалы. Броунинг поглядел налево и содрогнулся. Внизу торчали острые пики скал и гремел горный поток. Впереди лежала небольшая квадратная площадка, где пленников выстроили гуськом; дальше пришлось идти, тесно прижимаясь к скале, горячей от солнца. За площадкой и эта дорожка прекратилась. Камни то и дело срывались из-под ног. Пленниками овладел новый страх. Несмотря на догадку, что веревка понадобится скорее для сохранения жизни, чем для убийства, они не надеялись попасть даже туда, куда их волокли басмачи. Переходить горы, застревать на перевалах, осторожно переступать по узким тропинкам — все это было уже знакомо Сергею и Борису, но теперешнее испытание превосходило весь опыт. Со стороны казалось, что пробраться по этому карнизу немислимо, однако дрожащие ноги находили в осыпающейся почве невидимую для глаза опору. Басмачи перестали напевать.

Хождение по таким неусовершенствованным дорогам требует присутствия духа и крепких нервов. Узкая горная тропинка иногда совсем пропадает, и, только подойдя поближе, увидишь хрупкий наклонный карниз, усеянный мелким щебнем. Внизу зияет глубокая пропасть, дымящаяся от водяных брызг. Вечером, когда остывает воздух, по каменным уступам сползают сырые облака, и узенькая тропинка становится скользкой и непроходимой.

Все шли молча. Иногда из-под оступившейся ноги вылетал камень; у неосторожного путника вырывался острый крик, подтягивавший остальных. Уикли совершенно изнемог от усталости. Связанные руки мешали ему опираться о выемки в скале; желая передохнуть хоть минуту, он прислонился к одной из этих скал, но веревка тянула его вперед.

— Главное — спокойствие, — говорил Сергей Козодоевскому, — подтянись, Борис, ты бледен, как мертвец! Я думаю, что мы, в конце концов, останемся живы.

Козодоевский был почти так же измучен, как Джонни. Грязные капли пота струились по его щекам, смешиваясь с пылью. Сергей вытер его лицо своим плечом. У всех ныли туго скрученные руки.

— Если бы нас хотели убить, — твердил Сергей, — они могли бы это сделать внизу. Мы выберемся, будь я проклят!

— Я думаю то же самое, — невозмутимо проговорил Броунинг.— Однако, мне жаль, что наша экспедиция расстроилась. Как вы себя чувствуете, Джонни?

Уикли слабо мотнул головой. Силы оставили его.

— Крепче, Джонни! Мы уже приближаемся к цели этих мерзавцев.

«Мерзавцы» время от времени благодушно подбадривали своих пленников. На безопасном месте один из них, смачно сплевывавший жирную слюну, окрашенную зеленым насвоем¹, неожиданно развязал Уикли и Бориса, предвзительно обыскав их.

Дальше начался невообразимый путь. Каменистая тропинка исчезла, и даже Сережа попятился от неустойчивого вида новой дороги.

«Это, наверное, знаменитые овринги», — подумал он.

Действительно, это начинались овринги — головокружительные хворостяные мостки, на кольях, вбитых в скалы. Под тяжестью идущих хворост прогибался, и неосторожная нога проваливалась сквозь редкий настил, усыпанный землей и мелкими камнями. К счастью, овринги тянулись не больше сорока-пятидесяти шагов, то сменяясь узенькой дорожкой, то снова возникая над шумными пропастями. Дважды всем приходилось останавливаться и поднимать упавшего Уикли. Басмачи неодобрительно ворчали. Наконец, на одном из поворотов Уикли опустил голову и, отпрянув от стены, беспомощно повис над пропастью. Козодоевский еле успел ухватиться за торчащие из горного склона корни. Предводительствующий халат что-то дико прокричал, и басмачи принялись осторожно подтягивать на ве-

¹ Кунжутный порошок.

ревке виновника заминки. Когда его подняли, он бессильно опустился на зловеще скрипнувший настил. Колья, не приспособленные к такой длительной нагрузке, начали явно потрескивать. Броунинг прислушался к быстрому и недоброму говору басмачей.

Вдруг Уикли приподнялся и, пошатываясь, встал. Дорога была снова открыта, и разбойники утешились. Шагов через пятьдесят снова началась удобная тропинка и снова сузилась. У путников екнуло сердце: другие овринги... Но оврингов не оказалось. В отвесной скале открылся темный грот, в котором исчез красный халат проводника. Через мгновение пленники находились в глубокой пещере. Пахло жильем. Откуда-то из угла тянуло дымом. На каменном полу валялось несколько седел и был разостлан огромный палас. Несколько тюков свидетельствовало о недавней удаче. Из открытого мешка виднелись красные ящички кэп-стена, синие сахарные обертки и жестянки с мясными консервами; большой сверток английского сукна красовался рядом с твердым афганским шелком. По-видимому, пещера исполняла романтическую роль склада контрабанды и притона разбойников.

Сумрак и прохлада оживили уставших донельзя путников. Скоро усталость сменилась чувством неимоверной жажды. Но басмачи все еще не расположились по-домашнему, — по-видимому, они кого-то ждали. В ответ на пронзительный свист одного из них раздался протяжный монотонный крик, достаточно неестественный, чтобы служить сигналом. Вслед за криком в голубое отверстие пещеры ввалилась новая толпа, возглавляемая щуплым старичком в розовой чалме и бледно-зеленом халате, запихнутом в карикатурное галифе. Старик, по-видимому, атаман, судя по крайне почтительному с ним обращению, оглядел пленников и сделал знак своей страже. Во мгновение острого Сережиного ока путешественники были исследованы по всем правилам сыскного искусства. Перед стариком очутились трофеи — бумажники Броунинга, его все еще не разряженный стейер, игрушечный бульдог Бориса, кольт Уикли, чудесная карта-сорокаверстка и, наконец, малень-

кий нефритовый мусульманин. На последнего атаман подозрительно покосился и, по счастливому вдохновению, подозвал к себе Козодоевского. Борис опасливо подошел и тотчас же заметил на атамановом глазу огромное жуткое бельмо. Когда атаман, указав на статуэтку, резко спросил о чем-то на катастрофически-непонятном языке, Борис попробовал было приложить свои лингвистические познания, но, запутавшись и беспомощно поглядев в это голубое бельмо, только попросил напиться. Один из разбойников принес огромный глиняный кувшин. Пленники мгновенно опустошили его, бельмо принялось о чем-то совещаться с обсевшими своего главу басмачами. О пленниках временно забыли; те стояли, переминаясь с ноги на ногу. Говорить было не о чем. Вдруг Сережа и Козодоевский встрепенулись. До их слуха донесся мучительно знакомый мотив песни. Короткое напряжение памяти — и Сережа узнал: это была старая, препротивная военно-добровольческая песенка «На солнце оружием сверкая». «Что за черт!», — поразился Сережа.

Пение приближалось. Молодой, сипловатый голос выводил:

По улице пыль подымая,
Проходил полк гусар-усачей...

Арт растерянно поглядел на товарищей. Борис провел рукой по лбу.

А там, чуть подняв занавеску,
Лишь пара голубеньких глаз...

Светлая трещина входа помутилась, и в пещеру вошла высокая фигура в халате. Пение прекратилось. Новопришедший подошел к атаману и сказал что-то, от чего басмачи пришли в восторг и защелкали языками. Певец, лихо повернувшись на одном каблуке, подошел к пленникам. Перед ними стоял одичалый и небритый европеец. В левом глазу его торчало круглое стеклышко. Лицо европейца ис-

кажало неподдельное изумление. Монокль выпал, но был ловко подхвачен на лету.

— Не может быть? Русские? Откуда? Как вы сюда попали? Черт дери! Господи, помилуй! Как я рад! В кои веки человека увидишь. Да откуда же вы?

Он метался от Бориса к Сергею, прыгал на шею к Арту, гладил Уикли по спине и сыпал словами, не давая вымолвить ни слова путешественникам. Наконец, когда европеец захлебнулся в потоке несвязного красноречия, обрадованный Борис поймал паузу и ответил на вопросы: они из Москвы, путешествовали по Востоку, попали в плен и теперь не знают, что будет дальше. Европеец пожевал губами и опять завозился с моноклем. Путешественникам он не сообщил ничего интересного, но, по-видимому, опасность умереть в пытках становилась все меньше и меньше. Встреча привлекла внимание басмачей, принявших посильное участие в разговоре.

Европеец оказался белым офицером, случайно попавшим к басмачам во время разгрома и бегства добровольческой армии. Это было в те времена, когда разбойники оперировали вблизи больших городов по заданиям и приказам иностранных штабов. С усилением советской власти пришлось отступать все дальше и дальше в горы. Большая часть русских рассеялась по пути. Владелец монокля остался с басмачами. Удрать за границу он не успел, а теперь ожидал удобного случая покинуть эту шайку, грабящую контрабандные караваны из Афганистана. Скуки ради он занимался при шайке винокуренным делом и сегодня приготовил огромный жбан мусальяса¹, что и привело басмачей в столь благодушное настроение.

— Ну и выпьем, братцы! Ну и налижемся! Так вы из Москвы, значит? — Вдруг он осекся и подозрительно спросил: — А вы, случаем, не коммунисты. А?

Борис рассмеялся почти естественно.

— Что вы, господь с вами! Мы и в Азию-то уехали, чтобы этих мазуриков не видеть. От хорошей жизни не уде-

¹ Кишмишная водка.

решь!

Сергей нахмурился, но сдержался. «Тактический ход, — подумал он, — может быть, удастся использовать этого стервеца».

Когда зашло солнце, в дымной пещере уже раскачивались пьяные басмачи, осоловевший белогвардеец и недремлющее бельмо атамана. Скоро атаман пинком ноги приказал путешественникам встать и, высоко держа в руке вытянутую из костра горящую головню, повел их путанными, короткими переходами. Втолкнув пленников в зловонную клетушку, он хлопнул доской, заменявшей дверь. Загремела тяжелая цепь. Сергей прошел пару шагов, но, споткнувшись обо что-то мягкое, упал. Раздался дикий собачий вой и еле слышный человеческий шепот. Борис вскрикнул. Шепот повторился.

— Тише, ака, тише. Галочка спит, устала очень.

Перед ними стоял невидимый Джелал, с которым они уже не чаяли свидеться.

Глава двенадцатая

ДОПРОС И СВАДЬБА

Утром допрос начался с того самого места, где его прервала, по пышному выражению Бориса, «мрачная разбойничья оргия». Едва протрезвившись, «бельмо» вспомнило о нефритовой фигурке; о ней же с замиранием сердца вспомнили пленники. На сей раз допрос пошел живо и без помех. Переводчик исполнял свои обязанности тем охотнее, что сам жадно заинтересовался приключениями земляков. Так же, как давеча, с опаской, Козодоевский посмотрел в голубое бельмо и так же грозно сползлись к переносице жуки атамановых бровей. Но Борис чувствовал себя гораздо бодрее и увереннее, чем вчера. Еще осоловелый после

пьянки, он не успел проконтролировать свои ночные размышления и вполне полагался на фантастические выводы из них. А ночные размышления Бориса были освящены традицией авантюрных романов Райдера Хаггарда, как автора, наиболее подходящего к данному положению. Подобно героям центральной Африки, путешественники владели непонятым талисманом: залогом неведомой культуры — человечком из нефрита. Подобно этим же героям, они попали в плен к «дикарям», соприкасающимся, вероятно, каким-то боком с этой культурой. Умудренный вдобавок опытом многосерийной «женщины с миллиардами», Борис твердо решил разыграть роль могущественного и загадочного существа. Если обстоятельства вынуждали бедного поэта быть смелым, то, не будучи таковым по природе, он искал для смелости блистательного применения. Борис окончательно убедился в правильности своих фантазий, когда бельмо стало оказывать нефритовому мусульманину видимые почести. Прежде, чем принять человека на свою кирпичную ладонь, атаман тщательно обернул ее грязной тряпкой, потом пару раз сплюнул в сторону и троекратно повторил всуе имя Аллаха. Стоя перед бельмом, Борис в уклончивом восточном стиле отвечал на резкие вопросы — откуда едет экспедиция, куда направляется, как поживает басмачество в Восточной Бухаре и побеждают ли неверные «кзилармейцы»¹. Атаман, с типичной, очевидно, для здешних разбойников свирепой благосклонностью кивал головой. Толмач с увлечением переводил; сзади одобрительно гмыкал Сережа, довольный ответами Козодоевского. Когда дело дошло до главного, Борис сделал отчужденно строгое и самоуглубленное лицо.

— Где вы сперли, так сказать, это нечестивое изображение? — перевел лихой поручик.

— Почему нечестивое? — Борис эффектно выигрывал время.

¹ Красноармейцы.

— Потому, что Коран запрещает портреты и слепки человека. Правда, где вы это слямзили?

— Это моя вещь.

Атаман негодуяще присвистнул. Неожиданно двое корявых брюнетов вытащили из-под халатов по ободранной нагайке жандармского вида.

«Сад пыток», промелькнуло в разгоряченном мозгу Бориса, но он торжественно поднял руку, готовую забиться в немой истерике:

— Я буду говорить!

Корявые молодцы неторопливо спрятали «сад пыток». Атаман прикрыл сложенной в горсточку ладонью слезливую зевоту.

— Эта фигурка «Тали». Мне подарил ее мой большой друг — сильный, сильный, сильный человек.

Долгожданная минута настала. Борис обвел бледным взглядом толпу «дикарей» и членораздельно произнес:

— Келемен хевез хютти абджед...

Ни в одном лице не дрогнул ни один мускул. Равнодушно удивленное бельмо дало, наконец, волю широкому зевку. Дело сорвалось. Атаман, с ленивой рассудительностью расспросив о чем-то переводчика, постучал себя по лбу костяшкой указательного пальца — жест, неприятно знакомый Борису с гимназических времен. Переводчик заговорил извиняющимся тоном:

— Старый дурак просит вас не врать, если можно.

Лично офицерик был восхищен магическим набором слов и решил при случае расспросить поподробнее, но выразить сейчас на лице что-либо, кроме исполнения служебных обязанностей, значило навлечь на себя недовольство бельма.

Борис побледнел и судорожно глотнул воздух. Вместе с торжественностью юношу покинула искусственная смелость. Заикаясь и брызгая слюной, он быстро рассказал правдивую историю находки. Сережа добродушно подфыркивал, привычным жестом поводя славными широкими плечами. Уикли, устало вздыхая, прислонился к неизменно серьезному Броунингу.

Бельмо не дослушало выпитанной без труда правды; оно прикрылось тяжелым табачного цвета веком, и старик вернулся в пещеру к своей таинственной специальности атamana на отдыхе. В другую пещеру, где ночью происходила «мрачная оргия», увели пленников. Там уже мирно беседовали Джелал и только что проснувшаяся Галина.

Настроение у всех было подавленное. Допрос Козодоевского не только ничего не выяснил, а, казалось, еще более запутал дело. Пленники сидели в сосредоточенном молчании, обдумывали возможности спасения. Страх смерти прошел: если до сих пор с ними ничего не сделали, то и в будущем, вероятно, пощадят. Козодоевский предполагал, что их переправят в Афганистан и там продадут какому-нибудь резвому князьку. Броунинг обдумывал план бегства, но, посоветовавшись с Сережей, согласился, что по этим проклятым оврингам не побежишь. Арт восхищался выносливостью Галины, одолевшей страшные овринги.

— Как у вас, Галочка, голова не закружилась, когда вас тащили по этим мостикам?

— По каким мостикам? Никаких мостиков не было. Уд- рать бы можно, да эти черти, как собаки, бегают. Догонят.

Лейтенант и Щеглов одновременно догадались, что первая партия пленников попала к басмачам другим путем. Теперь стало ясно, каким образом появились у басмачей Джелалов конь и ишак Томми. Дальнейшие расспросы подтвердили это предположение. С первого переката горы, профиль которой казался таким мирным и благополучным, влюбленную парочку протащили сквозь узкое ущелье и по сравнительно удобному пути привели сюда.

Разговор был прерван приходом белогвардейского офицера, уже чисто выбритого и одетого в потрепанную добровольческую форму; он прищелкивал шпорами и залиvisto смеялся. Погоны поручика тускло поблескивали на его плечах. Галочка прыснула. Поручик, усевшись поближе, вытащил красную коробочку с кэпстеном. Путешественники, изголодавшиеся по табаку, с наслаждением затянулись пахучей английской контрабандой.

Начались разговоры о Москве, о России. Поручик варварски скучал в живописной горной местности: его тянуло на родину, но он не знал, как отнесутся к его прежним похождениям. Сергей сообразил, что настало время переманить толмача на сторону пленников. Он принялся доказывать, что Республике Советов нужны культурные люди, что сейчас, когда на счету каждый грамотный человек, поручика примут якобы с распростертыми объятиями, что бояться теперь нечего. Раньше, правда, могли, мол, таскать по разным неприятным учреждениям, но сейчас это прошло. Все спокойно. Москва живет веселой жизнью: театры, кино, опера, кафе.

У поручика разгорелись глаза.

— Эх, кабы попасть туда! В первопрестольную. Черт возьми, как это можно устроить, а?

Щеглов сделал вид, что задумался.

— Как-нибудь, вероятно, можно устроить. Да вот только не знаю, как мы отсюда выберемся. Выбраться бы.

Удочка была заброшена. Поручик поймал крючок.

— Конечно, выберетесь! Что им с вами делать? Они, правда, думали вас как-нибудь за границу переправить, да это теперь очень трудно. Еще поймают.

Острое чувство радости прошло по Сережиным жилам. Вдруг поручик хлопнул себя по лбу.

— Фу, черт меня подери! Я и забыл совсем. Там пилав сгорит. Я, братцы, сегодня такой обед приготовил! Пальчики оближете. И водка будет. Старый дурак хочет, чтобы вы снова присутствовали.

Животы путешественников заурчали, предвкушая сытную пищу.

Через несколько минут все уже сидели на большом паласе вокруг общего блюда. Басмачи с неустанным любопытством поглядывали на Галочку. Пиала со свежей кишмишной водкой переходила из рук в руки. Обед начался.

Голубое бельмо крикнуло от удовольствия, выпив три атаманские пиалы подряд. За пилавом языки развязались. Бельмо более приветливо обернулось в сторону пленников и неподвижно уставилось на Джелала. Старик нагнулся к

сидевшему рядом басмачу. Тотчас же Джелал был представлен перед умягченное мусалясом око атамана. Поручик переводил на ухо Борису мусульманский жаргон.

— Ты кто? Вместе с ними?

Джелал утвердительно кивнул головой.

— А-а, так, — атаман пожевал губами, — откуда пришел?

— Из Китаба.

— А родом?

— Кишлак Адас.

Атаман заметно оживился.

— Палван-Бека знаешь? Видел? Хороший басмача?

Юноша подозрительно поглядел на старика.

— Видел Палван-Бека. Знаю. Теперь его нет.

— А где он?

Джелал инстинктивно решил утаить, что месяца четыре тому назад Палван-Бека разменяли кзыл-аскеры.

— Уехал куда-то. Кажется, в Ургут. Хотел просить совета у ишана¹.

— А ты откуда знаешь?

Джелал помолчал, потом решился.

— Я его хорошо знаю. Палван-Бек храбрый человек, правда ведь? — юноша явно подымал акции покойника.

Атаман поднялся во весь свой щуплый рост.

— С Палван-Беком я когда-то поссорился, но правда выше ссоры. Палван-Бек храбрый человек.

От волнения Джелал заговорил фистулой.

— Палван-Бек мой родной дядя.

— Дядя?

— Дядя!

— Дядя?

Атаман радостно загоготал, подскочил к Джелалу и прижал подмышкой его бритую голову. Басмачи буйно зашевелились. Каждый начал расспрашивать о родственниках, о Палван-Беке, о последних успехах великого басмача.

Юноша рассказывал, спокойно улыбаясь: ему казалось, что выход, которого так долго искали товарищи, наконец

¹ Глава мусульманской церкви.

найден. Атаман стал допытываться, что за люди пленники и не хочет ли Джелал, остаться в разбойничьей шайке. Джелал восторженно поблагодарил и временно отклонил приглашение: пленники — его хорошие друзья; он обязался вывести их из гор живыми и невредимыми. Чтобы замять щекотливую тему, он спросил имя атамана.

— Мое имя Палван-Кара-Мирза. Слышал? А?

Лицо юноши изобразило благоговение. Он низко поклонился и прижал руку к груди.

— Знаменитый Кара-Мирза! Благодарю Аллаха за милость лицезреть красу мусульманства, опору и оплот корана, величайшего из сынов пророка Палван-Кара-Мирзу! Мой дядя говорил, что ты самый храбрый из всех, кого он знал. Молнии, увидя тебя, теряют блеск, и гром смолкает перед твоими повелениями. Велик Аллах!

Голубое бельмо засмеялось жиденьким смешком. Грубая лесть понравилась Кара-Мирзе.

— Един бог на небе, и Магомет пророк его! Отныне, — он показал рукой на пленников, — ты и твои друзья — наши гости. Принести сюда завоеванные богатства!

Пара дюжих басмачей приволокла ворох шелка, несколько седел, сахар и прочую награбленную дребедень.

— Во имя старой дружбы с Палван-Бекон, — величественно проблеял Кара-Мирза, — выбирай, что хочешь, проси, чего хочешь, — и он нахлобучил на голову Джелала роскошную тюбетейку, шитую золотом и бирюзой.

Джелал поблагодарил атамана за подарок и попросил милости: отпустить его на короткое время с друзьями, чтобы он мог сдержать слово — благополучно вывести их из Таджикистана. Кара-Мирза нахмурился было, но согласился.

— Ладно. Да будет так. Только женщину я заберу и отдам своему верному слуге Мирхон-аке.

Мирхон-ака, кривоплечий и рябой от оспы, с нескрываемым вожделением поглядел на Галину. Джелал побледнел, но не сдался.

— Отец мой и учитель! Знаменитый дуб мусульманства! Эту девушку никак нельзя отдать храбрейшему Мир-

хон-аке. Она должна быть моей женой. Так я думаю и прошу тебя, и ты обещаешь мне.

К великому неудовольствию Мирхон-аки атаман наклонил голову.

— Будь так! Един Аллах на небе! Слава Аллаху! А тебе, Мирхон-ака, я достану жену. Да уляжется скорбь твоя. Искандер-ака, дай ему три, нет, пять, дай ему десять пиал мусалясу!

Мирхон-ака утешился. Через несколько минут под мрачными сводами пещеры раздался дюжий храп.

Чтобы сделать праздник более полным, атаман устроил нечто вроде свадебной попойки в честь Галины и лжеплемянника знаменитого Палван-Бека. Веселье разгорелось.

Напрасно Козоевский, огорченный таким оборотом дела, пытался утешить себя изучением свадебных обычаев горных мусульман. С начала до конца свадьба была отпразднована пьяно и интернационально. Больше всего она напомнила Борису пору его увлечения московскими пивными и блатным жаргоном, а когда сама невеста пустилась откалывать гопака под пьяное пение поручика, поэт со вздохом подумал о крещенских кутежах в доме лихой самогонщицы на Грачевке. Он с тоской переполз в противоположный угол пещеры, где уже возлежал с полной пиалой Искандер-ака, он же Александр Тимофеевич, сменивший гопак на надрывные цыганские романсы. Увидев Бориса, офицерик подмигнул ему и заблеял:

Выпьем мы за Галю,
Галю дорогую,
А коли не выпьем,
Так найдем другую.

Из глаз поэта выкатились две пьяные слезы, он положил голову на белогвардейское плечо, пожал сочувственно потную руку и остался на весь вечер в обществе переводчика.

Глава тринадцатая

ОСВОБОЖДЕНИЕ

На следующий день — пасмурный и прохладный — басмачи попрощались с гостями, вежливо возвратив им их небольшие богатства и оставив за собой только доброго коня. Снова Козодоевского начала грызть мысль о неиспользованных материальных благах — шелках и седлах, от которых отказался Джелал. Но в лицо дул драгоценный свежий ветер, дорога казалась почти отлогой, по сравнению с адской прогулкой к басмачам, и путешественников все полней охватывало чувство свободы. Через несколько поворотов Александр Тимофеевич внезапно остановился:

— Стоп. Я поворачиваю оглобли. — Он подробно описал путешественникам дорогу на север и многократно обменялся нервными рукопожатиями. Сережа уже нетерпеливо щурил глаза, Броунинг застыл в грозной вежливости, а белый поручик все еще топтался на месте. Наконец, он решился и быстро проговорил, глядя куда-то в сторону:

— Вот что... э... товарищи, возьмите меня с собой! Сил моих больше нет — parole d'honneur, лейтенант!

Броунинг, к которому были обращены последние слова, вопросительно поглядел на Сергея. Тот молчал, крепко сжав губы. Поручик продолжал:

— Я буду работать в Советской России, как другие, вроде меня. Вы ведь сами говорили, что это возможно. Только бы вырваться отсюда!

Сережа быстро сообразил — там видно будет, суд да управа всегда найдутся, не пропадать же, в самом деле, человеку, который нет-нет, а вдруг сможет искренне переломить себя! Пшютоватый тон, гусарские песенки, пошлые острооты — все, что казалось Сереже таким непреодолимо отвратительным, потеряло остроту перед необходимостью быстрого и жестокого выбора.

— Идемте, голубчик. Чего там... — эта фраза вырвалась горячо и взволнованно.

— Вот великолепно! Конечно, идем, — подхватил Борис.

Поручик замялся. Он ясно представил себе гнев басмачей и опасение их быть преданными. На согласие путешественников запутывать следы он не рассчитывал. Водить экспедицию некоторое время окольными, ему самому неизвестными путями было единственным средством. На минуту Искандер-акой овладел стыд, неспособный, впрочем, изменить принятое решение.

Десятый, так сказать, член экспедиции вступил в нее с открытым и веселым лицом; только круглые, бледно-серые глазки казались нестерпимо чужими даже охочему к новым знакомствам Борису.

Долгое время дорога шла извилисто, но спокойно. Только, когда веселая компания утомилась петь, бороться и дразнить притихших молодоженов, Александр Тимофеевич устался на причудливую красноватую скалу и сказал с удивлением: — Товарищи, мы заблудились! Я, товарищи, не помню этой скалы. — Он все еще напирал на новое для себя слово «товарищи». На виске у Бориса забился лиловатый узел. Тотчас же поэту показалось, что всю дорогу им владело предчувствие заблудиться. Остальные не придали значения маленькой неприятности — компас Броунинга честно показывал северо-запад.

— Нет, — озабоченно покачал головой проводник, — не в этом дело. Прямо мы выходим на опасную тропу змей. Никто из здешних не идет этой дорогой. Нужно поискать боковую.

После получасового прыганья по скалам экспедиция действительно нашла узкую бледную ленту какой-то дорожки. Скоро и она потерялась в огромных обломках горных пород. Зато в одной из глыб заманчиво чернела пещера — готовый привал. Здесь путешественники отдохнули и закусили контрабандными консервами из отпущенного им на дорогу разбойничьего угощения.

Александр Тимофеевич отдохнул первым. Он вызвался пойти на поиски дороги и, в случае удачи, вернуться за ос-

тальной компанией. Он настаивал на этом плане, ссылаясь на усталость «дамы», которая искренне удивилась такой заботливости. Когда Александр Тимофеевич уже собирался уходить, полушутливо сетуя на трудности поисков и топчась у входа в пещеру, Сережа предложил ему захватить с собой компас. Поручик радостно осклабился:

— Теперь я не заблужусь.

Он вернулся сравнительно скоро, оборванный и исцарапанный. Отдышавшись, Искандер-ака рассказал о своих неудачах. Он карабкался по горным обломкам, влезал на скалы, скатывался с круч, но дороги не нашел. Мало того, неосторожно оступившись над глубоким обрывом, он инстинктивно ухватился обеими руками за колючий кустарник и уронил компасные часы.

— И как это он минуточку полежал над самой пропастью. Честное слово, полежал, — сетовал белогвардеец, — а потом взял и скатился...

Теперь у путешественников оказалось только два проводника: неудачливый поручик и осточертевшая после стольких передрыг карта-сорокаверстка.

Так началось блуждание по горам, сначала полное спортивного возбуждения, потом безвыходное и истощающее. Путешественники все дальше и дальше уходили от змеиной дороги. После каждой неудачи Броунинг и Сережа принимались удивляться, что шесть здоровых мужчин и храбрая женщина могли попасть в такое дурацкое положение. Таланты Искандер-аки подвергались иронической критике. Все надежды были перенесены на Джелала. Под тяжестью такой ответственности юноша как-то осунулся и повзрослел. В ответ на ободряющие шутки молодой жены он только вежливо скалил в искусственной улыбке свои белые зубы. Джелал тоже потерпел фиаско. Ночь была проведена в одной из множества неудобных и мрачных пещер. За новым проводником осталось, однако, важное преимущество: нельзя было представить себе лучшего учителя горного спорта! С его помощью лазанье по скалам перестало казаться страшным — оно вошло в быт, как царапины на руках и ногах.

С восходом солнца экспедиция окончательно решила, что из многих возможных зол змеи — наименьшее. К отвёргнутой дороге все чувствовали, однако, упрямо нарастающее отвращение, того же порядка, что к надоевшей карте-сорокаверстке. Было явно одно: после столь невинной горной прогулки экспедиция неожиданно устала, и соznался в этом самый сильный — Сергей. Арт Броунинг продолжал с материнской заботливостью опекать Уикли. Борис, против обыкновения, храбрился, подбодренный новым увлечением.

Искандер-ака хранил за поясом черный шелковый мешочек с комками гашиша¹. Зеленый наркотик с противным травянистым запахом пленил Козодоевского. На каждом привале прокисший добровольческий поручик и поэт, лежа друг против друга на животах, курили крученки из бумаги, ободранной с консервных банок. Едкий пахучий дым лишал курильщиков чувства времени. По законам гашиша, Борис и Александр Тимофеевич безостановочно и беспричинно смеялись; между припадками смеха они беспричинно и с гомерической жадностью ели, ощущая в ушах свое чавканье, как дьявольский шум. Во всем остальном они, особенно поручик, вели себя как сравнительно нормальные люди.

Гашишное блаженство многим отличалось от книжных рассказней о нем, и романтика Бориса в сотый раз потерпела крушение. Англичане наблюдали курильщиков с холодным любопытством, перебрасываясь короткими фразами, непонятными Сереже и раздражавшими его даже в устах симпатичного Арта. Впрочем, прилипчивый запах анаши преследовал и бесил всех трезвых членов экспедиции.

После полутора суток неудач решение вернуться на тропу змей окончательно окрепло. Мешала ему потеря компаса; короткие, но бесчисленные плутания сбили экспедицию с прямого пути. Оставалось, правда, умение ориентироваться по солнцу, переходившее у Джелала в настоящее

¹ Наркотик, приготавливаемый из индийской конопли.

искусство, но как назло и на редкость в этих местах стояла пасмурная погода, придававшая еще больше дикости и без того дикому пейзажу.

Пейзаж действительно был по-северному мрачен. Он подходил на поэтические описания Шотландии. Броунинг подтверждал это сходство, нарушенное только зрелищем снеговых вершин которых, в Шотландии нет. Серые или серосиние скалы, заросли унылого горного вереска, резкий ветер, серебряное небо — все это пахло английской разбойничьей балладой. Пещеры и гроты с традиционными сталактитами попадались чуть ли не через каждые пятьдесят шагов. Кое-где ясно проступало известковое строение.

Когда оказалось невозможным воспользоваться услугами солнца, путешественники пробовали ориентироваться по видимому расстоянию между снеговыми вершинами, но вершины, как всегда бывает в горных походах, непостижимым образом менялись очертаниями друг с другом. Экспедиция начала серьезно беспокоиться. Искандер-ака, по-прежнему услужливый, держался тверже других. Время от времени изнервничавшейся Галине казалось, что поручик слишком спокоен и подозрительно легкомыслен.

Едва солнце проглянуло сквозь свои свинцовые белила, четыре потерянные страны света были вновь обретены. Путешественники, уверенные, что все время уклонялись от настоящего пути к востоку, единогласно признали правильной попытку пробираться на запад.

Это была последняя разумная надежда и последние разумные силы. В памяти снова запуталось направление мелких переходов. Вечернее солнце озарило ошибку с удивительной кротостью. Небо совершенно прояснилось. На первой попавшейся горной поляне Сережа бросился ничком на землю и сжал кулаками горячие виски.

Глава четырнадцатая

КОНЕЦ ПРЕДИСЛОВИЙ

Трех банок зеленого горошка, разделенных на четыре части по шесть порций в каждой, не могло хватить даже на обед. Припасы катастрофически убыли вместе с надеждой. Недостаток пищи при свежем горном воздухе производил на путешественников разительное впечатление голодной смерти по Джек Лондону. Взаимные нелады, тайные антипатии, злопамятные догадки прорвались наружу. В первую голову общественная ненависть обрушилась на поручика, последний обмяк и потускнел: боясь гашишного аппетита, он бросил свой наркотик.

В вечер того дня, когда Сережа лежал на поляне в позе детского отчаяния, выбились из сил поголовно все. Новый привал в узкой и угрюмой лощине имел беспросветно-печальный вид. Ишак Томми, привязанный к большому камню, жалобно трубил. Глядя на него с тупой настойчивостью, Борис вспоминал «салями», твердую, жирную колбасу из ослиного мяса; но убить ишака значило бросить постель. В пещере Джелал совершал «ежедневный» намаз, о котором вспоминал не чаще раза в полугодие. За пещерой на берегу горной речонки Арт обдумывал план новой разведки. «Вот рука, — внушал он своей звенящей и кружащейся голове, — я вот горы, вот юг, а вот запад — везде одинаково». Мысль остановилась: на волнах речушки весело подпрыгивало нечто немыслимое для данной ситуации — красный мерцающий осколок. Арт выловил находку, оказавшуюся половиной довольно замысловатой бутылки, и обрел сразу все потерянные надежды: «Вверх по течению реки! Один сильный идет. Другой сильный остается. Стекло иногда может плавать и не тонуть. Splendid!»

Так была задумана их последняя вылазка. На поиски спасения отправились Арт, Козодоевский, Александр Тимофеевич и Джелал. При Галине, вещах и притихшем ишаке

Томми остался Сережа. Уикли же, по выражению Броунинга, был оставлен сторожить самого себя от тоски по воскресной обедне.

Несколько часов оставшиеся провели в сосущей тревоге. Сережа нетерпеливо шагал вдоль неглубоких зачесов воды. Над шумящим камышом поднимался легкий вечерний туман; пыльное в желтых пятнах небо предвещало горячий ветер. Сережа снова начал свои бесконечные думы о Москве, о бесполезности и никчемности странствий; объектом своего раздражения он выбрал Александра Тимофеевича. История потерянного компаса возникла в памяти с едкой свежестью. Стараясь рассеять ненужное нервное напряжение, Сергей остановился и, как давеча Арт, стал пристально всматриваться в воду, трепетавшую под вечерним светом. На коричневой поверхности переливались радужные маслянистые пятна. Жирные и зыбкие, они мягко вошли в сознание Сережи. «Это номер! Черные нефтяные вышки Баку, перламутровая каспийская вода... Нефть! Вот оно что!» Сергей наклонился к ручью. «Это не мифические клады Козодоевского! В будущем СССР будет знать, где у нее хранятся нетронутые богатства». За спиной Сережи нежно и фальшиво напевала Галочка. Уикли лежал около нее и, глядя на дикое чужое небо, с тупой верностью вспоминал маленькие светлые коттеджи и далекий перезвон колоколов.

Подхватив песенку, Сережа пошатался по зарослям камыша и вернулся с охапкой сладко-шуршащего топлива. Потухавший было костер вновь разгорелся. Стало темней кругом: черные горы нависли грозно и настороженно. Над долиной тяжело прокатился ветер.

— Погано, черт возьми, совсем как доисторические люди у огня спасаемся. — Он пожалел, что произнес это вслух: Галочка сразу стряхнула дремоту.

— Уж не случилось ли чего?

— Зачем случилось? — Но в глубине души Сережа согласился, что ночью товарищи едва ли выберутся. Оставалась надежда на утро. Об остальном не стоило думать; однако дурные образы продолжали осаждать его кудрявую

голову. Галочка потянула носом и сдвинула намокшие глаза. Неожиданно Уикли приподнялся на локте:

— They are there, Седжи! They are there, товарищ. Вэр. Вэр... — он показал рукой по направлению к реке

От реки вместе с сырым туманом стлился по земле длинный крик: «спа-си-те!..» Выдрав из костра цепкую прядь горящего камыша, Сережа помчался к реке, за ним шумно поспешала Галочка и ковылял Джонни. При неверном свете факела они увидели Бориса, отчаянно карабкающегося на скользкий берег. С бледных волос поэта стекала вода.

*

Несчастливого исследователя приволокли к костру и, высвободив из мокрой одежды, облачили в одеяло. Когда платье поэта покorerилось от пламени, а сам он, благодаря неловким стараниям Сережи и Джонни, несколько пришел в себя, начался бессвязный испуганный рассказ. Стуча зубами и ежесекундно оглядываясь на горы, Борис передавал события последних часов.

— Сереженька, товарищи, понимаете, хаос какой-то...

— Стой, Борис, ты так и до утра не кончишь, — прервал Сергей. — Где все ребята?

— Там. Остались. Их остались. В плену. Вдруг на тебе...

— Как «их остались»? Басмачи там, что ли!

— Не знаю, Сереженька, ничего не знаю. Какие-то люди выскочили, настоящие привидения, честное слово будущего коммуниста. И молчат. Только так пальцами показывают...

— Ну?

— Ну, вот. Сначала мы шли по этой речушке вверх по течению. Дошли до залы, т. е. не залы, а пещеры. Мы это с лучинками шли, а потом вдруг откуда-то светло стало. Смотрим — озеро. Очень большое озеро. Пошли вперед, а Александр Тимофеевич поскользнулся, и мы его вытащили. Честное слово! Потом слышим шум, я опять же говорю Арту: «пойдем домой», а он отвечает, что нет, нужно уж

идти до конца. Вот мы пошли. Узкое такое ущелье, еле пролезешь! Пришли все-таки. Смотрим — колодец, это он шумит и камни отовсюду торчат, т. е. это водопад шумит... — Он передохнул. — Я, признаться, по маленькому делу, извините, Галина, отошел так немного назад, за камешек, задумался. Вдруг слышу, Александр Тимофеевич вопит: «Караул, грабят!..» Взглянул я, а какие-то белые балахоны взяли наших и повели, а меня-то и не заметили.

Пока Сергей мрачно размышлял, Борис перечислял Джонни последние известия об Арте и товарищах.

— И понимаешь, Сереженька, — прервал он себя. — Кто бы это мог быть? Люди в белых балахонах! Да, кто это мог бы быть? Что это за люди?

— Сволочи! — проворчал Сережа.

Уикли стыдливо потянул Бориса за рукав.

— Вы знаете, товарищ, я думаю, что это были, как вы их называете? — великие пос...

— Что он говорит? — инстинктивно насторожился Сережа.

Борис после пережитого потрясения с трудом осознал английскую фразу. Он с опозданием ахнул и заломил пальцы.

— Сережа, Сереженька! Он прав! Боже мой, это несомненно так. Как я мог не догадаться! — Он в отчаянии стал растирать себе грудь. — А я думал — фашисты! Боже мой!

— Да что с тобой? Кто прав? Почему прав? Да говори же!

— Послушай, Сережа, клянусь тебе, что Уикли прав. Это были великие посвященные. Это были они! Я готов дать голову на отсечение. Это были великие посвященные в древних одеждах.

У Сергея не хватило духу рассмеяться: он вспомнил ночные разговоры с Броунингом, нефритовую фигурку...

Козодоевский продолжал восторженно плакать:

— Как быть-то, господи, боже мой? Как быть? Быть-то как же?

— Очень просто: когда наступит утро, пойти следом.

Непрошенный ответ Щеглова прозвучал коротко и мягко.

*

Сергей настоял на дежурстве.

— Могут вернуться наши, — говорит он, — да и спать тут не того... без присмотра. Я возьму на себя. Часов до пяти выдержу.

На этом и порешили.

Когда путники уснули липким и неудобным сном, Сергей с часок поддерживал огонь костра, потом сладко потянулся, так, что хрустнули кости, и стал спотыкаясь прохаживаться, чтобы развеять накатывающий сон. Ночь стояла на редкость теплая и светлая. С яркого синего купола свисала огромная бледно-розовая луна. Очертания гор четко и бодро выделялись на веселом фоне неба. Сережа подошел к реке, утешительно журчащей меж глинистых берегов, и долго, с бессмысленной улыбкой, слушал бойкое пение лягушек. Станный щелкающий звук привлек его замедленное внимание. — Наверно, ветка хрустнула, — лениво сказал он вслух, хотя смутно сознавал, что звук этот напоминал не треск хвороста, а быстрый разрыв твердого шелка: часовым необоримо овладевала усталость. С отчаянным усилием Сергей поднес руки к глазам и, словно десяток пудов, поднял пальцами свинцовые веки. Как в бреду, он увидел совсем близко от себя высокие белые фигуры, хрустальное синее небо, догорающий костер и огромную желто-розовую луну, медленно падающую за снеговые вершины...

...*СЕХХЕЗ ЗЕЗЭГЕ*

«ДОМ
ОТДЫХА»

Глава пятнадцатая

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

У выхода в Немецкое море шумит Темза... куда спокойней широкие воды индийских рек... Гаш... кровь приливает к вискам... Грицько, Грицько рубят тополя!..

— «Я думаю, их следует купать поодиночке»

...розоватых Гималаев... Пятнадцать, восемнадцать, двадцать один... В правом стынет масло... двадцать четыре... пусть будут враги осаждают наши крепость... двадцать семь... двадцать девять... понимаешь, урток, тали это счастье... мы аргонавты... тридцать шесть... карточная система бред... не суди ты меня, Тамерлан, тридцать раз я в бою померала... абджед хевез хютти... вулканические бомбы.

— «Возлюбленные братья, еще никогда я не видел таких небесно-лиловых ляжек!»

...сорок один, сорок два... на один угол карагач стоит, на другой угол карагач стоит... на четвертый угол карагач стоит, на пятый угол карагач стоит... отец металлист... дедушка крестьянин... партия превыше всего... ваше здоровье, господин полковник... хе-хе... верблюды... верблюдечки...

— «Готово, брат Эвгелех!»

...мать крестьянка... возжаждал я чужого аллаха... одиннадцать, двенадцать, тринадцать... Энни Беккет.. Энни... десять против ста... абджед хевез хютти... келеме... ке... ле... ме... нэ текел фарес... выдержим! с гор снег... снег с гор... гор... мамаша... хе-хе.

— «Готово? Готово!»

...бритье... стритье... завитье... лошади поданы. Осетрина разварная, мы проваливаемся, сэр... хав... хав... черные гусары... у-ух... парамарибо... бунтари... не-п-перемени...

— «Готово. Анаксагор, примите»

...рблюд... Бухараре дидем... Кандагаре дидем... Галочка... дитё... Джонни... жонни... просрочил... рочил... на дру...

угол карагач стоит... на третий... гол... арага... оит... а... ер-
тый... ол... а... ага... ит... а... ятый... у... а... а... оит... а... т...
о... о... а... и... а... с. . о... у... а... аа... а... О... и...
а..... О..... у.....

Глава шестнадцатая

МИСТИКА

Уикли казалось, что сознание ни на минуту не покидало его. С наслаждением он повернулся на боку и открыл глаза. Было совершенно темно. Царапнув себя по щеке, чтобы окончательно проснуться, Уикли ощупал мягкое ложе и шелковистую ткань подушки. Он мельком просмотрел в памяти фильм минувших событий и остановился перед тьмой. Все было более чем странно; не выветрившееся религиозное чувство подсказывало смутные образы, ни в какой мере не уяснившие теперешнего состояния. Джонни снова овладела приторная истома. Он положил руку под голову, тяжело вздохнул и будто в ответ на его вздох разлился мягкий голубоватый свет. Уикли мог наконец рассмотреть окружающее: стен не было, потолка не было. Со всех сторон подступала темная пелена, но он ясно видел голубое сияние на своей одежде, свои короткие бледные пальцы и пестрые покрывала ложа. Тело Джонни облекало нечто вроде дамского пеньюара; на полу, около узкого горлого кувшина, стояли кожаные сандалии. Юноша поднес кувшин ко рту и выпил несколько глотков холодной воды, чудесно пахнущей апельсином и эвкалиптовой смолой. Вода окончательно возвратила его к действительности. Одев сандалии, он сделал несколько шагов опасливо, как слепой; пальцы вытянутых рук коснулись препятствия. Это была темная, как ночь, стена. Уикли понял, поче-

му комната казалась бесконечной: потолок и стены были покрыты черной матовой краской. Дверей не было. Замаскированные, они, вероятно, сливались с гладкими стенами. Источник голубого света также оставался скрытым. Когда Уикли стал искать какой-нибудь кнопки или рычага, широкие рукава хитона скользнули к плечам — по левой руке от плеча до кисти тянулся ровный красноватый шрам, по-видимому, недавно заживший. Как Джонни ни напрягал память, он не мог сообразить, когда и где была поранена его рука. Если этот порез недавний, то... — «да, конечно, в таком случае на заживление понадобилось бы не менее нескольких суток. Значит, я провел их в этой комнате... значит, они совершенно выпали из моей памяти»... Освеженная было голова снова начала кружиться. Бросившись ничком на постель, он старался разобраться в хаосе воспоминаний: что с товарищами? Где Арт? Где Козодоевский и Седжи?

Из путанной задумчивости его вывел легкий скрип. Человек в голубоватом плаще широким и плавным жестом предложил Уикли покинуть комнату. Уикли повиновался с захолонувшим сердцем. Когда они подошли к стене, внезапно открылся ярко-желтый просвет и в нем — узкий, длинный коридор, вымощенный цветными изразцами. Плащ метнулся в сторону и, казалось, исчез в стене. Уикли нырнул в сводчатую комнату, освещенную сквозь узкие окна дневным светом. Середину комнаты занимал низкий мраморный стол. Мягкие ковры заглушали шаги. За окнами зеленел парк и синели далекие горы. В оглушительной тишине мягко журчали бесчисленные ручейки и тонко звенели высокие фонтаны. Кто-то схватил Джонни за плечо.

— Седжи!

Сережа не знал английского, Джонни — русского.

— Арт, нет? Нот?

Раздался стеклянный жалобный звон. Двери открылись, и в комнату вошли Джелал и Борис. Последний с жидкоблестящими глазами кинулся к Сереже.

— В чем дело? Щеглов! Это — великие посвященные.

Так один за другим появлялись новенькие белые хитоны недостающих членов экспедиции. По привычке путешественники уселись на ковре и принялись допрашивать друг друга. Арт и Александр Тимофеевич пополнили маленький пробел.

— После бегства Бориса их, кажется, повели по бесчисленным переходам и мостикам. В конце пути, на широком искусственном канале качалась закрытая лодка. Погрузив пленников, люди в плащах отчалили от берега. Арт долго боролся с внезапным сном, чуткое ухо специалиста улавливало в полудремоте заглушенный звук мотора...

«Это как будто все».

Джонни откинул рукав хитона и показал порезанную руку. У каждого из присутствующих по левой руке тянулся шрам от кисти до плеча. Козодоевский тихо говорил, обхватив руками колени и глядя в пространство:

— Я знаю... Тише, товарищи! Это — знак братства у великих посвященных. Шрам — это посвящение в первую тайную степень. Если можешь, Сергей, — поспешил он, увидя знакомый взгляд исподлобья, — объясни иначе!

Сергей загорячился по-домашнему:

— И объясню. Ох, Борька, Борька! И объясню! Да, по моему, и объяснять нечего. Все объяснится само собой! Сейчас у нас мало фактов.

— А-а-а. Мало фактов! Вы всегда так! Идиотический прием спора! Наука еще не дошла до этого? А-а! Диалектический материализм. Объяснится само собой!

Очевидно, перед Борисом открывались новые возможности. Партия была далеко.

Сергей побледнел:

— Знаешь, Козодоевский, об этом мы поговорим после. Когда выберемся отсюда. А сейчас ссориться нет смысла. Понял?

Сора зазвенела и оборвалась. Помолчали...

— Руки-то ведь зажили, — спокойно продолжал Сережа. — Как же это так?.. Сколько же времени?..

Арт усмехнулся:

— За несколько дней, что мы потеряли, нас могли перенести на другой конец земли.

Сергей невесело отшутился:

— Во всяком случае, мы не можем пожаловаться на наши квартиры. Жаль, что нельзя поблагодарить хозяев.

Над домом пронесся густой металлический удар. Уикли вздохнул; интимно и тихо он обратился к Броунингу:

— Похоже на гонг. К обеду или к завтраку... Жаль, что у меня совершенно нет аппетита.

Звук так же неожиданно прекратился. Снова и надолго воцарилась глупая тишина. Когда она окончательно сомкнулась над удрученными головами, двери комнаты гладко разошлись. Внушительная фигура, похожая на Антония и Клеопатру из паноптикума, подняла руку, очевидно, для приветствия, и произнесла по-русски:

— Прошу следовать за нами.

Пленники ринулись в открывшуюся дверь нестройной гурьбой. Путаясь в длиннополых хитонах и шарахаясь от предметов неизвестной роскоши, они попали в комнату, освещенную закатом. По стенам тянулись резные дубовые полки с книгами в дорогих переплетах. Фигура указала с округлой вежливостью на глубокие кресла:

— Прошу... подождать.

На письменном столе лежала книга в красном переплете с золотом. Арт ахнул и медленно стиснул локоть Бориса. Тот трепетно прочел четкие золотые буквы.

«Том XVIII. Вл. Ил. Ульянов (Ленин)».

Сергей не успел отозваться. К нему медленно подходил человек с прекрасным открытым лицом, дородный, в бледно-лиловом хитоне с золотой вышивкой. Каштановые с проседью кудри были стянуты серебряным пояском. В правой руке человек держал книгу, заложив меж страниц палец. Новоприбывший величественно опустил в кресло. Несколько минут он пытливо изучал лица гостей. Наконец пошел гортанный, глуховатый голос:

— Совет поручил мне, дорогие гости, до вашего представления ему выяснить, кто вы, откуда, куда направлялись и зачем попали в наши горы.

«По-русски жарит “наши горы”», — мысленно уцепился Сергей.

Незнакомец опустил и медленно поднял большие белые веки.

— Личности некоторых из вас нам удалось установить благодаря бумагам, имевшимся при вас в момент вашего... когда вы к нам попали. Но не все имена нам известны. Кроме того, судя по документам, отсутствуют Иносент Смайлерс и Иаков О’Греннель. Если вы сообщите, где оставлены ваши друзья, они будут препровождены к вам в кратчайший срок. Я слушаю, — обратился он к Арту, заметив, что англичанин порывается говорить. И добавил: — Если вам удобней говорить на вашем родном языке, говорите.

С самого начала своей речи Арт решил, что лгать не стоит: перекрестным допросом всегда можно сбить с толку бедного Уикли. Надо только быть как можно пунктуальнее в датах.

Лицо хозяина оставалось благосклонно бесстрастным.

— ...И вот мы очутились здесь. Если я чего-нибудь не сказал, значит, это выпало у меня из памяти.

Следующим докладывал Сергей. Он был также точен. Затем Козодоевский, Джонни и Джелал. Незнакомец изредка задавал вопросы по-русски, английски, таджикски. К Галочке он обратился на мягком украинском наречии. Спокойный голос вывел нервы Галины из неустойчивого равновесия. Она расплакалась. Хозяин приподнялся с кресла и барски поднял за подбородок горячее лицо девушки:

— Успокойся, сердынько, успокойся.

Очередь исповедываться была за Александром Тимофеевичем, но хозяин забыл о нем...

— Своими рассказами вы доставили мне немалое удовольствие. В наше время такие авантюры случаются довольно редко. С нашей стороны мы постараемся обогатить дальнейший материал ваших воспоминаний. Вы будете представлены верховному совету.

В соседней комнате пустым желудкам пленников было даровано спокойствие. Узкий стол изобилует тропическими фруктами, легким воздушным хлебом и тоненькими сухарями, тающими во рту. Молоко, холодная вода и светлое виноградное вино переливались в высоких графинах. Молчаливое присутствие хозяина веяло мудрой сдержанностью.

Последний сухарик достался Броунингу. Хозяин терпеливо дождался конца и, подойдя к стене, нажал кнопку. Опять экспедиция перекочевала гуськом в новое помещение. Небольшая комнатка вздрогнула и начала стремительно опускаться. «Лифт», — сообразили городские друзья. Галя из всех сил схватила за пояс изумленного Джелала. Но вот движение изменилось: казалось, что кабинка несется куда-то в сторону, мягко вздрагивая на рессорах.

Качнуло. Дверь со звоном распахнулась. Экспедицию поглотила комната, блестящая и черная, как антрацит. В высоких креслах восседало трое в таких же, как у хозяина, бледно-лиловых хитонах. Лица поражали сходством и академическим благообразием. Два матовых солнца на тонких бронзовых цепях заливали комнату печальным спокойствием. Пленники прижались друг к другу. В музейной тишине явственно зажурчало их напряженное животное дыхание.

Вдруг солнца, освещающие комнату, погасли, и возник нежный полумрак. Над головой поднявшегося члена совета вспыхнул маленький вращающийся куб. Он увеличивался в объеме, меняя форму и краски. Пробежав все цвета радуги, куб расплылся в круг, сияющий, как венчик на иконах...

— Опиум! — вполголоса вырвалось у Сергея хрипловатым баском.

Круг стал розовой, в белых пятнах, звездой. Козодоевский неожиданно выступил вперед: ему перехватила горло нервная спазма. Пятнистая звезда засияла немеркнущим сольфериновым светом.

Глава семнадцатая

ЗАПИСКИ

1. Из дневника Козодоевского

Силою духа, а не механикой движется жизнь на Гималаях.

Сергей и Броунинг ведут себя, как литературные коммунисты в какой-нибудь утопии, изданной ГИЗом! Они деловито разгуливают с посвященными и трогают всякие приспособления. Посвященные терпят и даже все объясняют им! Вообще странно .

Я был в саду Эвгелеха. Эвгелех — директор силовых установок Царства. Он занимал меня всячески. Рассказывал о машинах, но я мало понял и будто я не понимаю, что все это только разговорчики.

У него волшебный сад. Цветы качаются. Плоды — драгоценные камни, где цвет и порода превращаются во вкус. Рубин огненно-кисловат, яхонт солнечно-сладок, лунный камень освежителен. Это только заметки. Законченное произведение моего пера впереди.

О, любовь! О, прикосновение к одежде! Она никогда не улыбается, как и все остальные здесь. Она смесь парижских духов, вроде Фоль-Аром и восточных благовоний. Ямочки ее локтей потрясающе соответствуют складкам ее белоголубого платья. У нее походка целого стада лебедей. Она дочь директора силовых установок. Когда она садится на скамью, ручные птицы вспархивают вокруг ее подола. Как бедный рыцарь, стою я под окнами ее глаз.

Мы были в кинематографе, в беседке. Ветер шевелил ее (возлюбленной) волосы. Я не понимаю, как может Сергей удивляться чем бы то ни было в этой стране. А может быть, они вовсе не существуют. Так, мираж-фатаморгана. Специальное приспособление к нашему уровню и шутка

гостеприимства. Я буду смиренным и кротким. Если я большего недостоин, что ж, надо жить пока в этой мечте с фабриками и кинематографами. Директор сил, кажется, относится ко мне очень хорошо.

А в г у с т, 2 8 г о д. У т р о. Пульс 85. Ноги холодные. Голова несвежая. Немного тошнит. Ночью было испытание.

Ночь. Тишина. Космическая жуть. Сначала музыка. Я думал о прошлой темной жизни в Москве. Вдруг толчок в сердце. Я услышал... автомобильный гудок... потом трамвай... автобусы... извозчики... свистки... Мое тело стало легким. В солнечном сплетении защекотало. Так продолжалось долго. Потом... потом все покрыл бой Спасских часов. «Интернационал»... А я вернулся сюда!

Сергей! Броунинг! Нищие духом... Спите спокойно.

Сейчас только я вспомнил, и меня обожгла нечаянная радость. Ведь я владелец ключа от книги Джафр-и-Джами! Владелец священной фразы. Как хорошо, что я не записал ее, а только выучил ее наизусть со слов того попа.

Я одиноко сижу на златотканом ковре. В углу стоит узкогорлая античная амфора. На выпуклости драгоценного сосуда изображена какая-то битва в голом виде. Над моей головой трепещут крылья вентилятора. На моих коленях лежит белая роза.

Конечно, править миром должна потомственная интеллигенция. Вековой отбор мозга — лучшее, что дала наша культура. Мне до боли жаль пролетариат; он не виновен, конечно, но ничего не поделаешь. Его мозг, не утонченный до сих пор, работает хуже нашего. А утончать — лишняя трата времени. А человечество старится. Я это чувствую в своей крови.

Пролетариат не будет страдать! Его надо так научить в рабочих домах (очень благоустроенных), чтобы он не чувствовал своего положения и вообще привык.

Почему, почему я отмечен? И даже, если я, предположим, стою быть отмеченным, почему так же отмечены этот материалистический тупица (от слова «войти в тупик», а

не дурак) Сергей или сухой, неспособный к экстазу Броунинг?

Радиостанция, говорите вы? Так объясняете вы мое ночное видение. Что ж, я буду смиренным. Может быть, я и впрямь недостоин проникнуть в тайны гипнотизма и телепатии, но почему же, спрашиваю я вас, почему вы доверяете, чтобы в журнале «Огонек» печатались во всеуслышание статьи об оккультных науках? Разве читатель «Огонька» посвященней, чем бедный Борис, но... пути ваши неисповедимы.

Они никогда не улыбаются. Я назвал их «Неулыбающейся республикой». Это имело успех!

Электрическая мельница, говорите вы?

Она (возлюбленная) спросила меня: «Не обманешь ли ты?», подразумевая под этим уж, конечно, не какие-нибудь алименты, а высокие дела духа. «Нет, я не обману тебя, о, женщина, ибо это был бы зарез и амба моей чистой бессмертной душе».

Завтра второе заседание Совета. Я чувствую, что пленарное.

2. Из дневника Арта Броунинга

Мои записки на русском языке (Для практики и забвения прошлого)

Наша жизнь в этом прекрасном, хотя стеснительном месте протекает, по-видимому, нормально. Мы едим по звонку трижды в день, ложимся спать довольно рано, судя по звездам, и встаем рано, судя по солнцу. Общения с хозяевами происходят также по звонку. Наши свидания друг с другом также, очевидно, урегулированы. Итак, неприятно

(disagreeable) только то, что нас содержат, как дорогих пленников.

По всей вероятности, товарищ Козодоевский — экспансивный человек. Он очень радуется.. Конечно, мне тоже приятно, что на Гималаях существует хорошая жизнь, которая представляет собой исполнение мечты, но я не радуюсь, потому что еще не рассмотрел всего. Кроме того, меня поражает среди немногих, но великолепно оборудованных фабрик процентное изобилие косметических и ортопедических заведений, но осматривать их нам не позволяют. Почему? Следует пояснить, что нам показывают кое-что из окружающей обстановки.

Однако, я, право, не знаю, чем может быть полезен мой отчет о них. У многих писателей существуют, так называемые, утопические повести о будущем тысячелетии и тому подобных временах. Все, что я вижу здесь, буквально, совершенно аналогично этому.

Меня несколько удивляет то обстоятельство, что здесь техника ушла вперед от западной не больше чем на десять или пятнадцать лет. Если тем, которые живут на Гималаях, нужна техника, она могла бы уйти вперед на несколько тысяч лет; если же она им не нужна, то зачем она есть?

Я думал, что техника собственного улучшенного организма такого замечательного человека позволяет ему функционировать, например, без радиотелеграфа (организованная телепатия). Это я называю: техника прямого действия. Здесь, однако, наблюдается, как на западе, техника не прямого действия; я хотел сказать: такая техника, когда человек не пользуется своими собственными органами и рычагами, а пользуется орудиями производства и оружием. Я вспоминаю, что мне очень нравится русское выражение «вооруженный глаз».

Но тем лучше, что здесь техника не убежала очень далеко, а только ушла вперед. Благодаря этому, то, что я вижу здесь, приложимо для пользы Советского Союза и для механики. Я буду обстоятельно записывать. Только напишу сначала еще несколько слов о людях.

Эти красивые люди серьезны и хорошо держатся; они даже никогда не улыбаются. Когда они навещают нас и гуляют с нами, они всегда что-нибудь рассказывают или показывают. Когда мы спрашиваем, прямо или не прямо, где мы находимся и что будет, они все отвечают: «Простите и еще раз простите. Мне не дано полномочий ответить». Один раз я бросил это на вид директору силовых установок Эвгелеху, но он моментально сделался холодным, не выходя из границ приличия, и сказал: «К сожалению, я бессилён». В его красивую, стыдливую дочь влюбился товарищ Козодоевский.

Я беспокоюсь и я волнуюсь и сам не знаю, почему. Я не могу спать ночью и не могу слушать радио. Мое сердце бьется умеренно, но очень громко, и потому что я сильный, я дрожу тогда, как электрическая машина дизель. Мне глубоко горько и обидно, что жизнь так складывается, хотя все весьма интересно.

Нет сомнения, что те же улучшения, которым подвергалась и наша промышленность, пережила и эта промышленность, но что приятно для моего глаза, так это то, что, по-видимому, улучшение, усиление производства шло здесь за счет генеральных перестроек. То, что отходило за старостью, откладывалось в сторону, как балласт или, может быть, как музейная редкость. Вот вкратце те виды производства, которые нам удалось осмотреть во время наших совместных обходов с здешними руководителями. Во-первых, большинство предприятий находится внутри в горах. Очень большие пещеры позволяют при помощи этого удивительного освещения устраивать их по всем правилам техники и гигиены. Главные источники энергии находятся под землей. Еще мы видели так называемые старинные или «старые» силовые установки (паровое хозяйство). Тогда было использовано подземное тепло вулканических источников. Белый уголь, конечно, это более современно. Руководитель сообщил, что и эти установки гигантских турбин временные, ожидается переход на новую энергию. Какую? И вообще с любой энергией дело обстоит крайне забавно. Человек никогда не использует побежденную силу до кон-

ца. Мы бросаем ее раньше, чем возьмем 100% силы, вмещавшейся в ней. Во всяком случае мне больше нравятся установки нашего времени, они очень величественны, в будущем, вероятно, будет наоборот, например, в этой стране, где мы сейчас, некоторые установки необычайно портативны.

Если я не ошибусь, это особенность индивидуалиста (анархизм), а не коллектива. И поэтому, принимал на взгляд их технику, я считаю, что политический строй в этой стране — конец перехода к раскрепощению личности. Может быть самое поразительное, что меня особенно тронуло, это — радио, установленное на вершине пика им. Лавара, одного из апостолов. Что это апостол, я не знаю. Поскольку я помню, англиканская церковь такого апостола в себе не содержит. Вместе с радиостанцией — обсерватория. Я не большой специалист в астрономии, но рефрактор этого телескопа — лучший, который мне приходилось знать... Что касается радиостанции, то это очень могучая станция. Заведующий, молодой электрик, рассказывал нам о ее постройке. На этом я еще остановлюсь в будущем. Попутно он довел до нашего сведения забавный анекдот, очень мне памятный от прежде, связанный с установкой этой радиостанции в 1920 году. Для испытания были пущены волны без градителей (обычно отсюда посылают их только в одном направлении). Все приемники нашей планеты приняли эти сигналы за депеши или знаки с Марса... Об этом много писалось во всех мировых газетах. Помню, мы тогда в Ленинграде чрезвычайно заинтересовались этим явлением, сигналы были очень четкие и ясные, хотя и непонятные. Мы тоже полагали, что это посылка с другой планеты. Радиоприемники здесь выше похвалы. Они улавливают положительно все станции, даже любительские. Демонстрируя, он дал нам возможность слушать станции очень небольших городков и селений с мелким наименованием. Думаю основательно заняться здешними аэропланами (средства связи с миром). В этом деле я все-таки специалист. Можно сказать, что здесь очень многому можно поучиться.

Глава восемнадцатая

СОВЕТ СЕМИ

— Даже в клубных спектаклях я не участвовал. Не люблю этого дела! — Сережа выплюнул кончик дожеванной папиросы и снова поник головой на руки. Надумав, он продолжал: — Вот на репетициях так бывает: только пойдет гладко — осадил назад! Опять же красно-желтенькие наши журнальчики: в паршивом этом «Экране» постоянно «продолжение следует», — а врешь, сука, никакого тебе нет продолжения! Наворачивается все кругом да кругом... Тьфу! Какая ж это повесть без продолжения?

Галина пригорюнилась по-бабьи:

«А и тоска от него — закачаешься, — думала она. — Слово-то какое нашел страшное: “безпродолжения”!» — а вслух сказала бодро и скучно: — Брось, Сережа! — и собрала с колен, как хлебные крошки, серебристые лепестки.

Невиданное дерево — краса и гордость летней залы Совета Семи — отцветало. По синеве заведеревших стеклянных стен тающие цветы проносились, как падающие звезды. Вдали вольно и заунывно плыл пароходный гудок мыловаренного завода. У Сергея снова затошнило в голове.

— Борька!

— Я слушаю тебя.

Борис вышел из своего угла, шурша белым хитом и пощипывая золотистую бородку. За неделю пребывания в «стране чудес» он изменился до неузнаваемости. Дорожный загар слетел с покатога лба и тощих рук после первой ванны. На розовых губах заиграла утонченная вежливость. Голубые глаза за идеально подобранными стеклами пенсне приобрели выражение сдержанной благосклонности. Поправив пенсне, он по-докторски сел против Сережи и легко положил свои бедные пальцы на его смуглый кулак.

— Я люблю вспоминать наше прошлое, — вступил он, — Ташкент, Самарканд, Шахриябз. Помнишь верблюдов?

Сергей недоверчиво, по-птичьи, покосился на молодого патриция. Борис поощрительно улыбнулся:

— Конечно, ты сильный человек, Сергей, ты будешь вести себя с подобающим мужеством, — и он обратил неторопливо ласковый взгляд в сторону трех сигарных огоньков: — How do you do? Скоро начало?

— Иесс, т. е. да, — лениво отозвался Броунинг.

Уикли устало потянулся. Александр Тимофеевич кряхтя встал с дивана и заходил по комнате.

— Спайки у нас нет, товарищи, вот что плохо. Э-эх! — Белогвардеец с отеческой укоризной покачал головой. — Солидарности не видать. Неправильный подход, товарищи.

— Брось, поручик, — привычно бросила Галина и сразу точно проснулась от огромного стеклянного звона.

Борис, заложив ногу за ногу, поправил складки одеяния. Час настал.

Первым явился незнакомый полубог саженого роста. Лицо его, столь же графаретно прекрасное, как у всех в этой стране, ухитрилось выражать несокрушимое упрямство и капризный ум. Тихо высморкавшись, он занял место на узком краю стола; остальные — инженер Эвгелех, врач Кафарион, философ Курятников, поэт Эммануил Уманский, астроном Боэций и первый ученик философии Додик — разместились по сторонам председателя.

«Закачаешься». — думала Галина, нервно соскребывая с пояса засохшие следы пирожного. Она оглянулась за сочувствием на мужа, но юноша сутуло дремал на диване в районе сигарного дыма и фруктовых объедков.

Когда атмосфера основательно сгустилась, председатель начал:

— Просят не курить.

Окурки были аккуратно потушены.

— Хайре полито, — продолжал председатель. Древнеэллинское приветствие, произнесенное с четким петербургским акцентом, прозвучало остро и интеллигентно. — Радуйтесь, сограждане, это относится и вам, новенькие. — Улыбнувшись глазами своей ласковой остротой и вспыхнув-

шему пенсне Бориса, он заговорил более металлическим голосом:

— Речь моя будет именно к вам. Десять дней истекло с тех пор, как судьба республики привела вас в тихую пристань. Бессознательная гордость руководила вами в пути. Разумное смирение стало вашим приютом. Но не в этом дело. Я радуюсь, я неприкрыто радуюсь! Чему я радуюсь? — спросите вы. Тому, что, узнав вас за десять дней со всех интересующих нас сторон, мы нашли вас достойными вашей судьбы. Почему все религии и доктрины осуждают самоубийство? — он коротко наслаждался эффектом. — Все религии и доктрины осуждают самоубийство, потому что человек должен сначала заслужить и заработать свой ломть смерти.

— Сograждане! Что есть посмертное существование? Повечно-жизненная санатория. Свободное развитие наук, искусств, философии, не есть ли оно тот свежий и разреженный горный воздух, который создает климатические курорты? Должен добавить, что истинная свобода только у нас, ибо мы вынуждены быть свободными.

— Наша республика — посмертное существование. Санатория без цели покинуть ее. Наша республика не имеет экономического смысла: правительство без народа, производство без труда, труд без производства, промышленность без вывоза, любовь без воспоминаний!

— В глубокой брезгливости друг к другу и к человечеству мы воспитываем наших детей. Брезгливость создала наши этические нормы. Она же помогла нам победить техническую отсталость. Если наши внуки захотят быть ренегатами и уйти к людям, это их дело.

Врач Кафарион, ближайший к председателю, поднял голову и внезапно пробормотал с глубокой обидой:

— Пожалуйста, сделайте одолжение, ради бога!

— Но это уже будет не наша история и не наша судьба, — продолжал председатель, — истинная брезгливость только у нас, ибо мы лишены этой возможности...

Доклад расширился, как органная композиция Баха.

— Мы — нация, ибо нас связывает физиологическая особенность. Скажу больше, мы — раса, ибо в нашу среду собрались представители всех народов. Если национальности в своем первоначальном истоке суть аналитически разложение расы, то неужели нельзя назвать расой произвольный синтез национальностей, связанных химическим сходством крови? Наша раса не имеет биологического смысла.

— Сколько нас, это тайна и останется тайной. Основное ядро очень невелико, но братья наши разбросаны по всей земле. На побережьях арктических льдов и на счастливых островах Гогена, в тайге, в песках, в бамбуковых зарослях, в изъеденных тишиной горах — они всюду. Темные и жалкие, они проклинаят грубую участь, но нашедшие дорогу к нам обретают мир.

— После прохождения допризывного искусственного подбора, — тихо и ворчливо добавил доктор.

— Мир изгнал нас из своей статистики. Мы изгоняем его из наших расчетов. Мы — фанатики комфорта. Первых из нас привели сюда апостолы чистой науки. Слава им! Почтим апостолов вставанием.

После процедуры вставания, председатель продолжал интимней и тише:

— И они не ошиблись, ибо только свободный может честно служить отвлеченной мысли в часы досуга от наслаждений. Самолюбие — вот наша сущность, дорогие гости, то, что вы, люди, называете амбицией, но наша амбиция имеет высокий и прекрасный тон. То, что есть у вас, должно быть у нас — и лучше. Нет современного изобретения, доброго или злого, которого мы бы не использовали. Нет идеи, которую бы не обсудили — от новой кометы Бедля до журнала почтовиков СССР «Связь». Но не в этом дело. Цель сегодняшнего собрания открыть вам первую и главную тайну республики. Будьте тверды! Будьте мужественны! Будьте крепки сознанием и велики духом.

— Спокойно... Снимаю.

Общее дыхание экспедиции захватила острая секунда мимолетного помешательства. Весь побелевший Броунинг только отвел взгляд в бок от заседания совета и стал ждать минуты своего пробуждения. Надорванный вопль Галины остался без ответа. Когда Сережа отвел от смятенных глаз ладони, он убедился, что с последней минуты ничто не изменилось. Гнусные чудовища продолжали занимать заседательские места.

То, которое заняло кресло и костюм недавнего оратора, казалось человекоподобней остальных. Оно всего-навсего вываляно распухшим лицом в белом пуху, непереносимыми для взгляда казались только красные разорванные ноздри. Шесть заседателей имели мужественные и розовые львиные морды. В надбровных дугах лежали страшные, глубокие тени.

«Так вот были сфотографированы когда-то кратеры на луне», — метнулось Сережина память и снова замерла.

Семь пар верхних конечностей Великого Совета неподвижно лежали на столе. В конце концов это были бедные, покалеченные человеческие руки! Очередь метнуться настала для памяти ослабевшего, как ребенок, Уикли: реклама «Уродонал Шателена».

Председатель заговорил своим благообразным твердым голосом:

— Вы успокоились. О достоинствах и недостатках аппарата ваших произвольных рефлексов поговорим потом. Теперь вы узнаете, если не догадываетесь. Еще мгновение выдержки.

— Мы — республика Прокаженных. Мы — усовершенствованный автономный лепрозорий ТССР... правительству неизвестный. — Он широко и радушно улыбнулся. Это была первая улыбка за время пребывания пленников в республике.

— Маски сняты, — закончил председатель. — Не правда ли, у нас изумительно поставлен «Институт Красоты»? Сейчас мы их натянем снова.

Тайна «Неулыбающейся Республики» открылась настежь. Товарищи, потрясенные и отупевшие, спустились в парк и сели около большого бассейна. Происшедшее казалось настолько величественно, ужасно и жалко, что ни у кого из членов злополучной экспедиции не нашлось нужных слов. Теперь их крепко объединило опасение остаться навсегда у «великих посвященных». Мнительный Козодоевский уже чувствовал себя прокаженным, и опасливая рука упорно нащупывала надбровные дуги.

Блестящая луна, полная и легкая, вышла из-за купы ближайших гор. Она холодно осветила приближающийся хитон одного из диктаторов Республики, не присутствовавшего на Совете и знакомого путешественникам по прежним коротким и дружелюбным беседам. Прокаженный опустил-ся на одну из мраморных глыб.

— Мир вам, друзья. Не правда ли, как хорошо? Чудесная ночь.

Общее молчание не стесняло его.

— Вы потрясены, не правда ли, друзья мои? Но поймите, рано или поздно вы узнали бы об этом. О больших событиях говорят громко. Тайн не замалчивают, когда истекают сроки загадок. С сегодняшнего дня вы полноправные республиканцы, а с завтрашнего каждому из вас Совет поручит работу.

Сережа пошевелинулся.

— Вам не нравится, по-видимому, такое положение, — дружеский голос приобрел жесткость и сухость крыльев саранчи. — Но мы не звали вас к себе. А если вы пришли, то для нашего спокойствия должны быть обезврежены. Для этого есть два выхода: или жизнь в нашей республике, это вы, кажется, назвали ее «неулыбающейся», — поглядел он на Броунинга, — хорошее название, — или смерть. Второе производится здесь легко и безболезненно, но я думаю, что вы слишком разумны для второго.

Внезапно Сергей поднялся с места. — Вы правы, конечно. Простите, я до сих пор не знаю, как вас зовут.

— Федоров. Профессор Федоров.

— Так вот, профессор Федоров, я нахожу, что вы все-таки правы. Ваша республика достаточно ладно устроена, хотя мне все это не нравится. Раз нет другого выхода, мы будем работать, но я хочу знать, когда мы можем рассчитывать на свободу.

Профессор поглядел на луну: — Я думаю, вам самим не захочется расстаться с нами.

— Ну а в противном случае?

— Свобода понятие растяжимое. Все таки, могу рассчитывать, что она не за нашими горами. Здесь лучше, чем в вашем мире. Вы еще не присмотрелись к нам. Здесь вы будете жить среди людей высококвалифицированного интеллекта. Каждый из вас будет заниматься тем, чем он захочет, вернее, к чему он способен. Да это не жизнь, это просто утопия!

— Скажите, профессор, — подхватил Броунинг, — вероятно, у вашей утопии есть своя религия?

Профессор покровительственно рассмеялся:

— Нет, друзья, у нас, у мужчин, нет религии. Ни своей, ни чужой. Мужчины нашей республики не думают о боге. Религия отдана женщинам, хотя и им предоставлено право быть мужественными. Многие из них ничем не отличаются от нас. Но женственные женщины владеют особым тайным культом.

— А сколько человек насчитывает ваша республика?

— Здесь?

— Да, здесь.

— Мало. Очень мало. Но это ровно ничего не значит! Наши границы охраняются от внешнего мира строже, чем живые люди охраняют свои границы от нас — от живых трупов.

— Неужели никому не удавалось бежать отсюда? — откровенно спросил Арт.

— У нас не тюрьма, — обиженно сказал Федоров. — У нас не тюрьма!.. Но был действительно один случай сумасшествия. Талантливейший доктор! Вы не слыхали? Диего-ди-Гелла. Он не вернулся из очередного полета в мир и остался в Москве, соблазнившись громоздкими лозунгами

коммунистов. Он, — профессор залился не терпящим возражения старческим смешком, — кхи-кха, он вздумал организовывать прокаженных всего мира!

— Я помню, — прервал его Сережа, загоревшись, — какие-то странноватые лозунги в Наркомпросе РСФСР «Прокаженные всех стран, соединяйтесь».

— Это была его работа. Диего-ди-Гелла. Он погиб для нас и для остального мира также. Ваши человеческие установки распатали его мозг. Повторение подобных случаев невысказано. Итак, вы согласны?

— Там увидим, — бодро сказал Арт. — Пока я думаю, можно поработать. Вы согласны, товарищи?

Не дождавшись общих знаков согласия, Федоров собрался уходить.

— Желаю вам провести приятную ночь, сограждане.

— Профессор, профессор, — вырвался на секунду из горестного оцепенения Борис, — излечима проказа? Только правду?

— Пока нет. У науки еще нет достаточно знаний, чтобы ручаться за полное излечение.

Борис тихо застонал.

Федоров не спеша добавил:

— Что касается вас всех, то вам не стоит опасаться заражения. Те дни, которые выпали из вашей памяти, вы провели в профилактическом сне. В первый же день вашего пребывания здесь вам была сделана антилепрозная прививка. Она спасает на шесть месяцев. Потом ее приходится повторить. Это, друзья мои, наше собственное достижение. Мы можем предупредить болезнь, а также, как бы это выразиться ясней... застопорить уже начавшийся процесс. Большая часть наших детей, их очень мало, к сожалению, будут здоровы. Какая погода! Спокойной ночи.

Друзья остались одни. Теперь их заставляла молчать острая нервная радость. Наконец Арт закурил:

— Итак, значит, за работу, — сказал он с несколько деланной бодростью, — поживем — увидим. Не так уж страшно, проклятый прокаженный меньшевик.

Глава девятнадцатая

СОЮЗ

«Они говорят на многих языках, но у них есть также одно свое эсперанто. Мне приятно, что все часто говорят со мной по-русски, как будто бы эта страна признала мою принадлежность к Советской России.

Эта очень маленькая местность имеет форму подковы: она лепится к склонам гор и представляет собой город-сад. Она приблизительно такой величины, как русский город Могилев, который я видел в 1921 г. Люди живут на дачах. Есть только стеклянные лаборатории и фабрично-заводские здания, которые работают тихо, как церковь. Единственный шум здесь, который я знаю, это — человеческий шум, особенно за общим обедом и ужином. Все разговаривают о науках или искусствах и острят.

Они оказались колонией прокаженных. Что я могу еще сказать?

Очень красиво маленькое здание гимназии, где учатся мальчики и девочки вместе. Дети ведут себя очень примерно и даже скучно; детей мало. Родственная любовь у прокаженных есть, но семейной жизни нет: все живут как бы коммунально, но вместе с тем каждый отдельно, в особняке. Большие друзья по научной специальности стараются жить очень близко друг от друга.

Как мне грустно и тяжело!

Здесь всегда хорошая погода. Что они прокаженные, я узнал только вчера на заседании Совета. Их поведение в обществе совершенно буржуазно — времен упадка: в нем есть дух того плохого равенства и свободы, когда это только равенство членов одного избранного общества...»

Арт отложил свои записки на русском языке «для практики и забвения». В саду под окном появился, сияя округлым древнеримским благодушием и широкой белизной

одежд, директор силовых установок Эвгелех. Броунинг спустился в сад. «Этот бедный гусь должен однако чертовски стесняться меня», — горько подумал он, здороваясь с Эвгелехом, и согласился проводить его в лабораторию, тем более, что раньше, до заседания Совета, никого из пленников туда не приглашали. По дороге они за неумытым еще и скуластым от бессонной ночи Сережей. Растрепанные волосы Щеглова стояли на голове перьями, он старался, беря пример с Арта, держаться как ни в чем не бывало, но по минутно срывался на трагическое молчание.

— Нет, дети мои, — вкусно вздыхал Эвгелех, — теория случайностей! Жизнь великолепна, и когда она не может развиваться в ширину передвижения, она растет в высоту и принимает готические формы. Ботанически — совершенно хвойный вид: колется, конечно, как всякая готика, но вечно зеленеет. Жизнь великолепна!

Как бы в подтверждение этого, он необычайно ловко перехлестнул полу верхней одежды с одного плеча на другое и продолжал:

— Вчера председатель Совета сказал, что за время вашего пребывания здесь, мы успели узнать ваши наклонности и способности. Это так. Психометрия, которая выродилась на западе в некую механическую хиромантию, у нас поставлена твердо и умело. В Советской стране она тоже стоит на правильном пути, — поспешил любезно добавить он, покосившись на Сергея. — Судя по данным психометрии, вы — химико-физик, — кивнул он Арту, — а вы, друг Щеглов, — физико-механик, и вам будут предоставлены соответствующие должности. Не потому, что мы нуждаемся в рабочих головах, а потому, что надо же нам идти навстречу потребностям каждого нового гражданина...

Они уже всходили по граненым стеклянным ступеням лаборатории.

Храм прокаженной науки был выдержан от фасада до последней пробирки на опытном столе и формах конструктивно геометрических. Стекло и неизвестный лиловый металл сверкали четкими плоскостями. Широкий, квадратный химик в типичном для всех химиков мира белоснеж-

ном халате, тактично переставлял замысловатые колбочки. У него были крепкие пальцы с загнутыми вверх кончиками, как у перса, играющего в нарды, и розовый скандинавский затылок. Пространно приветствовав директора сил, он деловито, по-русски, осведомился у Броунинга:

— Радуетесь ли вы, гражданин? — И, не дождавшись реплики на этот явно риторический, не требующий ответа вопрос, проговорил: — Наконец-то здесь в лаборатории нам предстоит более короткое знакомство. Нас с вами ожидает совместная работа.

— Я радуюсь. Но неужели у вас, профессор, такой недостаток в более достойных сотрудниках, что я...

— О, не беспокойтесь, — перебил химик, — еще ни у кого из моих молодых сотрудников психометрия не нашла такой склонности к собиранию лекарственных специй, а следовательно, к изысканию противоядий. Группа подмастеров, в которую я хочу вас определить, работает именно по противоядиям.

Англичанин вспомнил свою колониальную страсть к неисследованным травам.

— Сейчас мы вырабатываем противоядие для газа Y серии C, — продолжал ученый с усмешкой, — действие этого газа знакомо вашему товарищу.

— Как? Что такое? — быстро повернул голову Сережа, с гордостью соблюдавший свое звание члена Авиохима.

Профессор дружески положил ему руку с загнутыми пальцами на плечо:

— Тот газ, которому вы обязаны своим присутствием здесь.

— Быть может, мы наглядно увеселим наших друзей, возлюбленный Анаксимандр, — томно предложил Эвгелех.

— Можно, можно.

Профессор, хозяйственно приговаривая, завозился в углу.

— Вот, коллеги, это — ракета. Дальность «полета» неограничена. Предположим, что эта ракета заложена в точке А. Итак, внимание. Ракету я кладу на опытный столик. Включаем воздушные насосы, чтобы газ был извлечен из

этой комнаты прежде, чем мы потеряем сознание. Газовая зарядка минимальна. Ракета настроена на прямую волну — одиннадцать. Готово.

Ракета, до сего времени лежавшая смирно, дернулась и щелкнула с резким звуком, походившим на короткий треск разрываемого шелка.

Сергей глубоко вздохнул и вздрогнул. Каждому атому' его тела представилась туманная прохлада горной ночевки. Где-то на задворках памяти захлюпала бодрая глинистая вода. Огромная желто-розовая луна медленно упала за снеговые вершины...

— Вы не заснете. Газ выкачивается, — сказал профессор, — это сонный газ. Самый безвредный сонный газ Y серии C. Конец войнам! Страна засыпает — страна сдается.

*

Когда Сергей и Арт вдвоем возвращались из лаборатории, гравий под их ногами панически хрустел. Сад, свежий, как кислородный баллон, шипел, отряхивался и надувался крупными цветами. Сердца друзей бились ускоренно.

— Меня беспокоит и уверенность, что мы никогда не выберемся отсюда, — прервал Арт понятливое молчание. Сергей ответил на свою мысль:

— Теперь я оправдан, что мой отпуск просрочен. Никаких войн... Одна-единственная победа над мировой буржуазией — и власть советов...

— Седжи, — Арт внезапно вспомнил, что за ними, вероятно, идет слежка, и понизил голос.

— Я не уверен, что мой шепот не гремит в ушах какого-нибудь верного республиканца. Нужно найти место и время.

Сергей беспечно усмехнулся:

— Прогуляйтесь, Артюша, к большому водоразделу.

На большом водоразделе главный канал растекался тремя рукавами. Первые два кольцом охватывали парк, третий с шумом низвергался вниз по узкой колее с коленчатыми уступами. Друзья уселись. Шагах в пятидесяти от них возилась группа садовников, среди которых они с удивлением приметили Джелала. Он с раннего утра был уже был прикомандирован к новой работе.

— Давайте, Артюша, не рассусоливать, а говорить о главном, — предложил Сергей.

— Идет, Седжи.

— Не знаю, что нам пришло в голову, а мой план короткий. Осень еще не поздняя, мы могли бы погулять по горам, если уметь крепиться. Только боюсь, что сейчас нам не удастся бежать. А вот на весну поставим. К этому времени, Артюша, он должен быть найден.

— Кто, газ? Йес. Но нам нужно время и место.

Сергей озабоченно покачал головой.

— Нет, Броунинг, я, можно сказать, категорически настаиваю на немедленных попытках! Лучше раньше, чем никогда. Ведь сейчас вот, мы назначены работать в лаборатории, а потом нас могут перевести в другие отделы. И никому не говорите, ни Борьке, ни Джонни.

Арт улыбнулся: — Двое и то это уже не настоящая тайна; трое — зачем?

— Сережа! О-гей, Сережа! — снизу махал рукой Джелал.

— Но все-таки, — продолжал Сергей, осклабясь на приветствие Джелала, — может быть, нужен один... третий. Ведь, по-нашему, все-таки чем больше, тем лучше. Так вот, Артюша, пусть это будет не Боря и не Джонни, и не сучий потрох. Пусть это будет Джелал, а я его беру на поруки... вот именно.

Джелал приближался к ним, надрывно напевая веселую, по его мнению, песню.

— У-ух, Сержо, посмотри, как здесь вода есть. Вода главный дело. Есть вода — кушать много есть.

Сверкая зубами и выпуклым потным лбом, он повел друзей в ближайшие оранжереи. Действительно, водному хозяйству можно было поучиться у прокаженных. Оранже-

рейные цветы проводили время в изысканной бане. Их мирно обслуживала горячая вода, прошедшая в недрах земли сквозь вулканический туф. В этих свирепых памирских недрах, в самом складе катастроф, велась размеренная и спокойная работа

Сметливый Джелал уже понял значение этой системы. Грандиозность не испугала его. Ведь молодой узбек и раньше никогда не думал, будто жизнь мелка и ограничена.

«Хозяйственник, свой парень», — с горькой досадой и неясностью подумал Сергей, а вслух заговорил не раньше, чем Джелал проводил их на прежнее место.

— Слушай, урток, вот я говорю Арту, что ты умеешь молчать. Если я тебе сказать, то ты этого никто, никогда, ни зачем не сказать.

— Ты знаешь, Серожа, — серьезно сказал Джелал. — Мой молчит, как старый утка.

— Спасибо. Это скоро понадобится. Понимай. Скоро мой, и твой и его, — Сергей указал на Арта, — это будет один союз.

Глава двадцатая

ЕВАНГЕЛЬСКАЯ

«Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть царствие небесное».

— Кузиночка, это очень приятно. Мы ведь за правду изгнаны? Разве проказа не правда?

Белокурая девочка заерзала на бархатной подушке и радостно забарабанила пальцами по переплету евангелия.

— «Блаженны плачущие, ибо они утешатся», — на эс-перанто это звучало внушительно.

Эйридика, дочь Эвгелеха, зарыдала. Ей казалось, что теплое застоявшееся в груди море прорвалось из глаз. Девоч-

ка деловито порылась в шелковых покрывалах и подала кукзине носовой платок. Эйридика прижала ее к груди, чтобы порывом нежности еще усилить свои слезы.

— Кузиночка, а может быть, он заболел со страху, когда все узнал на заседании Совета?

Эйридика почувствовала мгновенное охлаждение к ребенку.

— Со страху? Он? Никогда!

Мягко мерцающие глаза, бледные пальцы с плоскими лиловатыми ногтями, шелковистые пепельные волосы бобриком... перед мысленным взором Эйридики Борис прогуливался, как живой. «Разве он может испугаться, он, такой преданный чистой красоте?» — (Дочь Эвгелеха с детства приучила себя мыслить пышно и многословно, как мыслят героини романов из античной жизни).

Но море слез снова заворачалось в груди; оно стало едким и холодным, как щелок. «Что, если это не страх, но отвращение. Отвращение... К ней! К дочери Эвгелеха, которую чтит весь народ».

Беспомощный ужас перед возможностью разлуки пригнул женщину к твердым подушкам; сжавшись комочком, она тонко заплакала в голос.

— Кузиночка, я пойду кушать.

Маленькая Найон заскучала. Она выскользнула на террасу, освещенную желтой пылью заката, постояла на лестнице и мокрым садом пошла к дому инженера.

В комнате Эйридики быстро темнело. В прежние дни в этот час Эйридика сидела у окна ровно, как в стальном корсете, с крепко сжатыми на коленях руками ждала Борисовых шагов.

Просыпаться — помнить... Засыпать — помнить... Умереть, господи... Боренька...

Задыхаясь от наболевшего моря в груди, она накинула шарф, выскользнула на террасу, постояла на лестнице и мокрым садом побежала в сторону заводских дач. В зеленых сумерках, окружавших круглые белые дома, было пусто и тихо. По красному гравия прыгали, вздрагивая эгретками, полосатые как зебры, удоды. Впотьмах раздраженно бормо-

тала полусонная вода канала. Эйридика металась от аллеи к аллее.

Борис никогда не видел ее такой похожей на обыкновенную домашнюю женщину. Он съезжился в качалке и сцепил восковые пальцы.

— Как же быть?.. Быть-то как же?.. Господи!..

Качалка была скрыта от зрителей кустами буксуса, и Борис мог спокойно заниматься своим отчаянием. Проказа уже, должно быть, отметила его, несмотря на прививку, он успел уверить себя в этом. Но первая заповедь «неулыбающейся Республики» — брезгливость — была воспринята им как нельзя лучше: она и раньше, в простые времена, была одной из черт бедного поэта. Что теперь делать с Эйридикой? — только бить! На минуту в сознании сверкнула поэтическая мысль: «Если бы я был сильным, я мог бы сказать ей: ты — Эйридика, а я — Орфей, и я выведу тебя из царства мертвых в дневные просторы».

Но греческий миф потонул в хаосе детских ужасов. Буксусные кусты раздвинула нежная рука.

— Здравствуйте, поэт. А я гуляла и не думала увидеть вас.

Борис перевел дыхание.

«Слава богу, она будет ломаться. Никаких сцен...» — говорить вслух он еще не был в состоянии.

Женщина села на ручку качалки.

— Слушайте, вы видите, какие у меня красные глаза. Я плакала. У меня умерла та собака.

Борис попробовал голос:

— Бедная девочка!

— Кто? Собака?

— Нет, вы.

«Наш разговор уже освещает изящная, меланхолическая улыбка, — подумал поэт. — Быть грубым с аристократкой органически не могу».

Внезапно аристократка переменила фронт.

— Борис, хороший мой!

— Ну?

Она широко поглядела ему в глаза...

— Алло, я слушаю.

— Борис, вы знаете все.

Он вздрогнул, будто его уличили в чем-нибудь:

— Что, все?

— Я говорю о последнем заседании совета. Вам разоблачили тайну.

Поэт закрыл лицо руками. Женщина мужественно ждала. Когда Борис открыл лицо и поднялся с качалки, он был бледен, как пыль.

— Я хочу побыть дома, — жалобно сказал он. — Мне надо думать, как быть.

Отойдя на порядочное расстояние, он обернулся и на всякий случай сказал таинственно и страстно: «Я люблю вас. О, я люблю вас».

Эйридика пошла в свою сторону, прижимая к щекам прохладные руки. За ней победоносно струился белый шарф. По бокам красного гравия прыгали незамеченными полосатые удоды. Он любит! Он будет любить!

Она стала было напевать своим детским голосом, но снова омрачилась и поспешила к дому. На террасе Эйридику встретила визгом круглая курчавая собака. Эйридика взяла ее на руки. В комнате уже переливался ясный зеленоватый свет. Круглая собака радостно облизала подбородок девушки. Эйридика со вздохом поглядела в голубые глаза свежей, уютной сучки.

— Я должна, — стиснув зубы, сказала дочь Эвгелеха, — я должна, пойми меня. Я не могу солгать Борису. Я сказала, что ты уже умерла.

Она со стоном сдвинула косточку у собачьего кадыка. Животное истерически взлаяло и захрипело.

— Нет, я не могу!

Бархатные подушки тоже не сумели ликвидировать собачью жизнь. Эйридика, дрожа и плача, сползла с подушки и вытащила из-под нее свою обреченную подругу. Сердце дочери Эвгелеха мучительно сжималось: ей почудилась на лице животного особливая, неуловимая печать близкой и роковой смерти.

— Иероним! Иероним! — нетерпеливо закричала девушка, снова выбежав на террасу. За поворотом аллеи показалась убранная вакхическими кудрями голова молчаливого и глупого садовника.

— Иероним! Я прошу... — она умоляюще протянула к нему свои знаменитые руки: — Иероним, унеси эту собаку далеко-далеко... Куда хочешь... Так надо...

Сдав ему на руки перепуганное животное, дочь Эвгелеха села к столу и угрюмо задумалась:

— Я слаба, как дочь земли, — безнадежно прошептала она.

Глава двадцать первая

УСПЕХИ

Дни шли как попало. Шумели сады. В послеобеденный час из стеклянной гимназии шествовали, не роняя ни книг, ни пеналов, тихие самолюбивые школьники. По вечерам сквозь листву просачивался русской рябиновкой прозрачный закат. Пленникам стало окончательно ясно, что колония прокаженных — маленький провинциальный городок, где живут ученые и неудачники. После окончательных психометрических испытаний друзей вызвали однажды в библиотеку, где и преподали им прокаженные инструкции. Арт был утвержден в назначении на химическую работу, Сергей испросил себе возможность работать с Артом; Джонни направили в распоряжение механических мастерских по установке новых машин; Козодоевского временно освободили от физической работы и поручили ему, как поэту, присмотреться к республике и написать соответствующую оду. Джелал должен был работать в отделе орошений; Галочке

приписали усиленное питание, Александр же Тимофеевич расхворался затяжным флюсом.

— У меня есть маленький план, изобретение оно называется или совершенствование, не помню уж, как там у нас... В общем мне нужно об этом потосковать, да еще вместе с вами. Один я не берусь, потому что здесь, вероятно, будет уйма цифр.

Арт внимательно слушал Щеглова.

— Это я все соединил, что Джелал рассказывал о вулканическом отоплении оранжерей, а вы о наших советских перелетах. Для республики этой чертовой, мне кажется, будет большая польза, да и для нас не даром. Этим мы завоеваем определенное доверие со стороны здешнего правительства.

Щеглов вытащил целую грудку бумаг, исчерченных размашистым почерком, и несколько листков тонкого картона с какими-то планами, мохнато расписанными цветной тушью. Над хаосом склонились две головы: одна — кудрявая, другая — с точным пробором.

Полчаса спустя Арт поднялся с места и поощрительно похлопал Сережу по животу.

— Молодец, Седжи. Просто, понятно и весело.

Щеглов застенчиво улыбнулся:

— Ну как, Артюша, подойдет, а?

— Конечно. Планы, к сожалению, надо к Кузькиной бабушке. Хватит одного проекционного чертежа, а остальное разработают здешние конструкторы.

Молодой полячок из главных химиков, которому был показан проект Щеглова, разработанный Артом, пришел в истинный раж:

— Ах, коллеги! Уж как я рад, как я рад за вас и за себя, что мы работаем вместе. В таком деле, как химия, помимо знаний нужен острый наблюдательный ум. Я уверен, что Совет Семи будет очень доволен работой коллеги.

— А как вы полагаете, — спросил Броунинг, — нужно ли разрабатывать идею технически или передать ее прямо в ведение научного Совета?

Химик глубокомысленно прищурился: — Вот как будет. Я сообщу о вашей идее нескольким конструкторам, а когда чертежи будут окончательно готовы, вы подарите вашу идею республике. Согласны?.. Замечательно приятно!

Он сговорился по телефону с конструкторами. — «Чертежи будут готовы к концу недели».

Всю неделю Щеглов яростно натаскивал себя к докладу в Малом Зале Высшего Совета Оборону.

А счастье, действительно, сопутствовало Сереже. Теперь восторженный полячок привязался к нему со всем пылом своего доверчивого болтливового языка. К тому ж он очень часто уходил в мастерские, оставляя хозяевами лаборатории Сергея и Арта. В одно из его очередных отсутствий Броунинг, поставив Сергея на стрёме, бросился наугад к ближайшему шкафу и начал лихорадочно перебирать аккуратные дневники работ. Он сам был ошарашен нечаянной удачей, когда глаза его выудили белую наклейку на серой полотняной тетради «Исследование Y, серия C. Контрольная». Арт сунул ее под самый низ стопки и захлопнул стеклянную дверцу.

— Эврика! Седжи, о, Седжи! Как это могло сложиться?

Формула была найдена просто, как подкова. Задачу получить ее в собственность Броунинг взял на себя.

— Дуракам счастье, — с деланным хладнокровием сказал Сергей и поскорей склонился над работой.

Чем ближе время подвигалось к докладу, тем больше Щеглов нервничал. Наконец, в последний день его и вовсе замутило.

— Знаете, Арт, у меня с совестью дело, кажется, не совсем чисто. Плохо мне от моего изобретения. Неправильно я поступаю, что даю этим пацанам возможность скрыться от советского глаза. Ведь мы совершенно не знаем точки, в которой находится эта республика.

Арт прервал тихие излияния Сережи.

— Бросьте, Щеглов. В чем дело? Поймите хорошенько, что вы обязаны выбраться отсюда в Москву! Хорошая совесть сама постоит за себя.

Наступил день доклада. Сергей явился в зал за полчаса до заседания. Еще никогда он не тосковал так истошно о толстовке и о штанах. Путаясь в прокаженном шелке, он прогуливался по зале, нетерпеливо выглядывая из окон. На повороте аллеи показался Арт. Сергей окликнул его. Брунинг вошел в зал.

— Никого?

— Еще рано. Думаю, минут через двадцать.

Арт посмотрел по сторонам и тихо ободрил друга. Сергей искоса поглядел на товарища и крепко пожал ему пальцы. Арт продолжал утешать.

— Как это все вышло просто, если бы вы знали. Этот болтун уплыл сегодня на все утро, любезно предоставив лабораторию в мое распоряжение. Я и распорядился. Переписал. Только это нельзя так оставить.

Зал начал наполняться народом. В назначенное время члены Совета заняли соответствующие места за красным столом. Легкий звон традиционного колокольчика прекратил деликатное покашливание и высокий профессорский шепоток. Председатель вытянул шею.

— Считаю 184 Заседание Малого Зала Научного Совета Обороны открытым... Прошу.

Сергей взошел на трибуну и разложил перед собою застасканные листки.

— Уважаемые сограждане. Доклад мой будет короток, как и мое пребывание, пока, конечно. Я собираюсь принести существенную пользу охране границ республики. Как я могу сообразить, земные границы республики охраняются более чем хорошо, и опасность с этой стороны грозить нам не может, но есть огромная опасность сверху с воздушных границ.

Надо вам принять во внимание, что Советский Союз Социалистических Республик — это сила мирового наполнения. Советская техника развивается с той быстротой, с какой младенец в утробе матери повторяет всю историю развития всего человеческого вида. Аэропланы советского завтра — это великолепная вещь. Кроме того, вы вряд ли можете себе представить, что такое советский летчик! Он пе-

релетит в два счета Гималаи и не будет беспокоиться, что под ним Гауризанкар! Да вот и тов. Броунинг перелетел Гиндукуш. До сих пор республика была достаточно умна и сильна, чтобы не бояться твердолобых колонизаторских хищников, но с идейным врагом, Советским Союзом, ей не справиться.

Он облегченно вздохнул — с риторикой было покончено.

— Как видите, уважаемые сограждане, опасность в прямом смысле слова — над нами, и эту опасность надо ликвидировать в самом начале. Как я понимаю, главная задача Совета Оборона — полная тайна местонахождения республики. И для дальнейшего мирного процветания и строительства страны эту тайну необходимо сохранить. Есть два пути охраны со стороны воздуха. По первому пути я не пошел, считая его опасным и бесполезным; это — план остановки вражеских моторов электроволнами, но парочка катастроф поставит живейшую проблему перед научным миром за границами республики, а разрешение этой проблемы — война.

Лучше республике счастливо жить, чем воевать. Вы сами так думаете, сограждане. Второй путь — более разумный: это особая маскировка. Ну, вот. В последнюю мировую войну устраивали дымовые завесы, это неудобно и негигиенично. Мы — брезгливы. Поэтому я предлагаю устроить завесы облачные.

Зал с напряжением слушал докладчика. На экране вспыхнул черными и цветными линиями чертеж. Щеглов с удивительной ясностью пояснил его короткими фразами. Сущность изобретения сводилась к следующему: кольцо гор, окружавших котловину республики, он предлагал избороздить сетью каналов, постоянно наполняемых водой. Благодаря вулканическому огню вся эта вода в любое мгновение могла быть обращена в пар и сгущена в облака обычными электрическими разрядами. Сергей подробно объяснил простейшее устройство каналов, подводящих подземный огонь из уже имеющихся вулканических цистерн.

— Вот это и есть мой проект. Все подробные расчеты я представляю Ультра-Совету Обороны в дополнительном рукописном докладе. Я кончил.

Не успел Сергей выпустить ногу из шелковой хламиды, как на него обрушился гром аплодисментов. Смущенный докладчик спотыкаясь сбежал по ступенькам в залу и уселся около Броунинга.

После короткого совещания поднялся председатель. Голос его звучал торжественно.

— Совет Обороны благодарит молодого члена нашей республики за сделанный доклад первостепенной важности. Проект его принимается в целом. Утверждение проекта будет произведено на расширенном заседании Ультра-Совета. Совет Обороны будет ходатайствовать перед Ультра-Советом о присвоении гражданину Щеглову звания почетного члена республики, а со своей стороны Совет Обороны приглашает его и его друзей на банкет избранных, имеющих быть в день ближайшей Селены.

Прокаженные с поздравлениями обступили Сергея.

Глава двадцать вторая

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Борис прохаживался по терему нарочито крупными и нервными шагами. Новая, немного неудобная мысль о том, что связь с Эйридикой может оказаться теперь весьма полезной, еще не успела дерзко оформиться, но уже будоражила и настраивала. Наконец он остановился и произнес сакраментальную фразу:

— Ты — Эйридика, а я — Орфей, и я выведу тебя из царства теней в дневные просторы.

Девушка продолжала сидеть, не шевелясь. После недовершенного убийства собаки дочь Эвгелеха мучили навяз-

чивые опасения, что ложь откроется и Борис доберется до сути — до страстной и оскорбительной для девического самолюбия Эйридикиной любви.

— Выведу, как пить дать! — раздраженно повторил Борис, не дождавшийся эффекта. Его начинала пугать эта скрытая и необычайно интенсивная внутренняя жизнь. Эйридика подняла средневековые глаза:

— Мерси. Я не знаю только, нужно ли это?

Поэт опешил:

— То есть как нужно ли? Ведь там так много времени.

— Какого времени?

— Жизни!

Эйридика снова задумалась. Что легче: идти так далеко по неудобным местам или быть безболезненно казенной правительством, когда уйдет Борис? — пыталась решить она. А что Борис уйдет, было уже давно решено ее одинокими ночами жалости и жертвенных фантазий. Дочь Эвгелеха знала входы и выходы, она хотела только помедлить немного, и причиной этой медлительности была странная надежда. Каждый вечер, ложась спать, девушка верила, что у нее переменится характер и что она проснется с новой жадной жизни, которая заставит ее бежать в мир, но утро наступало, а в изнеженном сердце оставалась прежняя смертельная лень. Борис потерял стиль разговора. Он решительно чувствовал себя Сережей, Броунингом и Буденным вместе взятыми, когда ему приходилось мучить эту царевну-лягушку.

— Вы буржуазная аристократка, — бросил он тоном драматического рабочего от станка.

Лягушка подняла брови: — Неправда, поэт. Наша республика не имеет экономического смысла. У нас нет буржуазии.

— Ну, просто аристократка! — сладострастно взвизгнул Борис.

— Наша республика не имеет древней истории.

Она казалась неуязвимой. Борис бесился, согласие дочери Эвгелеха на совместный побег было единственным

способом вырваться из республики, где его постигло последнее разочарование в мистике.

К концу диалога неудобная мысль успела отлиться в прочную форму. «Это ничего, — четко думал поэт, — что мы побежим вместе. Ведь какой же успех в Москве! Вопиющая экзотика! Если она больная, ее запрут».

— Ох, тяжело мне как! — вздохнул он вслух.

Дочь Эвгелеха медленно прижала руки к груди:

— Вот, Борис, поэт мой, вот что я имею вам предложить.

У него сладко заныло под ложечкой.

— Борис, мне трудно покинуть мою родину, где цветут высокие орхидеи, и моего отца, венценосного инженера. Я не хочу быть отступницей! Если я уйду, я буду первой из армии ренегатов, сосудом, через который приходит зло, а вы... вы... идите.

— И ломается же! — с восторженной благодарностью думал Борис. — И нелогична же она!

— Я не так нелогична, как вы могли бы помыслить, — величаво продолжала девушка, — я знаю, что, выпустив вас, я буду преступницей, но сосудом я... не буду.

Внезапно лицо ее передернулось. Из глаз посыпались мелкие слезы. Борис быстро упал перед ней на колени. Античная трагедия кончилась.

— Идите, Боренька, — хрипло шептала девушка, трясясь от рыданий, — идите себе, голубчик, в Советскую Россию.

Борис поклевывал быстрыми поцелуями голубоватые руки.

— А меня пусть убьют. Ничего, — вырвалось у нее фальцетом.

— Зачем убьют? — мягко спросил Борис.

— Иначе никак нельзя.

— Зачем же? Вы должны подумать об этом, дорогая. Если мой долг быть там, в России, мы должны бежать вместе.

— Оставьте меня теперь, — по трафарету, слабо попросила девушка. — Нет, не оставляйте! — Впервые Эйридика почувствовала так близко от себя взрослую чужую теплоту. Она по-ребячьи охватила руками шею Бориса и поцеловала его

в скулу неумелыми твердыми губами. Борис впился зубами и эти сжатые губы я музыкально застонал.

«Разучился стонать, никогда не умел», — досадливо подумал он и стал деловито шарить руками по извилистому девическому телу.

Рукам поэта не понравилась Эйридика. «Чувствуй нежность, Боречка, чувствуй, хороший! — умолял он себя. — Никто тебя, Боречка, не жалеет. Надо чувствовать!» — но он не находил в своей опустошенной памяти ни любовных слов, ни ласк.

Между тем Эйридика перестала плакать. Уткнувшись носом в грудь поэта, она сладко и равномерно дышала. Борис был рад, что не видит ее прекрасного лица.

— Слушай, я сейчас стану твоим мужем, — сказал он, чтобы замаять неловкость.

Но Эйридика быстро высвободилась из его объятий и залилась глуховатым нежным смехом, показавшимся поэту жутким, как казалась ему жутко-непонятной вся внутренняя жизнь других людей.

— Давай лучше в другой раз, — сказала девушка, сияя порозовевшим лицом, — а теперь расстанемся, потому что мне неловко.

К Борису вернулись все приятные и приличествующие случаю слова, когда-либо прочитанные или написанные им: единственная, голубой бриллиант, звездочка, ландыш, ты — вселенная, кошечка, ангел, мамуля.

Он вышел, растроганный, радуясь звуку собственных шагов по мозаичным плитам коридора. Прямым путем через веранду и сад он не шел никогда, опасаясь встречи с домохозяйками. Как счастливый любовник, Борис отпер собственным ключом пеструю дверь и очутился в маленьком горном ущельи, где шумел зеленый бук и упрямо звенела на одной ноте падающая струйка воды. Узкой тропинкой поэт выбрался на холмы имени Реми де-Гурмона и хотел уже выйти на честный городской путь, когда его тихо окликнули:

— Товарищ, Борис!

Из зарослей тамариска показалась голова Александра Тимофеевича.

— В целях конспирации, — исступленно шепелявя, прошептала голова. Даже ажиотажного Бориса рассмешила эта конспирация.

— Эх, вы, генералиссимум, да разве тут скроешься? — Движимый любопытством, он однако тоже полез в тамариск.

Александр Тимофеевич облепил пухлыми губами ухо Бориса:

— Жамечательное открытие. Десять дней, которые потрясли мир. Формула!

— Боже мой! Не может быть! Какая формула?

— Не жнаю.

— Боже мой!

— Чише. — Белогвардеец судорожно сжал локоть Бориса. — Шегодня в парке шидели товарищ Арт и товарищ Шережа. Я шпокойно лежал на траве, где вошпрешщается. Товарищ Арт говорит: «Хорошо, что эта формула не попала какому-нибудь подлецу». Товарищ Шережа вошкликает: «Ну да, ведь он бы ее продал, сука!» Товарищ Арт говорит: «За мильон!» Товарищ Шережа говорит: «Чише!»

— Боже мой, это все?

— Вше.

Блаженный покой поэта был разрушен новой, хотя и радостной тревогой: — Где нам с вами поговорить? — с тоской вопрошал он Александра Тимофеевича. — Где конспирация, где?

— Говорить не надо, — пошел на деловую белогвардеец, — надо объясняться. Ищите формулу. Я тоже.

Вылезши из кустов тамариска, они разошлись в противоположные стороны. Борис тяжело вздохнул. Перспективы изменились. «Что ж это я один, эгоист, решил бежать из плена, — журил он себя без малейшего юмора, — всем надо бежать, Александр Тимофеевич тоже захочет, он тоже человек».

Глава двадцать третья

ОПИУМ ДЛЯ НАРОДА

Арт Броунинг с горечью размышлял о вреде религий.

Казавшееся ему раньше столь пошлым изречение «религия — опиум для народа» он расшифровывал теперь с истинно-наркоздравовской точки зрения. Его рационалистическая наблюдательность настаивала на том, что преступления и ошибки совершаются людьми не столько в наркотическом блаженстве, сколько в хаосе реакции после него. «Уикли и Козодоевский, — думал он, — совсем опускаются, бедняги. Их бедную нравственность подкосила история с “великими посвященными”. Если таким упадочным людям, как эти двое, не во что верить, то они становятся плохими». Действительно, характер Джонни за последнее время сильно изменился. Паренок продолжал смотреть на Арта покровительственными глазами верной собаки, но тон его в разговорах стал резок и сух. Уикли пристрастился к легкому вину прокаженных и поглощал эту слабую розовую влагу, как шекспировский Фальстаф бочки зверского рома. «Лечебное вино так относится к шекспировской влаге, как Джонни Уикли к веселому Фальстафу». Эго горькошутливое уравнение было записано в заброшенном за последнее время дневнике Арта. Вспомнив о математике, Арт болезненно поморщился. Им снова овладело чудовищное напряжение нынешнего праздничного дня, когда он измучился и пожелтел над головоломным трудом. Покачав головой, чтобы убедиться лишний раз в том, что она болит нестерпимо, он снова подвинулся к столу. На узкой полоске бумаги, измаранной чернильными брызгами, красовались странные, фривольные экстемпорали на трех языках: русском, арабском и английском. Каждый столбец был украшен сердцем, пронзенным стрелой.

По-русски:

«Нюрька Сметана. Битте-Дритте. 4/IX — 918».

«Киска Лягавая 5/I — 1921».

«Не ней 37° водку».

Далее шло изображение солнца и подпись

«Твоя тринадцатая».

Английские фразы были составлены с грамматическим изяществом Пиккадили. Обилие женских имен, от суровой Эллен до какой-то «Джонни из предместья», словно разворачивало биографию салонного, но заблудшего сердцееда. Арт снова придвинул к себе три убийственно толстых словаря. Сменив после часа раздумий «Дженни» на «Джулию», мусульманскую «Хадиджу» на «Хаеру», а по-русски «битте-дритте» на «пожалуйста бриться», он облегченно вздохнул и пощупал свои ввалившиеся щеки. Главное было сделано, оставалась самая процедура. Сережа и Джелал должны были по уговору проводить праздник дома. Арт пошатываясь встал и прошел высоким садом к тихим Сережиным дверям.

В комнате Сережи царил прохладный трудовой отдых. По столу и бесчисленным табуреткам были разбросаны неразрезанные учебники, сам товарищ Седжи валялся на постели в сандалиях и с карандашом на груди.

— Деморализуетесь? — повел бровью Броунинг.

— Нет, не совсем, — протянул Сережа и сел.

Арт вынул из-за пазухи своего эфемерного хитона приготовленные записки.

— Неужто готово? — обрадовался Щеглов. Строго сдвинув брови, он принялся разбирать фривольные англо-арабско-русские экстемпорали. Броунинг в изнеможении вытянулся в качалке.

— Ну? — спросил он, когда Сережа неторопливо сложил на стол узкие полоски бумаги.

— Лучше быть не может. Даешь спину!

Хозяин вытащил из ящика письменного стола баночку синей туши, потом порылся в инкрустированной, как ве-

ликосветские романы, шкатулке и обрел тонкую иглу. Броунинг освободил свой торс от легкомысленных кружев и плотно сложил руки на груди.

— Годдам! — поморщился он. — Больно будет.

— Ни черта, — с докторской веселостью возразил Сережа и приступил к операции.

Эта была самая дикая из татуировок, описанных когда-либо авторами путешествий. С самого начала она была полита невинной кровью Арта Броунинга и открывалась портретом сердца, пронзенного пернатой стрелой. Чуть ли не каждую секунду Сережа возвращался к Артовым запискам и, высунув от усердия язык, отслеживал английское правописание. Выносливый Арт с трудом крепился:

— Это напоминает ритуальные убийства, которые приписываются евреям.

Наконец татуировка увенчалась изображением сирены с тремя хвостами. Серела удовлетворенно поглядел на свое произведение и, приготовившись переменить положение палача на участь жертвы, отвернул свой длинный рукав.

Но Сергею не пришлось пострадать за правду: в пальцах англичанина игла работала легко и ловко; «Манька», «Нюрка», «Киска» выходили словно вышитые бисером. Зловещая фраза «пожалуйста бритесь» украсилась стилизованным венком незабудок.

Когда это произведение англо-саксонского гения было закончено, оба товарища сели друг против друга и с наслаждением закурили.

— Ну, — со вздохом облегчения сказал Броунинг, — теперь остается только Джелал. Эй, Седжи, — внезапно вдохновился он, — посудите-ка: Да здравствует Интернационал и спайка! Начало на вас, конец на мне, середина на Джелале. Это штучка!

— Теперь мы трое уж никак не можем расстаться, — торжествующе подхватил Сережа и, поглядев на свое разрисованное предплечье, тихо рассмеялся. — Кто бы мог подумать, что это научная формула? Ишь кузькина мать при бенгальском освещении. В Москве меня обвинили бы в начинании хулиганской карьеры.

Глава двадцать четвертая

БАНКЕТ И ПОСЛЕ

Пленная корпорация с роковой неизбежностью делилась на два тайных лагеря: лагерь носителей формулы и лагерь тех, кто не был отмечен татуировкой. Формула, должествующая превратить мир в единый Советский Союз, окончательно зарубцевалась на здоровой коже и приобрела синий цвет военно-морских путешествий. Надо было окончательно оградить ее от возможной бдительности прокаженных, и Арт Броунинг произвел это за ближайшим банкетом, на котором присутствовали лучшие мужи государства и все пленники, а Сережа Щеглов занимал за столом одно из видных мест. Сергей явился на вечер щеголем из щеголей: на нем был свистящий шелковый плащ цвета индиго, посеребренные сандалии и бледно-розовый категорический балетный хитон без рукавов. Изредка Сережа отбрасывал как бы невзначай полу плаща, и тайное становилось явным. С голой напудренной руки нагло ухмылялось матросское сердце, пронзенное пернатой стрелой, давая пищу тактичному удивлению сотрапезников.

Планы Арта как нельзя более соответствовали его характеру. «Никогда не отягощай и не утомляй себя тайной, — говаривал он, — пей умеренно и откровенно, ешь то, что едят другие, спи спокойно и комфортабельно». На банкете он хотел открыть и передернуть карты. Если учесть, что любимой темой прокаженных была высокая культура их страны, желание Броунинга было легко выполнимо.

— Варварство, говорите вы? — по-английски переспросил он одного из участников пира, разглагольствовавшего об атавизме. — Варварство? А что знаете вы о варварстве?

— Все, — наивно ответил тот.

— О нет, и не говорю об этнографии, — громко продолжал Арт, — я не говорю также о шовинизме, я думаю о дру-

гом. Варварство! Да ведь оно единственный двигатель цивилизации и культуры! Грубое желание жить лучше так же первобытно, как любой инстинкт. Если у человека пропадут исконные страсти, то ему незачем будет работать для их удовлетворения или, если хотите, обуздания. Незачем и нечем. Человек работает страстью. Может быть, жизнь в нашей стране изменит нас, но мы еще любим свою варварскую кровь. — Он театрально огляделся и подмигнул Сергею.

Сергей, прислушавшийся за время путешествия к Борисовой манере декламировать, откинул татуированной рукой кудри со лба и мелодично провыл:

Вас тысячи. Нас тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы мы, да, азиаты мы,
С раскосыми и жадными глазами.

— Мы гордимся своим варварством, — продолжал Арт, — ибо в нем, и только в нем, залог преуспевания на земле. Да, мы все еще варвары. В нашей маленькой компании варварство — философская злоба дня. И товарищу Седжи не было стыдно варварски вытатуировать на руке откровенный перечень своих земных увлечений. И как вытатуировать! Хулигански, скажете вы? Нет, возразим мы, это — честное обнажение честного, но, по человеческой природе грязного, подсознания.

Сережа встал со своего фиолетового кресла и откинул левое крыло плаща.

— Вот! — звонким голосом оповестил он, — вот, что я наделал!

Присутствующие были шокированы и заинтересованы. Сережину руку внимательно перечитывали и отходили со сконфуженным шепотом, но злостно недовольных среди зрителей не оказалось. В сердце каждого прокаженного государственного мужа занял хилый отголосок упоительного и грубого отрочества.

Особенно внимательно осматривал татуировку удивленный Борис. Прежде он не знал за Сережей подобных наклонностей. Еще философская белиберда Арта бросила его в жар предельного недоумения. Прочитав «Нюрку, Маньку, Киску» и «пожалуйста бритесь», он отказался верить происходящему. «Или я сошел с ума, — думал он, садясь на свое скромное место в конце стола, либо они смешались всмятку». От волнения он выпил больше обыкновенного, но вино действовало на поэта подавляюще. Несколько раз он томно пояснял своему соседу, молодому прокаженному пшюту:

— J'ai vin triste, у меня печальное вино...

Vin triste однако сумело обострить и напоить желчью основную мысль поэта: «Сергей и Броунинг дурят, Сергей и Броунинг что-то скрывают». Уже совершенно пьяный, он пошел разыскивать Александра Тимофеевича, но того в зале не оказалось.

— Он, наверно, блует на газон, где «воспрещается», — бессмысленно рассмеялся Козодоевский и вышел на низкую веранду. Здесь он оступился с лестницы и упал в приторно-уютное небытие.

*

На следующее утро он проснулся в своей постели с сильным ощущением во рту и тошнотой в голове. Изначальным чувством его было слезливое раздражение на своих бывших друзей. Мир казался страшным как темная уборная, а Броунинг и Щеглов — злыми няньками, интересно веселящимися на стороне.

— Не любят они меня, — заплакал Борис похмельными слезами, — не хотят они меня.

Горе сменилось ядовитым любопытством ребенка, которого не принимают в игру. Поэт любил сознавать свое ребячество, и неумолимая память, к селу ли, к городу ли, привела ему любимую поговорку профессора Федорова: «Все

люди — дефективные дети». Это воспоминание оказалось решающим. Оскорбленное самолюбие помогло Борису встать и облачиться, оно же встряхнуло его умственные способности. Борис застыл с открытым ртом и шелковым чулком в руке.

Формула!

Действительно, единственным логическим выводом из чудачеств Арта и Сергея была мысль о конспирации.

Конспирации! Открытая! Он хотел уже бежать на трезвые поиски белогвардейца, когда тот сам без стука вырós в дверях.

— Наше вам с кисточкой, Борис Иванович!

Бонне пропустил приветствие мимо ушей:

— Нам надо с вами серьезно поговорить, — прошептал он, многозначительно скосив глаза на стены, сразу обросшие невидимыми ушами.

— Будем шептаться, — беспечно предложил Александр Тимофеевич, присаживаясь па край постели. На банкете он выпил, вместо розового вина, своей привычной и давно не виданной водки, а утром успел опохмелиться. Нервы его быт в чрезвычайно уравновешенном состоянии. Сейчас он не видел нужды в наивной конспирации, к которой так часто прибегал. Его трупная бодрость подействовала на Бориса успокаивающе.

— Слушайте, — начал он торжественно, насколько позволял хриплый шепоток, — и думайте. Тезис первый: человек не может быть одинок, тезис второй: это давно осознали Сергей, Броунинг и советский их прихвостень Джелал, они построили себе корабль и уплыли, понимаете? Они образовали крепкий сплав. Сплав создается только из предметов, имеющих химическое сродство, — переврал он, диалектики ради, давнишний учебник химии. — Мы остались за бортом: вы, я, Уикли. Баба не в счет, она замужем. Не знаю только, есьмы ли мы химически сродные элементы. Понимаете? Я, простите, новый, передовой человек, вы, простите, несколько отсталый социологически. Что у меня мистический уклон, это чепуха! У нас мистуклон в ходу.

Слушайте, вы не знаете, что такое оппозиция? У нас, знаете, кого обвинили в уклоне?.. Льва! Давыдовича! Троцкого!..

— Да? — с робким уважением спросил белогвардеец.

— Да. Только слушайте, перейдем к делу. Я предлагаю организовать оппозицию. Вы, я, Джонни.

Александр Тимофеевич расплылся в своей улыбке провинциального актера и размашисто хлопнул ладонью по ладони поэта.

— Всегда готов.

Борис хотел было обдумать наедине свой неожиданный шаг, но не выдержал.

— Я вам вечером что-то скажу.

— Почему ж вечером, голуба?

— Сейчас нельзя еще говорить. Я человек определенности и дела.

— Вы совершенно новый человек, — искренне подтвердил поручик.

Козодоевский чувствовал бы себя хозяином положения, если бы не голые, постыдно худые ноги, которые он все время разговора прятал в складки атласного одеяла. Пользуясь симпатическим доверием к себе Александра Тимофеевича, Борис вскинул голову и многозначительно изрек:

— Как я нервен! Или это правда? Я ощущаю присутствие.

Александр Тимофеевич обшарил глазами стены.

— Расстанемся, — сказал Борис и, подманив нос поручика к самому своему уху, законспирировал: — вечером. У вас в постели.

После ухода белогвардейца Борис быстро натянул шелковые чулки и вышел в сад творить заказанную оду республике. На розовой дорожке он столкнулся с Джонни, спешившим на службу. Уикли, бледный, печальный и осунувшийся, шел неверными шагами, машинально обрывая узкую зелень астролистника.

— Товарищ, — поглядел он на Бориса, — как меня скучно!

Ломаный и бесцельный русский язык придавал фразе беспомощную интимность. Борис вдохновился:

— Знайте, Джонни, что будущее и ваших руках, — он наклонился к уху собеседника. — Щеглов и Броунинг владеют секретом, в их руках формула, одна математическая формула. Если она будет у нас — мы богачи. Мы ее можем продать любой стране за невероятные деньги. Необходимо, чтобы эта формула была у нас. Формула зашифрована. Она вытатуирована у Сергея на руке.

Джонни растерялся. — Разве нас выпустят отсюда?

— Ничего, я устрою, что выпустят. Клянусь вам, — сказал Борис. — Вы должны заново подружиться с Артом. Может быть, у него тоже есть на руке. Там должны быть неприличные рисунки, названия и числа. Вы перепишите. Делать нужно немедленно.

Джонни чувствовал, что у него невозвратно мутится в голове. За последнее время мир все дальше и дальше уплывал из его глаз. В снах, которые ему снились по ночам, он был близоруким и видел туманные картины. Обещание Бориса вывести его отсюда было последней соломинкой утопающего.

В тот же день после работы Джонни, проходя мимо лаборатории, встретил Броунинга. За последнее время они виделись не часто, и Арт с жалостью поглядел на осунувшееся лицо. Он все еще твердо считал себя ответственным в некоторой степени за своего бывшего механика и сообщника.

— Что с вами, Джонни? Не больны ли вы?

Джонни мог не кривить душой. Он был угнетен, возбужден, потрясен, расслаблен — все вместе. Голова его лопалась по черепным швам. Он ответил Арту, едва шевеля губами:

— Мне очень плохо. Меня гнетет тоска. Сейчас еще ничего, а ночью я сумасшествую. Я боюсь темноты. Свет может гореть сколько угодно, но я боюсь, что он погаснет. Я с ума сойду, честное слово!

Арт схватил его за обе руки.

— Не надо, Уикли, бросьте, дорогой. Вам просто надо отдохнуть по-настоящему и не быть одному. Переходите

ко мне ночевать. Все обойдется. Не надо, голубчик, падать духом.

— Спасибо, Арт, — робко воскликнул Уикли, — не сердитесь на меня. Ведь вы понимаете. У вас есть товарищ Седжи, а я совсем один. Я приду.

Джонни пожал руку Броунинга и, пошатываясь, побрел домой. Пока он не дошел до того места, где утром встретился с Борисом, он и не подумал даже о том, что выкрадет у своего друга формулу счастья.

Глава двадцать пятая

ПОБЕГ

В четверг Борис проснулся среди ночи. Стояла такая тишина, что мир казался несуществующим. У постели лежал ковриком плотный лунный квадрат. Козодоевский мушкетерно старался припомнить что-то, промелькнувшее во сне, не терпящее отлагательства и, главное, отнюдь не мистическое.

Он перепробовал все известные ему мнемонические приемы и решил уже уговорить себя, что сон был несостоявшийся, как вдруг стремительно сел на постели.

Нефритовая фигурка!

В самом деле, ведь все они — и Арт, и Сережа, и сам он — забыли об ее существовании! Потрясающая перемена обстановки выбила из озабоченных голов главную цель последнего путешествия. «Впрочем, может быть, кто-нибудь из них знает — ведь мы теперь мало разговариваем». Сначала поэт завязал узелок на подоле своего хитона, чтобы, чего доброго, не забыть утром порасспросить товарищей. Но заснуть он не мог, а дожидаться далекого утра представилось ему выше человеческих сил.

— Пойду! — отчаянно постановил он. — Они знают, что я только большой ребенок...

Презрев, против обыкновения, страх простуды, он выскочил босиком и пробежал коридор, ведущий к комнате, где теперь вместе спали Уикли и опекающий его Броунинг. Сюда, однако, Борис постеснялся войти, но, вдохновленный примером дружеской опеки, помчался по холодному гравию сада к особняку Сережи. Здесь, после долгого дробного стука, он получил удивленное разрешение «влезть» и влетел в теплую комнату.

Сонный Сережа, со спутанными кудрями, налипшими на лоб, и по-мальчишечьи оттопыренными губами, смотрел на гостя во все свои смыкающиеся глаза.

— Борька, корова! У тебя, что ли, тоже истерика, как у Джонни?

Козодоевский замахал руками.

— Нет, нет, Сереженька, голубчик! Нет, хороший. Ты не бойся меня.

Щеглов засмеялся.

— Эх, ты, психическая зараза. Чего не спишь?

— Я вспомнил! Я вспомнил страшно странную вещь! Сереженька, где статуэтка?

— Какая стат...? — все еще смеясь, дивился Сергей и вдруг стремительно сел на ложе, как давеча Козодоевский.

— В бога мать! Где человек из зеленого камня?

— Может быть, Броунинг знает? — упавшим голосом спросил поэт.

— Рано утром спросим. Эх, черт!

— Я потрясен, — простонал Борис.

Сергей застенчиво ворчал:

— А я, что, не потрясен, что ли? Ведь она у меня была... Эх, Борька, горе ты мое, где я думаю она осталась, так это в кармане старых штанов.

— Пойдем к англичанам!

— Утром, говорю, пойдем.

— Сергеюшка! Я сейчас пойду от твоего имени и скажу про старые штаны...

Щеглов промолчал. Козодоевский принялся ныть.

— Сергей, друг мой единственный, ну, пусть я ребенок, ну, зловредный ребенок, я не могу дожидаться, я пойду!

Он вскочил, оставив Сергея в мрачном конфузе, и напялил на себя невзначай одно из одеял.

Англичане спали чутко, по-военному. На робкий стук Бориса быстро открыл испуганный Уикли.

— Что случилось? — трезво спросил Арт.

— Тысяча извинений! Сережа посоветовал мне не дожидаться утра.

— В каком смысле?

— Мы все забыли про замечательную статуэтку, которую мы нашли. И она пропала.

— Годдам! Какое несчастье! — воскликнул Арт, мгновенно вспомнив скользкий, полупрозрачный камень. — Джонни, вы слышите?

— Сережа предполагает, — сдерживая дрожь, продолжал Борис, — что она в кармане его старых штанов. Как найти старые штаны?

— Надо потребовать у наших палачей! — взволнованно предложил Джонни.

Арт медленно бледнел от гнева на самого себя. Его логическая машина работала подробно и четко.

«Ну, да, — думал он, — смена впечатлений, тревога и (он вздрогнул от досады) глухой прорыв в памяти от расслабляющего сонного газа...»

— Штаны, действительно, надо попросить и вообще выяснить это дело не позже утра, — заявил он.

Борис согласился: больно уж дико было бы поднимать среди ночи прокаженное государство. Одно из сомнений, во всяком случае, было разрешено: никто из главных членов экспедиции ничего не знал о нефритовой фигурке.

Из упрямства Борис разбудил еще Джелала, Галину и поручика, — все вскакивали, как встрепанные, ахали и ложились снова — более или менее бессонно ожидать утра.

Козодоевский, волоча за собой одеяло, поплелся домой. Он открыл свою дверь и с размаху сел на пороге, пронзенный током нечеловеческого страха, — ему зажала рот чья-то мягкая, холодная рука.

И голос Эйридики произнес прерывающимся шепотом:

— Тише. Можно бежать.

У Бориса нестерпимо похолодело в груди.

— Можно бежать, — вразумлял шепот, — потом нельзя будет.

Борис буйно колебался... Что делать с формулой? Шифр еще не был открыт. Неизвестно, как дела Уикли. По отношению к Александру Тимофеевичу надо быть благородным, чтобы не терять веры в себя...

— Я не предупредил товарищей, — прохрипел он, — что с ними делать?

Шепот задумался. Потом в нем звонко зажужжали слезы:

— Идите все вместе. Это все равно ведь. Беги, скажи им.

Козодоевскому стало жарко. Все спасено — надежды и планы. Кроме того, герой торжества — он, непризнанный и забытый! Кое-как одевшись, он снова побежал по коридорам, ступенькам и цветникам. Пленники вставали один за другим, с мужеством недоверия и молодости.

— Только зайдите ко мне домой — и вы убедитесь, — умолял поэт.

В его комнате пленников ждал трагический шепот Эйридики.

— Все в сборе? — спросила она и, получив робкий ответ, продолжала:

— Запомните хорошенько. Когда выйдете на свет — прямо на север, потом прямо на запад, потом прямо на юг — всего понемножку. Концом северной дороги будет начало маленькой новой горной цепи; концом западной — развалины медресе времен Тимура; конец южной увидите сами. Не бойтесь, я была первой ученицей по географии, а у нас это много значит. Ну, да я вам дам компас. Идем!

— Как же идти-то в чучельной одежде? И холодно, купить ведь не на что, — с отчаянием прошептал Сергей.

— О деньгах не беспокойтесь. Я, как у вас говорится, накрала из музея много новых советских денег.

— Сколько? — стуча зубами спросил белогвардеец.

— Одну тысячу рублей. Больше нельзя было; там осталось еще сто. Идем.

Через парк Энгелеха, городскую дорогу, водораздел и голубые поля ананасной картошки она провела их в маленький, низкий сад, где пахло простыми розами, а около мерцающего, голубого, под лунный камень, домика спала на привязи серна.

— Жаль, что ты не успел узнать наших мистических культов, поэт, — шепнула Эйридика Борису.

Но он не пожалел об этом: не могла, по его твердому убеждению, исходить от прокаженных и недопрокаженных женщин путная мистика, ибо она должна быть окутана красотой.

Арт Броунинг, наоборот, подосадовал на мгновение, что не остался в этой дальней экскурсии еще месяца на два.

Но сетовать было поздно. Зазвенели ключи. Эйридика открыла крошечную дверь в скале. Когда пленники один за другим вошли в крошечную тьму, она тихо сказала:

— Это очень длинный тоннель. Стражи тут нет. Через это отверстие приходит и уходит судьба. Возьмите деньги и концентрированную пищу.

— А разве ты разве не идешь с нами? — осторожно спросил Козодоевский.

— Нет.

— А почему?

— Ну, я не стану с тобой здесь объясняться, холодно, кроме всего. Возьми тросточку.

Арт уже сделал несколько шагов вперед, в глубину тоннеля. Сережа спокойно ждал конца щекотливых переговоров Козодоевского.

— Прощайте, — сказала девушка из-за порога, — не разговаривайте в тоннеле.

Она стала медленно закрывать двери, но вдруг распахнула их снова.

— Поэт!

— Я слушаю.

— Узнай же правду. Бежать можно было и в другой раз, но я боялась переменить свое решение. Я боялась, что не выпущу тебя потом. Я не спала ночью, вскочила и побежала.

— Зажигалку! Фонарь! — оглушительно прошептал Борис.

— Я не могу дать вам в руки ничего, что имеет фабричную марку Республики.

Дверь захлопнулась, и ключ медленно повернулся в замке. Девушка, казавшаяся Борису загадочной, как апокалиптическое животное, окончательно сделала свое дело.

— Пошли, что ли? — спросил Сережа.

Все стали тихо продвигаться вперед. Авангард, в лице Арта и Джелала, отобрав у Борис тросточку, оказавшуюся на ощупь простой крепкой камышинкой, пробовал дорогу. За ними Сергей и Уикли вели шмыгающую носом Галину. Сзади цеплялись друг за друга Борис и поручик. Эта группировка не изменялась более в течение всего тоннельного пути.

А путь не измерялся временем.

Вдруг Сергей остановился.

— Я думаю, что это западня.

— Игра сделана, — оборвал Арт. — Не разговаривайте в тоннеле.

Путь не измерялся временем. Погружаясь все глубже и глубже в непроходимое однообразие темноты, экспедиция теряла одно за другим свойства человеческого сознания: время, пространство, цель. Если бы пришлось умереть от усталости, вряд ли это событие было бы замечено самим пострадавшим. Не жаловался никто; каждый шел, стиснув зубы и жадно ободряясь хриплым, овечьим дыханием попутчиков. Когда подламывались дрожащие от неуверенности ноги, устраивалась остановка. Обшарив тростью каменный пол тоннеля, беглецы робко усаживались поближе друг к другу.

Переменной судьбы был переход от искусственного пола к простой мягкой земле, куда менее удобной для слепого

путешествия: то там, то здесь попадались камни. Глухой мрак вступил в фазу новой бесконечности; дорога кружила заворотами. Наконец во тьме закачалось серое пятно.

— Светает! — вырвалось у Сережи.

Испугавшись знакомого голоса, ставшего таким слабым и дрожащим, все бросились вперед и, спотыкаясь друг о друга, бежали до тех пор, пока пятно не разрослось в изумрудные сумерки рассвета. Дальше пришлось идти по острым камням, но становилось все светлей и светлей. Скоро в двенадцать глаз ударил солнечный блеск. Это было маленькое отверстие в мир, заросшее буреломом, хаосом, полынью и птичьим пометом. Иссапаннанные и помятые беглецы кое-как выбрались наружу. Пошла своеобразная переключка:

— Компас?

— Есть!

— Деньги?

— Есть!

— Нефритовая фигурка?! — внезапно, с новым отчаянием вспомнил Борис.

Воцарилось молчание.

— На сей раз погибла окончательно, — с напускным хладнокровием отозвался Сергей и вскрикнул. — Ой, ребята! — Его взгляд упал на компасные часы в руках Уикли. Это был компас, потерянный в начале странствий белогвардейским поручиком. Арт уставился в глаза Александра Тимофеевича свинцовым взглядом:

— Вы не теряли его! Прокаженные нашли компас в вашей старой одежде. Девушка украла его из музея вместе с деньгами. Так?

Лицо Александра Тимофеевича стало пепельным.

— Так. Но я...

Арт повернулся к нему спиной.

Дорога на север шла среди невысоких предгорий. Стоял теплый солнечный полдень, но путешественники страдали от холода в своих шелковых хламидах.

— Братишки, братишки! А я что-то понимаю, — вдруг забодрилась посиневшая Галина.

Джелал обрадовался.

— Чиво понимай, ой джена?

— А вы слушайте. Эта чертовка-то, Аритика, говорила, что нельзя нам дать вещей из республики, — а платье-то, а? — хохлушка хитро засмеялась.

— Да, да! Как же это как? — воскликнул Сережа.

— А так, — объяснила Галочка, — что одежду-то мы изорвем.

Все развеселились.

— Ну, лоскутки-то мы доставим в Москву, — сказал Сергей и спохватился. — Э-э, нет! Проказу разносить не дело. Ведь прививки-то, небось, в Москве нет?

Глава двадцать шестая

ГИБЕЛЬ НАДЕЖДЫ

На вторые сутки сравнительно гладкого пути они достигли той самой, по-видимому, «маленькой, новой горной цепи», о которой говорила Эйридика. Ноги их были изодраны в кровь, сандалии и шелковые чулки разбиты, искромсаны и брошены. «Быть может, когда-нибудь они будут служить нам вехами», — пошутил Арт, пытавшийся запомнить дорогу. Концентрированная пища поддерживала последнюю долю их сил в ровном и неизменном состоянии. Более всего страдали путники от холода. Днем их стянувшаяся кожа жадно пожирала солнце, ночью они спали, сбившись в тесную кучу, и тогда труднее всего приходилось Александру Тимофеевичу. Хотя никто не решался отказать ему в той товарищеской близости, в которой не отказывают друг другу животные, но все поворачивались к бедному подлецу спинами, и только Борис робко спал в полоборота.

Однажды Сергей сказал: «Если бы мы не отъелись в этом проклятом доме отдыха, нас больше не хватило бы шляться!» Борис пригорюнился и весь дальнейший путь не мог отделаться от досады и жалости к себе. Ему казалось страшной несправедливостью терять силы, накопленные кое-как с помощью санаторного режима прокаженных.

На следующий вечер пути на запад, глазам экспедиции открылась роща нищенских палаток и волна овец. Это было становье кочевников, спускавшихся к зиме в долину. Галина, Джелал и Борис ринулись бегом вперед, но Броунинг осадил их строгим окриком:

— Нельзя! Мы с проказой!

После долгих сетований и проклятий экспедиция была вынуждена снять с себя все до последней нитки и завалить платье землей. Арт спохватился, когда уже было поздно. Синева военно-морских путешествий всенародно ухмылялась с его спины всеми своими именами, датами и эпитетами. На бедре Джелала красовались мусульманские буквы, стройные и хитрые, как гурии магометова рая.

Формула!

Единый ток встряхнул и соединил Бориса и Александра Тимофеевича. С этой минуты союз преследователей формулы был восстановлен.

Экспедиции пришлось бы бросить и деньги, если бы Сергея не осенила счастливая догадка:

— Да ведь бациллы живут едва лишь три месяца, а деньги-то были два года в музее под стеклом! А Борисова невеста и не прокаженная вовсе.

Серебро и бумажки были извлечены из кисета и тщательно перетерты сухой землей. Сергей и Джелал понесли их в горстях.

У кочевников и их курчавых пастушьих собак нет ни следа чувства юмора, — «благодаря экономическим условиям», подумал голый, как Адам, Щеглов. Обугленные люди встретили процессию угрюмо-удивленными взглядами; женщины, с мрачным спокойствием, отвернулись. И только когда Джелал, залившись полупритворными слезами, крикнул «Басмач!» и указал в пространство, был отозван

пес, успевший прокусить ему икру. Кочевники, не торопясь, сменили негодование на сочувствие. Теперь необходимо было объяснить, почему басмач оказался в дураках и не отнял у путников денег. Экспедиции оставалось только радоваться, что даже Джелал не знает наречия кочевников!

О последних принято думать, что у них нет ни кола, ни двора, а единственная рубаха истлевает к концу жизни своего владельца на его буйно обросшем грязью теле. Двора у кочевников нет, но в их багаже, навьюченном, в качестве седла, на шkodливых лошадей, водятся и ватные штаны, и сапоги, и халаты.

Экспедиция оделась, сладко выпалась и ушла рано утром, откупившись всем имевшимся в наличии серебром и обрета новую концентрированную пищу — мешок булжников, гальки из затвердевшего, как ископаемые, кислого молока и сыра.

На новый ночлег экспедиция устроилась в тех развалинах медресе времен Тимура, которые открывали последний переход — на юг.

*

Заседание в 30-и шагах от общего ночлега было открыто. Борис, Александр Тимофеевич и Уикли сблизили головы:

— Уикли, ну?

Джонни с болезненной ясностью вспомнил вечер в Республике, когда Броунинг заботливо повел его к себе еще всхлипывающим от нервного припадка; потом суховатая нежность Арта, новое английское детство, мягкий полусвет над книгами.. Потом долгая ночь, в течение которой Джонни полублагоговейно, полуворовски прислушивался к дыханию старшего друга и мелко переписывал татуировку формулы на развернутый мундштук папиросы.

Он подавил вздох и закрыл глаза:

— Готово.

Козодоевский и поручик вздрогнули от радости. Поэт, найдя в темноте руку Уикли, нервно пожал ее жестом, заимствованным у Арта.

— Как быть с Джелалом? — шепнул Александр Тимофеевич. Это был злободневнейший вопрос после открытия новой татуировки.

— С Джелалом никак нельзя быть. Ведь и спим-то мы в одежде.

— Что ж делать?

— Когда человек знает, что делать надо, — Борис гипнотизерски подчеркнул надо, — значит, сделает.

— Да?

— Конечно, да.

— Идем обратно.

Стояла ясная, холодная и необычайно тихая ночь. Звезд казалось так много, что они точно сыпались за горизонт каким-то перемежающимся сверканьем. Прямо над развалинами медресе сиял темно-оранжевый Марс. Борис вспомнил, что у него изредка бывали драгоценные минуты покоя в крови, и подумал, что одна из таких минут наступила сейчас. Заседатели бесшумно добрались до спящих товарищей и улеглись между ними. Кто-то сладко вздохнул во сне, не то Сергей, не то Джелал.

Едва Борис начал засыпать, его словно качнуло и понесло. Невольно он открыл глаза и закрыл их снова, желая повторить ощущение. Где-то вдалеке что-то дребезгливо прогромыхало.

«Что это? как телега?»—с сонным умилением подумал поэт. Внезапно странное давешнее ощущение повторилось с такой силой, что он с криком схватился за сердце и хотел подняться, но был отброшен на кого-то спящего рядом. Где-то, словно под собственными ногтями прогрохотал огромный глухой гром.

— Александр Тимофеевич! Саша! Саша!

Все разом проснулись в невыносимом страхе и отчаянии.

— Что такое?

— Ребята, Галина!

— Что случилось?

Вдруг высоко поднялся голос Джелала, полный такого животного ужаса, что Галина, закрыв уши, сама тонко и жутко завывала.

— Иеркамелайде!¹

Одной рукой прижав к себе жену, а другой зацепив упирающегося Сережу, Джелал бросился к синему звездному выходу. Все рванулись следом.

Борис понял. Каждый нерв его лопался от острой боли. Землетрясение! Настоящее!

В это мгновение пригорок под ногами поэта вздрогнул, как от удара непомерного хлыста. Глубокий глухой гром не заглушил другого, странно близкого удара. Джелал и Уикли не слышали его: обвалившиеся остатки купола древнего медресе погребли их под собой. Последний удар продолжался не более пяти секунд. Все затихло в невыразимой неподвижности. Галина, сидевшая прежде на земле рядом с мужем и Джонни, только теперь вполне поняла, что произошло. Она встала и, не глядя ни на кого, начала как будто лениво, но со страшной силой разбирать упавшие камни.

Сергей и белогвардеец бросились к ней на помощь. Борис корчился на земле в тихом нервном припадке...

В эту ночь умер под развалинами Джонни Уикли, бывший субалтерн-офицер английского воздушного флота. Джелал остался жив и каким-то чудом не очень искалечен. Когда их извлекли из-под камней, уже светало, а в лощинах остро и звонко пели птицы. Броунинг не скрываясь заплакал. Никто не спрашивал ни о чем друг друга, только Галина и окровавленный Джелал молча взялись за руки и прислонились к стене медресе.

Арт заговорил чужим и словно каким-то пробным голосом: «Что страшнее всего, друзья, в землетрясении? Мы привыкли видеть, что никогда ни одна стихия не бушует сама собой: она бушует по вине другой стихии — например,

¹ Землетрясение.

море от ветра. Так мы видим. А в землетрясении кажется, будто все происходит само собой... именно... само собой...»

Сергей побоялся ответить ему. Александр Тимофеевич, весь опустившийся и старый, подсел к Борису и шепнул ему на ухо:

— Сироты мы! Формула наша погибла.

Борис встал, подошел к телу Джонни и заплакал.

Глава двадцать седьмая

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕХОД

Для могилы Джонни нашли место, похожее на Англию оттенком почвы и двумя молодыми корявыми деревьями: если не наклоняться или вовсе лежать, из-за листвы не было видно страшных снежных гор.

С противоположной стороны горы мягко понижались, а с двух остальных... «Но не станет же мальчик ворочаться», — с печальной улыбкой утешил себя и Галину Арт.

Нужно было продолжать путь на юг. Но чем дальше позади оставалась смерть, тем больше грустил Борис, крепко соединявший в своем воображении гибель друга с беспомощными глазами, гибель выгодной и славной формулы и гибель своей совести. Ее беспричинные, в смысле смерти Уикли, угрызения имели, правда, чисто поэтический характер.

У Джелала все больше и больше разбаливалась от ходьбы нога, но ввиду того, что на ней не было раны, а только глубокий ушиб, и заражение крови Джелалу не грозило, все относились к его героическим гримасам с дружеским поощрением.

Этот последний переход был самым длинным, суток на пять. Еще далеко от конца его у экспедиции не осталось уже ни одного камешка концентрированной пищи кочев-

ников; но сейчас голод уже не действовал так сильно, как во время первых блужданий в горных тущобах после плена у басмачей. Всяк возмужал по-своему.

Сергей стал суровой и самоуверенней; ни он, ни Броунинг ни на минуту не забывали, что несут на себе драгоценный подарок стране Советов. Галина неотрывно прислушивалась к закипавшей внутри ее новой человеческой жизни. Джелал выучился всем революционным песням у Сергея, — а Уикли умер.

На этом же тяжком болотистом пути Арт Броунинг вспомнил о зеленой нефритовой фигурке:

— Пропала, и безнадежно. Никаких гвоздей для науки.

— Зато мы получили свободу, — отозвался Сергей, остановившись на краю трясины.

Арт ухватился за ствол черного прогнившего деревца.

— Только сама жизнь может так нелепо выворачиваться из сложных положений, — продолжал он, — литература — нет. Товарищ Борис, ведь вы бы никогда не устроили такого конца, как у нефритовой фигурки?

— Конечно, нет. Что вы! — обиделся Козодоевский, и Галина почему-то пожалела его.

Сгорая от напряжения, путешественники шли с короткими отдыхами и днем и ночью.

На одном из рассветов они достигли какой-то шумной и быстро несущейся воды. К этому часу уже успела зайти ослепительная молодая луна. Кругом толпились горы, гремели эхо и, казалось, бушевали бесплодные скалы. Переплыть реку было невозможно, да и никто не знал к тому же, надо ли ее переплывать.

— Я хочу спать, — сказала Галина и легла на холодную землю. Постепенно ее примеру последовали все.

«Как хорошо, что мы не можем уже мыслить», — подумал Сергей, закрывая глаза, и тотчас же широко распахнул их снова от нестерпимой радостной догадки. От усталости ему показалось даже, что эта не терпящая возражений мысль вползла через левое ухо, повернутое к земле.

— Это река Аму-Дарья!

Делиться этим открытием с кем-либо было нельзя, чтобы не отнять у товарищей последней энергии, если надежда окажется напрасной. Кое-как справившись со своим беспокойным счастьем, он отвернулся лицом к скале.

Диким пасмурным утром, когда грозила обвалом серебро-свинцовая руда низких облаков, по горной дороге на низкорослых лошадях проезжали два всадника. За плечами у них были винтовки, а на головах суконные шлемы с красной звездой во лбу. Они молча держали путь на восток.

Завидев группу спящих людей, очевидно, по костюму — кочевников, они удивились отсутствию баранов или верблюдов, но проехали бы мимо, если бы младший не заметил, что один из кочевников лежит на самом скате скалы. Красноармеец слез с лошади, с укором поглядел на Аму-Дарью, покачал головой, не спеша подошел к спящему и тихо оттащил его в сторону.

Арт Броунинг проснулся.

— Сережа? — спросил он, но испугался, что бредит: над ним склонялось незнакомое лицо.

— Ты чего? — красноармеец даже не понял сначала русского слова, потом сразу опешил и окликнул другого. Тот подъехал на своей коротышке-коняке. Путешественники все, кроме Арта, продолжали крепко и мучительно спать.

— Ты — товарищ? — не верил своим глазам Броунинг.

— Ясно — товарищ, а то кто же? — пограничники переглянулись.

— Мы — разрушенная экспедиция.

Ребята не поняли. Арт подробно объяснил оба слова, потом, совестясь, рассказал о басмачах и блужданиях.

— Да ты не русский, что ли?

— Я — англичанин.

Пограничники снова переглянулись. Арт растолкал Серережу. Тот встал шатаясь и прислонился спиной к своей скале. Он сразу сообразил обстановку, но еще долго оставался в тайном убеждении, что это происходит во сне. Объяснение со всадниками пошло на лад.

Путь красноармейцев лежал на погранпост, затерянный в горах, над кипящей и темной Аму-Дарьей. Они сравнительно спешили, но дело «разрушенной экспедиции» требовало немедленного выяснения. Приходилось возвращаться обратно в только что покинутый кишлак, где милиция, комсостав и все, что надо.

Безнадежно отупевшим от радости Борису, Галочке, Джелалу и Александру Тимофеевичу они помогли встать и ввиду того, что нельзя доверять частным лицам ответственную лошадь, усадили женщину и веселого калеку — таким оказался Джелал со своей ногой — впереди себя. Продолжалось дикое пасмурное утро. Пограничники ехали медленно и тесно, конь-о-конь. Младшего звали Павлушкой, имя другого так и не привелось узнать. Первый рассказывал что-то мирное и деревенское о Белоруссии, о белых грибах; когда заморосил вдруг острой пылью острый пушистый дождик, Павел словно обиделся и замолчал. Другой, постарше, коренастый, с дальнотзоркими и немигающими серебряно-светлыми глазами, часто оглядывался на идущих сзади; несколько раз он мягко и невнятно подавал короткие фразы, но они поглощались шумом Аму-Дарьи.

— Телеграф... Телефон... — эти полные надежды слова добирались до сознания путников и так же бесследно поглощались этим отуманенным сознанием. Только добровольческий поручик, как бы в противоположность остальным, проснулся именно сейчас. Животный ужас поддерживал его под оба локтя. Два пограничника с красными звездами во лбу казались всемогущими вершителями судеб, а бежать было некуда.

Часа через четыре «разрушенная экспедиция» попала в угрюмый, но многолюдный кишлак. Их обступило население в бешеных мохнатых шапках... Слова «телеграф» и «телефон» сновали уже где-то над самым ухом; суровый, но дрожащий от малярии красный командир оглушительно скрипел пером по дну чернильницы... Путешественники теряли из памяти каждую прошедшую минуту. От всего кишлака у них сохранился образ огромной чаши с желтоватым пловом. Эта чаша пустела и наполнялась пятикрат-

но. В первый раз жирный плов был пересыпан подгорелыми кусочками баранины, второй раз обрывками прозрачного, красноватого жира, третий раз в нем вовсе не было мяса; в четвертый он плотно лежал пол ломтями жареного баклажана, а в пятый светился от зеленого кунжутного масла...

Все окончилось почему-то благополучно. Тошнило, выворачивались внутренности, а телеграф делал свое дело. Два знакомых пограничника уехали по своим делам; красный командир лег, стуча зубами, под серое байковое одеяло, и от кишлага потянулась бледная широкая дорога на Термез.

В Термез они пришли при том же пасмурном небе. Пристань каюков была пуста, путники сели, охватив колени руками или обняв друг друга.

— Ну, здесь уж конец, — сказал членораздельно Сергей, — амба! Запарился я, братцы, как корова.

Туман медленно рассеивался, не то в сознании, не то над самим Термезом.

Из небольшого деревянного барака вышел, сокрушенно покашливая, большой обвислый русский старик. Приметив расположившуюся на отдых группу диких кочевников, он рассвирепел от удивления.

— Ы-ы, разбойники, пшла! Паашла! — то рычал, то лепетал он. — В горах с басмачами вам мала гулять, чучья ягода? В Термез воровать пришли! — Он был однако не из трусливых. — Чтоб через двадцать четыре, бисту чар секунды, мать твою семью часами с кукушкой, ноги вашей здесь не было!

— Термез! — неожиданно взвыл Джелал. — Ой, Термез, Термез!

— Проспитесь с вашей кукушкой, гражданин! Где Орточека? — Сергей поднялся во весь рост.

У старика медленно выкатились из орбит и повисли фаянсово-голубые глаза с красными и желтыми жилками... Русские...

— Не имеете права матюкать угнетенные национальности! — крикнул Сергей.

— Не имею.

Галина не выдержала и прыснула звонким счастливым смехом. За нею засмеялись все. Сережа осторожно фыркал, стараясь сохранить грозное выражение бровей. Старик, нащупав подозрительным фаянсовым оком, что недовольных не осталось, восторженно раскашлялся.

Джелал буйствовал. Он смеялся, плакал, икал, шумно волочил по пристани свою больную ногу.

— Термез мой настоящий дядька живет! — хрипел и звенел он. — Термез мой дядька! Ой какой я радый, что мы дорога кончал! Я мой дядька пойти один час, ох-о-х, — скривился он, припав на ушибленную ногу. — Хочу мой дядька джена показать! Идем, джена! Пшла, Галечка, пшла!

Юноша ускакал, ковыляя и таща за собой недовольную Галину.

Час спустя путешественники ввалились в чай-хану.

— Самовар? — ахнул Козодоевский, — господи, с ручками?!

— Чаю, урток, хлеба! — волновался Сережа. — Много чаю, понимаешь? Хлеба тоже много. Много чаю, шурпа много, плов много.

— Не увлекайтесь, Седжи, — разгуливал за ним тенью Арт, — умеренно. Вы, русские, действительно широкая натура.

Но Сергей, Козодоевский и прихвостившийся поручик уже обжигались чаем. Арт выдрал из-под носа у Бориса огромный корж и успокоился. Хозяин и несколько посетителей смотрели на русских гостей во все глаза, обмениваясь междометиями восхищения. Вдруг Козодоевский застонал:

— Господи, боже мой, я ж есть хочу!

— Ешь, ешь, Боренька, — промычал Сергей, — ешь, голубчик!

— Не могу. Хочу и не могу.

— Будьте умеренны! — забормотал Броунинг, прожевывая второй корж.

Потом появились недоваренная шурпа и плов с морковкой, не похожий на вчерашнюю полу-галлюцинацию в кишлаке.

— Мне кажется, что я умираю, — сказал Сергей, — неужели это мой собственный живот?

— Я говорил, что после голода необходима осторожность, — злорадствовал Арт, дыша, как рыба.

— Как же это так? — жаловался Борис. — Ведь я не мог? А принесли шурпу — поел, принесли плов — поел. Ах, зачем я смог? Почему я смог?

Объевшийся поручик подхалимно сидел на корточках и судорожно раскачивался:

— Мутит меня, Борис Иванович, ох, мутит. Водочки бы сейчас? Вернейшее средство.

Борис поморщился. Эйридикины деньги были у Сергея или у Арта. Он небрежно обратился к двум друзьям:

— Ребята, деньги у вас, кажется. Извлеките-ка червячок. Мы вот с Александр Тимофеевичем лечиться хотим.

Арт засунул руку в карман и вытащил оттуда музейный шуршащий червонец. Борис передал его поручику.

— В два счета. Одна нога там — другая здесь, — заюлил тот и смылся. Арт поглядел ему вслед и с ожесточением плюнул:

— Отвратительный индивидуум. Мне даже как-то легче стало.

— Не человек, а стерва. — Сергей потянулся. — Соснем, братишки.

Минуту спустя вся троица, добравшись кое-как до темной каморки, ожесточенно заснула.

Проснулись уже при звездах и опять уселись на паласе в чай-хане.

— Шурпа, плов, чай и вообще. Много, — объяснялся с хозяином Щеглов. Таджик глядел на него с бездонным уважением.

Снова поели. Потом снова отправились спать. Ночь прошла в диких кошмарах, а утром Щеглов сказал:

— Конеч. Теперь, кажись, все. Только челюсти немно-го побаливают. Подсчитаем финансы.

Глава двадцать восьмая

И ПОСЛЕДНЯЯ

Перед тем, как сесть на поезд Термез—Самсоново, экспедиция, за исключением пропавших молодоженов и запьянствовавшего, к общему облегчению, белогвардейца, пару дней гуськом слонялась по учреждениям и базарам. Неожиданно для этих мест выпал куцый снежок.

Броунинг наслаждался дружественным молчанием и огромной махорочной трубкой, возвратившей ему английский профиль. Сережа длинно читал в спину Борису уроки политграмоты, вполне сознавая всю безнадежность этого дела. Отходчивая стихия Сергея, наперекор рассудку, волновалась дружескими воспоминаниями о длинных теплых прогулках по Самарканду и Яккабагу.

На термезском базаре Козодоевский крепко любил Сергея и власть Советов.

«Я — хамелеон», — думал он с неопределенной гордостью...

Александр Тимофеевич появился на третий день, опухший, затравленный и опасливый. Он, униженно заикаясь, сообщил, что остается служить пока у частного в Термезе и что, только увидев воочию советские торговые вывески, он понял, как мало дорос еще до красной Москвы.

— Где Джелал? — закусил мундштук трубки Броунинг, когда белогвардеец отхлынул.

— Придет, где бы ни был, — уверенно ответил Сергей.

Настал день отъезда. На маленькой железнодорожной станции собрался отъезжающий народ. Степенные немцы Востока — белокурые таджики — бесконечно пересматривали содержимое своих пестрых куржумов. Глядя на эти ковровые мешки, Сергей почему-то горько вспомнил и вздохнул об одинокой судьбе ишака Томми и верного Стусана. Потом затолкались веселые туркмены в сумасшедших, мохнатых шапках, и пошел дождь.

Часа за два до посадки в толкотне показались Джелал и Галина.

— Гы-ы-ы! Гип-ура! Хе-хе! — оглушительно приветствовали их Сергей, Арт и Борис, но осеклись. Джелал был бледен и изможден до неузнаваемости. Его черные глаза отупели и погасли, кожа на скулах дрожала.

— Сыριοжа, — отозвал он в сторону Щеглова, — Сыριοжа! Мы все пропал. Был на мой наге твой тайна. Нет твой тайна.

У Сережи застучало в висках. В это мгновение подбежала Галина.

— Сергейка, сердынько. Что он тут каже? Вин скаженный! Он сумасшедший. У него нога больная была, я ее сырым мясом обложила. У дядьки-то его барана закололи даром, что ли? Даже жалко, чтобы даром: дядька у него какой бедный!

Сергей едва понимал, что говорит Галочка.

— Сергеенка, я обложила сырым мясом! Все как рукой сняло, погано только, что надпись твою тоже сняло.

Брунинг, стоявший чуть поодаль, тревожно насторожился. как только речь зашла о сыром мясе, которое считается лучшим средством для сведения татуировок. Он подошел ближе.

Джелал плакал, низко опустив голову.

— Седжи, погибла формула?

Сергей отер со лба холодный пот.

— Брунинг! Да.

Все молча сели в вагон, где уже устроился Козодоевский.

— Что с вами такое? — спросил он. — На всех четырех лица нет.

— Не трогай сейчас, Борька.

В каменном отчаянии Сергей обернулся к окну. Морозный ветерок трепал его кудри; по перрону бегали красноармейцы.

— Отпуск-то просрочен. — Неожиданно по-старому защемило сердце у Сережи и продолжало щемить все крепче и слаще, пока в памяти проносились серое здание ВСНХ,

оснеженная Варварка, мосты, башни, институт имени Карла Маркса, тихий бульвар...

Вдруг Щеглов заметил в перронной толпе знакомое лицо — жесткое, спокойное, румяное, с волнистой черной бородой.

С пальцев этого человека стекали крупные, светящиеся зерна янтарных четоков.

— Купец из Каравансарая. Борис! Борис! Борис! вон мой купец с легендой про Хевес-Хюти.

Лицо скрестилось с глазами Сережи жестким зрелым взглядом и озарилось наивной улыбкой.

— А, русс, русс, товариш! Как здоров?

Борис и Арт подбежали к окну. Сергей еле сдерживался, чтоб не сорвать на первом виновнике просроченного отпуска накипевшую белым ключом боль.

— Как здоров? — продолжал осведомляться рассказчик легенды, но внезапно, вспомнив что-то, залился беззастенчивым жирным хохотом:

— Русс, ай русс, ай товариш! Келемен, Сефес, Керешет нашел? Абджед... хевес.. хютти...

— Ну, ну! Да ну же! — трепеща перевесился за окошко Борис.

Чернобородый продолжал заливаться:

— Знаешь книжка для маленький русский дети — азбук. Картинки есть. Келемен-Сефес — мусульманский азбук. Ай, товариш!

— Невозможно!

— Почему невозможно? Абжед значит — буква Абд... Хевез значит — буква Кхэ; Хютти значит — буква хи, Келемен — значит буква ке простой.

Он долго объяснял арабскую азбуку и повествовал что-то своим перронным приятелям, указывая на окно вагона. Лязгнул второй звонок.

— А книга Джафр-и-Джами? — с отчаяньем крикнул Козодоевский.

— Ай, русс, правильно помнил! Есть такой мусульманский книга «Джафр-и-Джами», но она нигде нет.

Поезд тронулся. Перрон скрылся из виду. Колеса заладили колыбельную. Арт задымил трубкой, сторбившись в углу вагонной скамьи.

— Товарищ Сережа! — тихо позвал он наконец.

— Что, Артюша?

— Значит, это арабская азбука. — Англичанин с успехом попробовал улыбнуться. — Я хотел бы откровенно сообщить вам, что я идиот. Когда я пробовал изучать начатки арабского языка, я уже знал, что значит «абджед-хевез-хютти». Потом я не сообразил: на подоле у нефритовой фигурки это выглядело гораздо помпезней. А когда Борис рассказывал про купца и попа, я был еще глуп после катастрофы с аэропланом.

При остром воспоминании о потерянной статуэтке Сергей досадливо нахмурился. Борис не слышал разговора. Он до половины высунулся в окно. Арт хотел было продолжать, но махнул рукой и крепко затянулся махоркой.

— Артюша, можно пока не говорить о формуле? Больно...

— Ясно.

— В Москве... Впрочем, ведь можно пока не говорить.

Арт выколотил трубку о край вагонного столика. Сережа подождал, пока это мелкое постукивание прекратилось.

— Впрочем...

— Ну?

— Так ли уж до зарезу нужен был этот газ Советскому Союзу?..

Поезд прибавил ходу и переменял ритм.

ЭПИЛОГ

Эпилог

Лю-Чен-Чан длинно улыбнулся:

— Нет, я с севера. Я немного времени жил в Пекине и немало времени в Харбине

— А Лю-Си-Фа?

— Лю-Си-Фа с юга... Шанхай. А вы не деретесь?

Лю-Чен-Чан улыбнулся еще длинней.

— Зачем? Мой отец один кули, его отец другой кули.

— Товарищ, тише! Свежий номер!

Сону из Тибета распахнул руки во всю длину коридора и не пропустил дальше ни тувинца, ни калмыка.

— Читай!

Китаец пришел к ним на помощь. Газета неожиданно очутилась у Джелала:

— «Твердолобым! — орал он по складам, отбиваясь от нападающих, — наша! помощь! не понравилась!»

— Ого, не понравилась!

— Пондравин-мандравин, — бегло вспомнил Джелал чернобородого купца с легендой, — дурак я был тогда...» — и продолжал: «Горняки не сдаются. Подкрепление...»

Газета вырвалась из его рук и перелетела в другие... Но Лю-Си-Фа читал тихо и трудно.

— Пойду к Сереже, — восторженно решил Джелал, — Галочки дежурство кончается в одиннадцать... Еще три часа...

Пробравшись сквозь толпу, он поправил тибетейку и спустился по лестнице. На улице он снова, по недоверчивому обыкновению, повернулся к дому, из которого только что вышел: на вывеске по-прежнему было написано с потрясающей ясностью «Коммунистический Университет Трудящихся Востока». Джелал презрел закон правой и левой стороны и стал отчаянно грести руками и ногами вниз по узкой и бурной Тверской. Электричество, еще смуглое и желтое в резкой вечерней синеве, заливало каждый уголок его памяти свежим светом.

Дойдя до Глинищевского переулка, где ему надо было свернуть налево, он раздумал: под боком в общежитии Коминтерна жил Артур Броунинг.

— А, «кутва» пришла!

В комнате было накурено. Хозяин с хитрым злорадством поглядел на измучившие его чертежи, от которых мог теперь, ради гостя, законно оторваться.

— Здравствуй, товарищ Арт!

Джелал удобно уселся в кресло, потянул со стола газету и с удивительным искусством покрутил носом. Газета была английская.

— Товарищ Арт, я хочу тебя спрашивать. Что в газете пишут? Горняки победа?

Арт задумчиво поглядел на гостя:

— Ну, конечно, горняки... — и помолчав добавил, — рано или поздно.

— Зачем поздно? Ну почему поздно. Сейчас — нельзя?

Арт еще помолчал.

— Уже.

— Уже? — Джелал подскочил в кресле.

— Возврата к старому нет. Теперь они не будут верить плохим вождям.

Джелал цвел. Но того, зачем он пришел сегодня, он не успел сказать Броунингу. Уже два-три весенних вечера юноше было как-то удивительно легко и уютно; вчера в первый раз мысль о погибшей надписи на ноге вызвала у него улыбку, он даже стал ступать на эту опозоренную ногу с особым ударением и удалством! Именно о причине собственной беспечности он и хотел спросить англичанина, когда в комнату ввалился Сережа. За истекшие месяцы у Щеглова еще больше прояснился лоб и развернулись плечи; он оброс новым спокойствием, уладился в ячейке и стал студентом-химиком Карповского института.

— Тысяча Макдональдсов! Джелал! — Электрическая лампочка заморгала от могучего окрика... Друзья не виделись уж около трех недель.

— Я, товарищи, тово-с... — блестяще оправдался Сергей, — с кислородами разными это самое... Вдруг он засмеял-

ся. «Киска лягавая»! Кислород-то! Ловко все-таки было зашифровано, а?

После легкого и острого молчания Броунинг, точно освеженный из-за угла прохладой горных садов, разразился философией:

— Человек ко многому привыкает...

Не дождавшись возражений, он продолжал:

— Если бы сегодня совершенно внезапно и неестественно устроились международные дела, вроде оккупации земли марсианами, то в четверг марсиане вошли бы в наш домашний быт, и квартирные хозяйки напустили бы на них дочерей!

— Что с Козодоевским? — заинтересовался, по ассоциации, Сережа.

— Он больной, — Джелал вздохнул. — Галочка сказал...

Броунинг распахнул окно. В комнату ворвался дикой синовой весеннего вечера и воплями газетчиков пробуждающийся Китай. Восточный ветер смел со стола авиационные чертежи и обратился к податливым кудрям Щеглова.

Джелал исповедался, наконец, в своих воспоминаниях и получил вольную.

— Китай восстал, горняки держатся. Зачем нам твоя нога?

— А ты тоже так думаешь, товарищ Арт?

— У нас три реальные силы: Советский Союз; английская забастовка, китайская революция.

Сергей подхватил:

— Силы, как и тела, бывают в трех состояниях — твердом, жидком и газообразном! Мы — в твердом состоянии. К черту сонный газ и прокаженный рай!

Еще с полчаса друзья продержались, не сдаваясь весеннему ветру. Это было возможно, пока у каждого не мелькнула мысль навестить Козодоевского. Сергей первый, стыдясь своей слабости, попытал остальных:

— Я вот думаю, какими бы это... гм... дарами природы осыпать беспартийного?

И дары природы были куплены в складчину в кондитерской Моссельпрома. В переулках весна останавливалась,

чтобы отдышаться от бега с газетами — слышно было, как она дышит. На подъемах бульварного кольца, у калиток, обращалась к трамваям нежная надпись «Тихо», и мерцали красные именные фонарики. Дальше прочно громоздились лиловые громады домов. Друзья уже приближались к больнице... Прямо к светлым матовым окнам подступал густой сад; под ногами закрипел гравий.

— Стоп, ребята! — остановился Сергей, — да ведь сейчас нас никто к Борису не пустит. И поздно, и приема может не быть!

Но Джелал, хитро засопев, потянул Щеглова вперед. У одного из окон узбек присвистнул, и в окно выглянула молодая женщина.

— Галочка!

— Тсс...

— Она уже здесь две недели сестрой служит, — гордо пояснил Джелал, — мы пройдем к Борису.

Пока Галочка горячо объяснялась с дежурным врачом, молодой муж, поощрительно осклабясь, подтолкнул Сергея:

— Посмотри, у меня скоро сын будет.

Сергей сочувственно пожал ему локоть.

Протекция Галины помогла. Врач задумчиво протер очки и выдал из себя разрешение пройти в палату.

Всякий раз, когда Щеглову случалось навещать кого-нибудь в больнице, он почему-то смущался. Суетился он и сейчас, растерянно ища глазами среди лежащих белых людей Козодоевского. Наконец он узнал его — на похудевшем лице немецкий нос тонкой работы казался еще горбатей, и одеяло собралось под подбородком, как нагрудник у младенца. Сергей панически свалил весь свой Моссельпром на руки Арта и стал, скрипя половицами, пробираться к постели. Арт и Джелал последовали за ним. Козодоевский радостно зарделся:

«Ценят они меня», — и он сделал вид, что, обаятельно улыбаясь, с трудом приподымается на подушках.

— Селям алейкум, друзья!

— Здравствуй, пацан!

— Селям алейкюм!

Броунинг. чтобы доставить ему удовольствие, поздоровался по-английски. Борис замедленно принял из его рук хрустящие свертки.

— Фенк-ю.

Сергей ткнул пальцем в матрац.

— Не жестко тебе? А то я тебе пальто принесу?.

— Нет, друг, но тошнит. Долго ли, коротко ли идет человек в тени, которую сам же отбрасывает?

Трое гостей беспомощно переглянулись, не зная, что ответить. Слыша в тишине, как лопаются кое-как завязавшиеся отношения, Борис переменил голос:

— Вам привет.

— От кого?

Он вытащил откуда-то из-под подушки измятую почтовую открытку. Арт дважды пронедоумевал над ней, потом передал Щеглову.

«Задумшевный Борис Иванович! Искренне надеюсь, что вы живы-здоровы. Не женились ли? Я еще нет. Все собираюсь написать вам длинное письмо, но “время, время!”, как сказал наш общий друг Шекспир. В Термере у меня приключились некоторые неприятности, и теперь я устроился в Закавказьи, в Нахичеванской республике. Встретил здесь много знакомых — сослуживцев по полку и просто частных. Здесь наш брат-интеллигент занимает хлебные места. Я купил ковры и много курю. До свиданья, душка. Пишите. Привет нашим. Ваш Александр Тимофеевич».

«Категорическая стерва!» — хотел было сказать Сергей, поднимая глаза от письма, но подождал: Козодоевского рвало; сиделка смотрела искоса строгим глазом.

Роман поэтессы, писательницы и переводчицы А. Е. Адалис (Ефрон, 1900-1969) и ее мужа, писателя и эсперантиста И. В. Сергеева (1903-1964) «Абджед хевез хютти...» публикуется по первому книжному изданию (М.-Л.: Молодая гвардия, 1927). В книге исправлены некоторые очевидные опечатки и устаревшие особенности орфографии, унифицировано написание имен. Так, Броунинг в нескольких случаях именуется Щеглова не «Седжи», а «Сэджи»; нами оставлен первый вариант, как встречающийся более часто. Имя «Ганна» на с. 65 восстановлено по журнальной публикации под названием «Хевес-хютти», представляющей собой сокращенную версию первых двух частей романа (*Молодая гвардия*, 1926, № 6-7).

Оглавление

Предварительные приключения	7
Глава 1. Легенда	8
Глава 2. Разговоры	16
Глава 3. Англичанин	24
Глава 4. Перелет	34
Глава 5. Украина	39
Глава 6. Печальный финиш	49
Глава 7. О стихийных бедствиях	53
Глава 8. Конец и начало	60
Конец предисловий	60
Глава 9. Нефритовая фигура	67
Глава 10. Нападение	72
Глава 11. Плен	78
Глава 12. Допрос и свадьба	84
Глава 13. Освобождение	92
Глава 14. Конец предисловий	97

«Дом отдыха»	102
Глава 15. Продолжение следует	103
Глава 16. Мистика	104
Глава 17. Записки	110
Глава 18. Совет Семи	116
Глава 19. Союз	124
Глава 20. Евангельская	129
Глава 21. Успехи	133
Глава 22. Без названия	138
Глава 23. Опиум для народа	143
Глава 24. Банкет и после	146
Глава 25. Побег	152
Глава 26. Гибель надежды	159
Глава 27. Последний переход	164
Глава 28. И последняя	171
Эпилог	175

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.